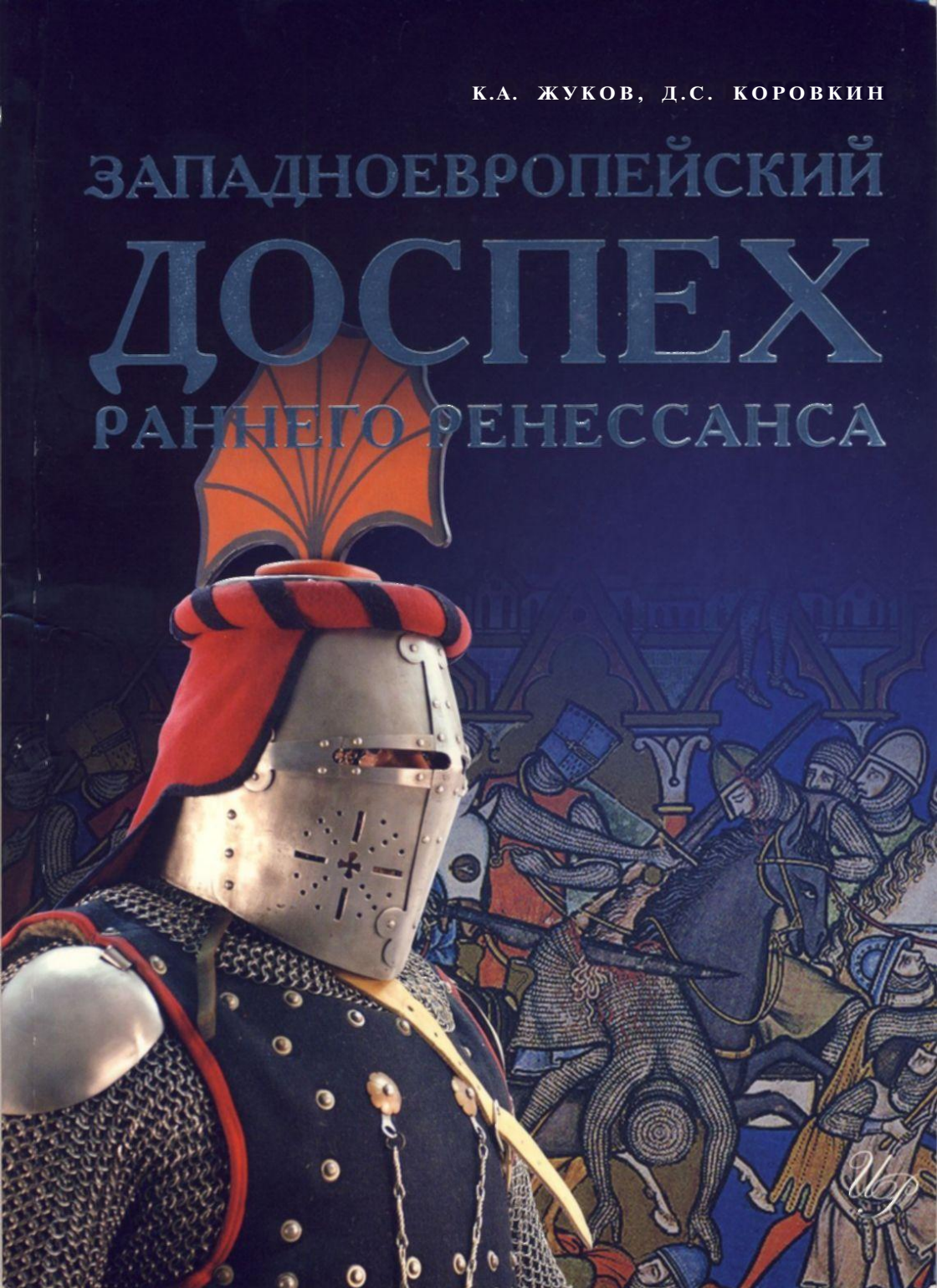
К.А. ЖУКОВ, Д.С. КОРОВКИН

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДОСПЕХ РАННЕГО РЕНЕССАНСА



Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна

К.А. ЖУКОВ, Д.С. КОРОВКИН

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДОСПЕХ РАННЕГО РЕНЕССАНСА

Под редакцией
А. В. Арановича

Санкт-Петербург
2005

Жуков К. А., Коровкин Д. С.

Западноевропейский доспех раннего ренессанса / Под ред. А. В. Арановича. — СПб.: СПГУТД, 2005. — 100 с, илл.

ISBN 5-3937-0308-x

Данная работа освещает сложный и многогранный процесс зарождении латного доспеха в Европе и складывания основных школ производства защитного снаряжения.

В книге описаны конкретные образцы доспехов XIV столетия, дошедшие до наших дней, приводятся многочисленные вспомогательные источники. Рассмотрены скрытые механизмы, влиявшие на развитие военного дела, а также культурные и экономические процессы, породившие конкретные формы феномена «рыцарского» доспеха.

Особенность данной работы заключается в наличии фотографических планшетов с научно обоснованными реконструкциями доспехов изучаемого периода, которые соотносятся с классификационными схемами и технологическими рисунками в приложениях.

Книга представляет несомненный интерес для учителей и учащихся гражданских и военных высших и средних учебных заведении, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей военного дела и вооружения.

ISBN 5-3937-0308-x

© К. А. Жуков, Д. С. Коровкин, 2005
© ИПЦ СПБГУТД, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Вашему вниманию прелагается работа, посвященная европейскому защитному вооружению XIV в. В настоящее время наблюдается устойчивый рост интереса к данной тематике. Тем не менее, к сожалению, можно констатировать почти полное отсутствие доступной литературы на русском языке. После выхода в свет книги П. фон Винклера «Оружие» в 1992г. только в 1995 г. была издана переведенная с немецкого языка монография В. Бехайма (1890 г.) «Энциклопедия оружия» и в 2004 г. «Археология оружия» англичанина Р. И. Оакшотта (1956). Более специальных исследований, посвященных вооружению средневековой Европы, в нашей стране не издавалось. Кроме того, «Археология оружия» охватывает огромный временной период от XV в. до Р. Х. до XV в. нашей эры и освящает преимущественно историю наступательного вооружения, а не доспеха. В определенной мере представленная работа призвана заполнить этот пробел.

Почему книга посвящена именно XIV столетию? Дело в том, что вооружение XV-XVII вв. более или менее хорошо представлено в музейных экспозициях и музейных каталогах, что позволяет исследователям и широкой публике получить о нём достаточно ясное представление. Например, в 2004 г. был издан путеводитель по Рыцарскому залу (экспозиция отдела оружия — Арсенала) Государственного Эрмитажа, а в 2002 г. — каталог выставки средневекового вооружения из собрания Эрмитажа в замке-музее Мальборк в Польше. Эти работы, посвященные преимущественно XVI-XVII вв., находятся в свободной продаже и доступны всем желающим.

При этом основы для развития «стальной скульптуры» — прекрасных латных доспехов XV—XVI вв. — были заложены именно в XIV столетии. Тогда под воздействием самых разных исторических сил появились все основные варианты защитного вооружения, получившие позднее дальнейшее развитие. То есть знакомство со средневековым вооружением будет неполным без понимания процессов, имевших место в XIV в.

Представленная книга носит в первую очередь ознакомительный характер. Поэтому научный аппарат был сокращен до необходимого минимума, дабы не перегружать текст ссылками. При этом в конце книги приводится список основных использованных трудов: монографий, статей, музейных и аукционных каталогов.

Как и все работы данной серии, эта книга иллюстрирована фотографиями современных реконструкций защитного и наступательного вооружения, которые дополняют изображения средневековых древностей и памятников искусства. Реконструкции выполнены на базе Ассоциации средневековых боевых искусств: межрегиональное историческое объединение «Меченосец», ВИК «Берн». Приносим благодарность мастерам, изготовившим доспехи, а также их владельцам, любезно предоставившим данные комплексы для фотографирования: Кириллову Павлу, Ханжину Александру, Родионову Евгению, Мясищеву Сергею, Белову Андрею.

ГЛАВА I
ВЕК ПЛАСТИНЧАТОГО ДОСПЕХА

Известный английский оружиевед Клод Блэр ввел в научный обиход остроумный термин «век кольчуги» для обозначения временного отрезка с XI по середину XIII вв. Развивая логику его рассуждений, последующий период можно смело именовать «Веком пластинчатого доспеха». Ведь именно пластинчатые защитные конструкции доминировали с начала XIV в. Разумеется, переход к данным оборонительным средствам не был мгновенным, а растянулся примерно на полстолетия. Процесс этот охватил всю Европу и отличался заметной неравномерностью. Первая вспышка популярности пластинчатого доспеха фиксируется на восточной границе Европейской равнины в конце XII — начале XIII вв. Русские княжества взяли на вооружение полный спектр пластинчатых защитных приспособлений, известных в этот период.[1] Комплекс русского вооружения включал в себя и революционные новшества общеевропейского значения, как, например, латные наручи и наголенники или шлемы с подвижным забралом — личиной.[2] Аналогичные боевые средства пополнили арсеналы европейского воинства не ранее середины XIII — начала XIV вв., то есть как минимум на пятьдесят лет позже. Однако, восприняв прогрессивные для своего времени конструктивные особенности, русский доспех оказался как бы законсервированным, принципиально не видоизменяясь вплоть до начала — середины XV в. Данная ситуация объясняется рядом объективных факторов. Это и особенности развития русского военного дела, существовавшего в уникальных условиях, это и характер общественной формации и, напрямую с ним связанные, особенности производительных сил Руси. Нельзя забывать и о самобытном самосознании славян и, шире, русских. Свою роль сыграло нашествие монголо-татар, серьезно подорвавших экономику государств Киевской Руси. Факт остается фактом, история русского доспеха приблизительно от 1200 до 1430 гг. ознаменована лишь незначительным числом нововведений. Полный комплект защитного вооружения включал в себя остроконечный шлем сфероконической или куполовидной геометрии с бармицей, защиту корпуса в виде распашного на боках «пончо», в основном ламеллярной или чешуйчатой конструкции, который, как правило, дополнялся пристежным подолом и плечевыми щитками — «рукавами», аналогичного устройства. Периодически использовались наручи для защиты предплечий и кольчужные чулки для защиты бедер и голеней. Крайней редкостью были латные или наборные наголенники. С конца XIII в. употреблялись различные функциональные дополнения к доспеху. Как, например, нагрудные пластины — «зерцала», или боевые пластинчатые ожерелья. «Отсутствие архитектурных излишеств, утилитарность и плавное постепенное развитие без резких скачков — вот особенности русского пластинчатого доспеха».[3] Революционным изменением можно признать массовый переход русского военного дела к переднеазиатским средствам защиты в середине — второй половине XV в.

Иной была судьба европейского доспеха XIV столетия. Данный период — особый во всей истории европейского Средневековья. Иоганн Хёйзинга метко окрестил его «осенью Средневековья». Европу раздирали кровавые войны, связанные с кризисом

феодальных отношений и складыванием национальных государств. В 1340-е годы пришла новая беда — великая чума, унесшая жизни до четверти всего населения континента. Все это породило неизбывный подспудный страх, иррациональный ужас перед неминуемой смертью, который прослеживался во всех областях культуры европейского общества. Удивительно, но непонятный современному человеку фатализм не породил пессимизма — напротив. Обыватель XIV в. стремился к максимально ярким эмоциональным проявлениям, радуясь каждому прожитому мгновению. Это отразилось в чрезвычайно выраженной внешней атрибутике рассматриваемой эпохи: красочные праздники, рыцарские турниры при роскошных дворах европейских государей, утонченная поэзия и проза, воспевавшая с тех пор вполне земные, плотские наслаждения (достаточно вспомнить «Декамерон» Джованни Бокаччо), богатейшая и разнообразнейшая материальная культура, отмеченная несомненным вкусом во всем — от ювелирных украшений и костюма до впечатляющих памятников готической архитектуры. В европейском искусстве с тех пор надолго утвердился реализм, который словно сошел с иконописных полотен и фресок великого итальянца Джотто, шагнув в суетный светский мир.

Вычурная роскошь и утонченность поздней готики не могла не отразиться на внешнем облике доспеха. Доспех являлся важнейшим символом и атрибутом рыцарства — главной исторической силы Средневековья. Естественно, что воинское сословие не могло не стремиться к воплощению в своем боевом убранстве всех модных тенденций. Однако производственная база XIV столетия, хотя и была чрезвычайно развита, еще не могла совместить высокую боевую эффективность и технологичность изготовления с эстетическими стандартами высокой готики. Только в XV в. оружейники смогут «поднять планку» до общего уровня развития материальной культуры. В тот период доспех превратился в произведение искусства, «стальную скульптуру». А до тех пор мастера были озабочены прежде всего обеспечением безопасности воина во время его ратной работы, что было непростой задачей в условиях повсеместного усиления наступательных средств. Поэтому доспех вплоть до середины — второй половины XIV века отличался заметной тяжеловесностью форм, скорее походивших на отголоски старинного романского стиля, чем на продукт модных готических тенденций. И даже во второй половине столетия, когда доспех получил более изящный, выражено приталенный силуэт, на нем сохранился отпечаток некоторой архаичности, если рассматривать его в общем контексте европейской культуры. Правда, это не мешало украшать защитную одежду всеми доступными способами. Панцири покрывали яркими тканями, шлемы венчали плюмажи из перьев, расписные геральдические фигуры, венцы из тисненой позолоченной кожи или дорогой ткани и ниспадающие назад наметы. Шляпки заклепок часто покрывались драгоценными металлами, а количество самих заклепок на доспехах далеко превосходило собственно утилитарную необходимость. Кромки пластин могли оснащать позолоченными гравированными кантами, которые играли еще и усиливающую функцию, добавляя жесткости латам.

В техническом отношении XIV век явился эпохой колоссального эксперимента, который предпринял неутомимый исследовательский тандем и двигатель прогресса всего средневековья: воин и мастер оружейник. Никогда в истории личного защитного вооружения не было такого количества разнообразных конструкций и форм вплоть до самых необыкновенных. Стремительное развитие производственных сил, недостаточное в данный отрезок времени, породило множество конструкторских решений, признанных решить непростую задачу — как обеспечить безопасность в бою не повышая чрезмерно веса доспеха и сохраняя необходимую подвижность. Именно в это время сложилась блестящая школа (точнее школы) европейских

Рис 1. Надгробие Генриха, епископа Упсальского (резная боковая панель). Монумент возведен в 1410 г.

оружейников, которая впоследствии дала миру прекрасных мастеров своего дела, настоящих художников: Джованни Миссалья и Лоренца Хельмшмидта, Филиппо Негроли и Конрада Зойзенгофера, Помпео де ла Кьеза и Антона Пеффенгаузера — да всех и не перечислить.

Остановимся вкратце на основных группах исторических источников, освещающих рассматриваемую тему. Во-первых, вещественные источники. Это предметы вооружения, дошедшие до настоящего времени в качестве археологических находок или коллекционных антикварных материалов. Для периода 1300-1350-х годов на сегодняшний день известна сравнительно незначительная группа разрозненных предметов вооружения или их фрагментов. Как правило, это мечи, которые хранились в храмах как пожертвования донаторов. Элементы защитного снаряжения редки и даже в лучшем случае не представляют полного боевого комплекса своего времени. Во-вторых, письменные источники. Это хроники, платежные документы и ведомости, росписи снаряжения наемных отрядов, описи арсеналов, завещания и т. д. Вспомним и нарративные источники, ведь описания тех или иных военных моментов встречаются во множестве средневековых литературных произведений. Все они — бесценное подспорье для определения количественных соотношений, цен на вооружение, аутентичной терминологии. Однако конструктивные особенности и данные о внешнем виде комплекса вооружения с их помощью в подробностях не восстанавливаются. В-третьих, изобразительные источники. Данная категория источников предоставляет наиболее подробную информацию о комплексе защитного и наступательного вооружения XIV века. Необходимо упомянуть следующие группы изобразительных материалов: книжная миниатюра, станковая живопись, памятники пластики, монументальные изображения. Живописные источники Западной Европы отмечены печатью реалистической школы, что сообщает их информативному наполнению высокую степень достоверности. В высшей мере эта оценка применима к памятникам итальянского искусства. Ведь именно в этом регионе в начале XIV века берет начало эпоха Возрождения, когда фотографическая реалистичность стала одним из основных достоинств того или иного произведения. При изучении живописи Возрождения как источника оружиеведения, начиная с раннего этапа необходимо учитывать, что многие изображения, невзирая на протокольную подробность, не имеют ничего общего с реальностью. В первых декадах XIV столетия появляется традиция гротескных и псевдоисторических изображений. Если в эпоху раннего и развитого Средневековья художник писал некий библейский сюжет или сцену из античных мифов, его произведение отражало современные ему реалии. Герои древности с полной уверенностью наделя-

лись рыцарскими званиями. Отсюда происходят изображения Александра Великого или Энея в хаубертах, горшковидных шлемах с рыцарскими мечами и копьями и т. д. В XIV веке такое положение вещей сохранилось, однако художники под веянием времени постепенно пришли к пониманию, что тысячу лет назад вооружение и костюм не могли быть такими же, как в их дни. В результате появляются изображения, где некоторые или все персонажи одеты на античный манер, как это представляли рисовальщики XIV века. Приведем хрестоматийный пример из творчества Джотто. На картине «Арест Христа» 1304-1306 гг. аутентичные изображения оружия соседствуют с панцирями и шлемами неправдоподобных очертаний и декорировки. Подобные памятники приходится вычленять из общей массы и исследовать с особой осторожностью.

Монументальные памятники являются наиболее ценным источником по периоду XIV столетия. Основная же информация вычленяется при исследовании рыцарских надгробий, которые изображали воинов в полном вооружении. Надгробия отражают реальность с высочайшей степенью достоверности. Надгробие, как правило, несет имя покойного и дату смерти, отталкиваясь от которой определяется время бытования изображенного комплекса. Можно выделить два основных варианта соотнесения аутентичности изображения с датой смерти его владельца, которые зависят от времени и условий изготовления надгробия. Во-первых, прижизненное изготовление надгробия. В таком случае вооружение относится к периоду, предшествующему дате смерти. Временной промежуток можно сузить, если известны годы жизни покойного. Тогда в расчет принимается период от совершеннолетия до момента смерти, когда рыцарь мог активно использовать изображенный комплекс вооружения. Если рыцарь жил достаточно долго и мог сменять вооружение на более современное, уместным кажется время, приближенное к дате смерти. Во-вторых, посмертное изготовле-

Рис. 2. Надгробие Иохайна фон Брандшайта из Кильбурга, нач. XV в.

ние надгробия. В такой ситуации возможно полное соответствие реалиям периода жизни покойного, частичное соответствие или полное несоответствие. В первом случае скульптор или резчик имел перед глазами полный комплекс снаряжения покойного и ваял с натуры. Во втором случае мастер имел возможность ознакомиться лишь с некоторыми предметами вооружения, которые хранились в храме как дар или реликвия. Как правило, данная ситуация имела место, когда надгробие изготавливалось спустя некоторое время после смерти рыцаря. Тогда изображалось вооружение, современное мастеру, с которым он был хорошо знаком, но с добавлением отдельных более ранних элементов снаряжения, принадлежавших покойному. Как правило, это были меч и шлем, которые семья оставляла при надгробии. Классическим является пример надгробия Эдуарда Плантагенета Черного Принца. Он умер в 1376 году и был похоронен в Кентерберийском аббатстве. Аббатству были пожертвованы большой шлем, щит, перчатки и геральдический джупон принца (там они хранятся по сей день). Надгробие из чеканной бронзы было изготовлено в начале XV века и отображает классический итальянский доспех этого периода. Однако надгробие несет несколько архаических для начала XV века деталей, а именно: горшковидный шлем под головой принца, перчатки и джупон, выполненные с фотографической точностью. Их делали с реальных образцов, в то время как остальной доспех был утрачен, и вместо него изобразили то, что видели в обиходе высшей аристократии своего времени. В третьем случае надгробие изготавливается без каких-либо памятных образцов. В основном этот происходило через несколько десятилетий после смерти владельца, то есть имеет место полное несоответствие изображения с реалиями даты смерти. В данной ситуации необходимо знать время изготовления надгробия, или датировать его, сопоставляя с группой единовременных источников. Приведем пример надгробия св. Генриха, епископа Упсальского. Он умер в 1150 году. Надгробие было изготовлено только в 1412 году северогерманскими мастерами. Здесь имеет место не только полное временное, но и территориальное несоответствие, то есть надгробие выступает источником не по шведскому вооружению XII в., а по германскому начала XV в. *(рис.* 1). Заслуживает внимания ситуация, когда предусмотрительный дворянин заказывал надгробие загодя, будучи молодым человеком. Могло пройти не одно десятилетие, прежде чем надгробие оказывалось востребовано. В результате относительно поздняя дата сопровождает изображение чрезвычайно архаического комплекса вооружения. Подобные при меры далеко не единичны, и часто вводят в заблуждение невнимательных исследователей. Характерной иллюстрацией является надгробие Иоханна фон Брандшайта из Кильбурга. Датируется оно началом XV в., хотя изображен на нем классический германский доспех 1360-1370 гг. Т. е. дата и отображенная реальность рознятся на тридцать — сорок лет *(рис.* 2).

ГЛАВА II
ЭВОЛЮЦИЯ ДОСПЕХА В XIV В.

Рассмотрим происхождение позднесредневекового европейского доспеха, а также наметим основные линии его развития на протяжении XIV столетия.

При внимательном ознакомлении с материалами «темных веков» и классического Средневековья становится очевидным, что пластинчатые доспехи не исчезали из обихода европейского воинства даже во время максимальной популярности кольчужного доспеха.[4] При этом их распространение было весьма ограниченным, а в ходу были лишь несколько конструктивных разновидностей. Основными видами пластинчатого доспеха являлись ламеллярные и чешуйчатые защитные одеяния. Неразвитая металлургическая база превращала пластинчатый доспех в относительно дорогой предмет, чьи боевые качества, в тоже время, оставляли желать лучшего. Кольчужная защита была проще в производстве, дешевле и эффективнее в применении. До определенного момента абсолютная гибкость кольчуги и ее унитарность в сочетании с высокими защитными качествами обеспечивали ей господство в арсеналах и на полях сражений. Однако в середине XIII в. все изменилось. К XIII веку железообрабатывающее ремесло подошло полностью готовым к революционным изменениям в вооружении. Техника выделки и обработки листового железа, видимо, была освоена-. Готовы оказались и потенциальные заказчики нового вооружения — профессиональные военные. Речь идет о коннице в первую очередь, ведь именно конница являлась главным потребителем тяжелого защитного вооружения.

Весь XIII век шел процесс усиления наступательного оружия. Мечи для удобства конного боя делались все длиннее и тяжелее. К 1240-50 появились мечи «в полторы руки», или «бастарды». Достаточно длинная рукоять позволяла наносить удары двумя руками. Более длинный и массивный клинок и возросшая масса более чем в два раза увеличили разрушительный эффект в сравнении с одноручным.[5] Вошли в широкое употребление различные виды древкового оружия. Прекрасные миниатюры Библии Мациевского 1240-х годов с фотографической реалистичностью передают ужасающую эффективность двуручных секир и фошардов в конном бою.**(рис. 3}. Все шире распространялись арбалеты, все больше повышалась их мощность. Теперь абсолютная гибкость кольчуги стала отрицательным фактором. Концентрированный удар, например двуручной секиры, если и не нарушал целостности кольчужного полотна, то мог привести к серьезным травмам, вплоть до летальных. Потребовались новые, более жесткие защитные конструкции. Выход крылся в использовании пластинчатого доспеха. Скоро спрос на него возрастет настолько, что изготовление и торговля пластинчатыми доспехами станет важнейшим экономическим фактором в некоторых регионах.

* С введением пластинчатого доспеха его изготовление стало уделом весьма ограниченного круга мастеров, сконцентрированных всего в нескольких регионах.

** Некоторые моменты данных изображении - явное художественное преувеличение, например разрубленные надвое шлемы. Воздействие же двуручного оружия на кольчугу отражено вполне правдиво. Достаточно вспомнить кольчужные капюшоны из братских могил под г. Висбю, некоторые из них разрублены буквально от уха до уха.

Рис. 3. Библия Мациевского. Франция, 1250 г.

Рис. 4. 4а. Библия Мациевского. Франция. 1250 г.

Доспехи из пластин никогда не исчезали совсем. В некоторых регионах, вспомним Византию, традиция их изготовления не прерывалась с античности. Западная Европа знала многочисленные эксперименты с материалами для пластин — от рога и вываренной кожи до китового уса. Первенство закономерно осталось за сталью. Массовое применение пластин началось при поиске способов защиты суставов — наиболее уязвимых для раздробляющего воздействия оружия. Изначально локти и колени прикрывались плоскими или незначительно выпуклыми дисками. Несколько позднее диски стали прикрывать и плечевые суставы. Они фиксировались на поверхности рукавов кольчуги, чулок или стеганых набедренников посредством шнуровки через систему отверстий. К 1260-1280-м годам появились наколенники, вплетенные непосредственно в полотно кольчужного чулка. Подобный наколенник хранится, например, в Парижском музее армии. Ко второй половине XIII века прикрытия

суставов приобрели более крупные размеры и выраженную выпуклую форму. Вскоре, наравне с полусферическими, появились приспособления характерных коробчатых очертаний, закрывавшие сустав спереди и с боков. Изначально нововведение коснулось только наколенников. Налокотники отличались более примитивными формами до начала XIV века. Эволюция защиты ног в Европе вообще несколько опережала защиту рук. Первые монолитные створчатые конструкции, столь популярные впоследствии, появляются изначально в качестве наголенников. Их появление относится к 1240-1250-м годам, что нашло отражение на миниатюре с фигурой Голиафа из Библии Мациевского *(рис.* 4). Введение жестких пластинчатых конструкций, очевидно, было повсеместным и практически единовременным процессом. В некоторых регионах он начался раньше. Русь, благодаря традиционным контактам с Византией, завершила переход к доспехам из пластин, когда на западе он только начинался, то есть к 1250-1270-м годам. Тем не менее это был единый общеевропейский процесс, результат единых тенденций в развитии военного дела и единого движения производительных сил.

Защита корпуса также усилилась в середине XIII века. В это время появляется вид доспеха, качественно изменивший все европейское защитное вооружение и определенным образом откорректировавший его развитие. Входит в употребление так называемая «бригандина». Этот доспех формировался пластинами, зафиксированными посредством заклепок, на изнанке тканевой несущей основы. На лицевой стороне проступали ряды заклепок и контуры подложенных пластин. С данным доспехом Европу, видимо, познакомили монголы, которые вывезли его, в свою очередь, из Китая. Вряд ли имело место прямое заимствование. Но своим нетрадиционным внешним видом восточные завоеватели могли подсказать общее направление поисков в деле развития пластинчатого доспеха. Император Фридрих II Штауфен, всегда внимательный к военным новшествам, в письме Папе Римскому описывает некоторые монгольские панцири из кожи с подложенными изнутри пластинами. Новая идея упала на благодатную почву, ведь Европа имела давнюю традицию драпировки доспехов тканью. Поэтому первые бригандины не отличались по покрою от обычных рыцарских котт. Необходимость фиксировать панцирь на корпусе обуславливала наличие застежек. На бригандинах появилась ранее неизвестная система, когда доспех застегивался на спине, вместо традиционных боковых застежек. Это значительно обезопасило ремни от повреждения в бою и повысило удобство, так как рукава кольчуги не могли цепляться за пряжки. Покрой бригандин, а также основные разновидности их пластинчатого набора, демонстрируют два памятника 1250-1280-х годов. Первый — это уникальная скульптура св. Маврикия в Магдебургском соборе 1250-х годов *(рис.* 5). Живот закрыт тремя широкими горизонтальными полосами, расположенными с нахлестом снизу вверх, что видно из расположения заклепок. О прикрытии груди судить трудно, так как она почти полностью скрыта пелериной кольчужного капюшона. Аналогично прикрыта и спина. На спине находится застежка. Второй памятник — это барельеф 1260-1280-х с изображением спящего воина с алтаря церкви монастыря в Винхаузене *(рис.* 6). Обычная длиннополая котта воина подбита тремя рядами узких и длинных, расположенных вертикально, пластин.*

Наряду с бригандинами продолжали существовать старые чешуйчатые и ламеллярные доспехи. Однако уже к началу XIV века из десяти доспехов девять были бригандинными, все остальное приходилось на долю кольчуг или иных пластинчатых прикрытий. Конструкция бригандины оказалась настолько удачной, что в такой манере стали изготавливать практически любые элементы защитного снаряжения — наручи, поножи и даже бармицы.[6] Итак,

* Отметим, что к 1270-1280-м годам изображения бригандин появляются и на Руси.

Рис. 5. Св. Маврикий. Магдебург 1250 г.

со второй половины XIII века кольчуга как самостоятельное защитное средство начинает уступать позиции пластинчатым защитным конструкциям. Кольчуга отныне становится дополнительным элементом тяжелого рыцарского снаряжения, надеваясь под бригандину или иной доспех.

Процесс усиления защиты естественно коснулся и боевых наголовий. Предпочтение все чаще отдавалось шлемам обтекаемых очертаний. Выпуклые или наклонные поверхности наиболее эффективно создавали отражающий момент, противодействуя тяжелому оружию. Плоские или незначительно выпуклые части шлемов покрывали усиляющими пластинами, жесткими углами, создавая максимальную толщину металла в наиболее поражаемых участках. Видимо, именно с рассматриваемого периода шлемы, как и прочие доспехи, стали подвергаться все более сильной закалке. Большой горшковидный шлем — основное наголовье рыцарской конницы — приобретает более значительный вес и размеры. Теперь его венец все чаще доходит до плеч, снимая основную нагрузку с шеи. Это позволило значительно увеличить толщину стенок и вес шлема, который должен был выдерживать прямое попадание тяжелого копья. Кроме того, к большим шлемам иногда крепили дополнительные пластины на подвижном шарнирном соединении для защиты горла и верха груди. Для повышения живучести конного бойца под большим шлемом стали носить так называемые «малые шлемы» или «малые бацинеты». Это были полусферические или куполовидные наголовья, закрывающие верх головы до висков *(рис.* 7). Их носили поверх кольчужных капюшонов или вместо них, оснащая в таком случае бармицей. Легкая конница, пехота или небогатые рыцари могли обходиться только ими без дорогостоящих больших шлемов. Популярностью пользовались и шлемы с полями — «шапель-де-фер» или «айзенхут». Такие шлемы надежно прикрывали лицо от секущих ударов, однако оставляли открытой шею и основание черепа. Для защиты этих участков со второй половины XIII века вошли в употребление боевые ожерелья «горжет» с высокими воротниками той или иной конструкции *(рис.* 8).

Щиты в условиях всеобщего утяжеления защитного снаряжения значительно уменьшаются в размерах. Крупные щиты остаются только в пехотных частях. Тяжелая конница была так хорошо снаряжена, что щит был необходим только для непосредственного отражения первого копейного удара.

Вооруженный описанным образом рыцарь был трудноуязвим для холодного оружия. Это привело к закономерному усилению поражающих свойств последнего. Пластинчатые доспехи, особенно одетые поверх кольчуги, было почти невозможно разрубить. Поэтому все большее значение приобретает колющее оружие, действие которого было направлено в сочленения доспехов. Основной целью становились отныне горло, подмышки, локтевые сгибы, подколенные впадины, основания стоп и оборотные стороны кистей рук. Словом, те области, которые невозможно прикрыть

неподвижной пластиной. Кольчуга же гораздо хуже сопротивлялась уколам. Разрубающее действие оружия также усиливается за счет увеличения длины и массы его конструктивных элементов. Все большее распространение получает ударно-раздробляющее оружие, которое, даже не пробивая защитный покров, приводило к контузиям и переломам. Появляется оружие комбинированного действия с несколькими поражающими конструктивными элементами. В результате к XIV веку появляется несколько групп наступательного оружия, способных эффективно поражать любое защитное снаряжение.

Защитное вооружение к началу XIV века претерпело серьезные изменения. Для защиты головы употреблялись несколько разновидностей шлемов. Основным боевым наголовьем тяжеловооруженного рыцаря оставался горшковидный «большой» шлем. Это был, пожалуй, первый специализированный элемент доспеха, предназначенный почти исключительно для конного боя. Узкая специализация позволила достигнуть высокой эффективности в применении. Значительные размеры шлема позволили упирать его непосредственно на плечи, снимая нагрузку с шеи. В результате вес его увеличился, что повысило надежность при копейном ударе. Непосредственно к тулье большого шлема посредством заклепок и (или) шнуровки крепился подшлемник. Он служил для дополнительной амортизации и для того, что бы голова нигде не соприкасалась с поверхностью тульи *(рис.9)*. Под большим шлемом в XIV веке рыцарь, как правило, носил малый бацинет с бармицей, который также снабжался подшлемником. Малый бацинет, в свою очередь, получил дальнейшее развитие. Появились более глубокие наголовья, опускавшиеся до висков и ниже, образуя подпрямоугольный лицевой вырез. Подобные шлемы, известные под термином «бацинет», могли носиться под большим шлемом или употребляться независимо. В самостоятельном употреблении бацинет оказался чрезвычайно удобным. Вскоре именно бацинет станет основным рыцарским наголовьем, и вся эволюция боевых шлемов будет связана в основном с ним.

Корпус защищал стеганый акетон или гамбезон. Данная поддоспешная одежда кроилась по фасону повседневного верхнего платья «катарди» или «пурпуана» с застежкой на пуговицах спереди и на рукавах для лучшего облегания тела. Для амортизации ударов акетон набивался конским волосом, паклей, ватой или просто ветошью. Таким образом, металлическая защитная одежда обеспечивала непроницаемый внешний покров, а акетон исполнял функцию амортизации разрушительного воздействия удара. Следовательно, от качества набивки акетона зависели защитные функции доспеха в целом. Поверх акетона носилась кольчуга с длинными или короткими рукавами. Сверху кольчугу дополнял пластинчатый панцирь той или иной конструкции. Ноги закрывали кольчужные чулки на стеганой подкладке. Пластинчатые элементы могли дополнять как рукава кольчуги, так и кольчужные чулки. Защитное снаряжение периода первой половины — середины XIV века по весу было, очевидно, самым тяжелым за всю историю средневековой Европы (вплоть до первой трети XVI — нач. XVII вв.). На основе научных реконструкций (к сожалению, полных комплексов вооружения этого времени до нас не дошло) можно судить, что полный доспех на человека среднего роста (ок. 170 см.) будет весить около 35 кг и более.* В дальнейшем развитие доспеха шло по пути уменьшения веса за счет улучшения конструктивно-геометрических характеристик и качества выделки комплектующих деталей.

Основным доспехом для корпуса к началу XIV века окончательно становится бригандина. Однако в Западной Европе (Франции, Италии и Германии) продол-

* В реконструируемый комплект входили малый бацинет с большим шлемом, акетон, кольчуга с длинными рукавами, бригандина с наплечниками, латные наручи с налокотниками, латные перчатки, кольчужные чулки с наколенниками и одностворчатыми латными наголенниками.

Рис. 6. Страж гроба господня из монастыря в Винхаузене 1260-1280 гг.

Рис 7. Малый бацинет «сервильер». Бывшая коллекция А. Гутмана. Прив. по аукционному каталогу Герман Хисторика, май 2002 г.

жали употреблять и чешуйчатые доспехи[7]. Чешуйчатый доспех конструктивно состоит из серии выпуклых пластин, зафиксированных на поверхности гибкой подосновы посредством приклепывания и (или) шнуровки. Такие панцири ничем не отличались от восточноевропейских аналогов. Более того, их бытование па Западе напрямую обязано контактам с Русью и Балкано-Византийским регионом. По восточной традиции, плечи и бедра также могли прикрываться плечевыми щитками и подоламами чешуйчатой конструкции *(рис. 10)*.

Другим заметным нововведением конца XIII — начала XIV века, наряду с бригандинами, стали пластинчатые перчатки. Одна из наиболее ранних фиксаций этого феномена в письменных источниках относится к Франции. Это королевский ордонанс оружейникам Парижа 1296 года, где перечислены требования к изготовлению пластинчатых перчаток. Судя по тексту, мы имеем дело с защитными конструкциями на манер чешуйчатых доспехов или бригандин. Небольшие стальные пластины должны были фиксироваться поверх ткани или между двух слоев ткани.8 О внешнем виде перчаток, какими их увидел XIV век, можно судить по ряду надгробий и миниатюр. Они повторяют фасон обычных светских перчаток с длинными расширяющимися крагами по моде той эпохи. Крага доходит почти до середины предплечья, образуя своеобразный редуцированный наручь. Интересный вариант можно видеть на миниатюре французской иллюминированной рукописи «Хроники Сен-Дени» 1317 года, посвященной королю Филиппу. На изображении представлены не перчатки, а рукавицы без раздельных пальцев — пример уникальный для всего XIV века, когда в ходу были исключительно перчатки. По сравнению с кольчужными, пластинчатые перчатки были, несомненно, прогрессивной чертой. В условиях боя, когда размеры и роль щита существенно снизились, а длинное оружие позволило действовать им двумя руками, кисти рук, вынесенные из под прикрытия

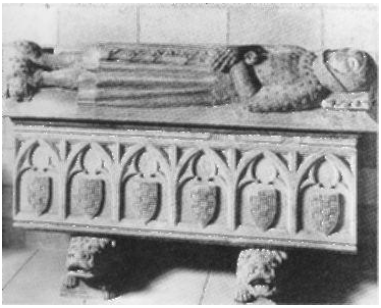


Рис. 8. Надгробие Альваро де Кабрера, ум. 1299 г. Монумент возведен в начале XIV в.

Рис. 9. Надгробие Ульрихи де Вердт из Униформс, 1344 г., церковь Св. Гийома, Страсбург

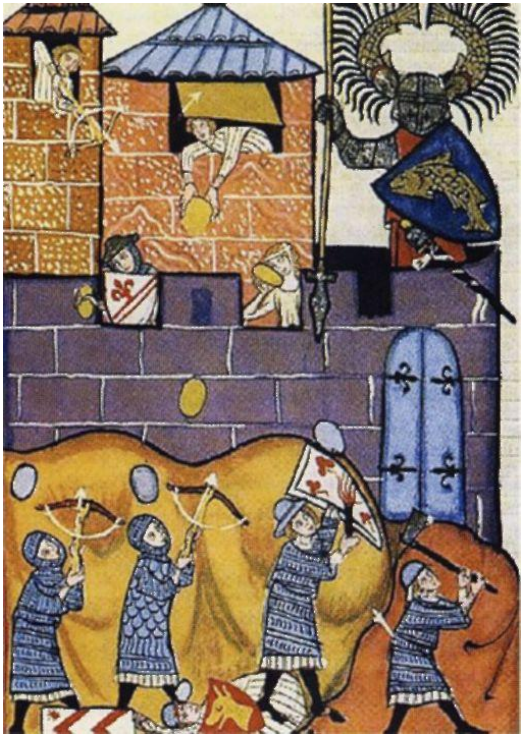


Рис. 10. Миниатюры Манесского кодекса 1300 г.

щита, должны были поражаться в первую очередь. Тонкие кости пальцев и кистей легко травмировались через гибкий покров кольчужных перчаток. Многослойное пластинчатое прикрытие значительно увеличило надежность и сделало возможным более смелые действия в бою.

С конца XIII века все большее распространение получает конская броня. Как правило, это были кольчужные попоны, закрывавшие коня целиком, включая шею, голову и круп. Известны и облегченные варианты, когда конь прикрывался кольчугой только спереди. Под кольчугой обязательно помещалась стеганая попона, которая, при достаточной толщине набивки, могла выступать самостоятельным защитным средством. Со второй половины XIII века во Франции входят в употребление и пластинчатые прикрытия для коня. Одни из самых ранних упоминаний относятся к 1266 и 1302 годам и происходят из описей арсеналов графов де Невер и де Несль соответственно. В них содержатся описания налобников и нагрудников из стальных пластин или из вываренной кожи. Точная форма и конструкция их неизвестна, так как самые ранние достоверные и подробные изображения относятся к 1330-1340-м годам *(рис. 11)*.

Перейдем к рассмотрению общих тенденций в развитии вооружения 1340-1350-х годов. Прежде всего отметим максимальное применение в рамках одного защитного комплекса пластинча-

тых конструкций. С этой поры доспех все больше приобретает формы позднего «белого» доспеха.[9] В середине XIV века была создана база для последующего развития доспеха. Основные принципы производства и боевого применения, комплектующие элементы, конструктивные узлы и способы соединения деталей — все это было заложено в рассматриваемый период. С 1340-1350 гг. прерывается процесс увеличения веса доспеха. Прочность достигается за счет улучшения методики производства, обработки стальных поверхностей, лучшей компоновки и сочетания деталей, создания выпуклых отражающих поверхностей, ребер жесткости и т. д. Кольчужная рубаха в данный период, видимо, начинает терять значение даже в качестве дополнения к пластинчатому доспеху. Вместо полной рубахи под панцирь все чаще надевался акетон с нашитыми фрагментами кольчужного полотна, которые закрывали наиболее уязвимые части тела. Кольчуга прикрывала локтевые сгибы, подмышки, подол, горло. Таким образом достигался серьезный выигрыш в весе без потери прочности. Вес доспеха в среднем, очевидно, не превышал 30 кг, с учетом стеганых подкладок, а впоследствии он еще уменьшился.

К середине столетия в употребление входят два основных способа конструктивного соединения главных узлов доспеха. Во-первых, это уже известные внутренние несущие ремни, для соединения переходных пластин или целых элементов доспеха, например плечевых щитков и налокотников. Во-вторых, появляются и входят в широкое употребление шарнирные сочленения. Ранее их использовали почти исключительно для петель. С этого периода шарниры соединяют практически любые части доспеха. Они были менее подвижными, но гораздо более прочными по сравнению с изнаночными несущими ремнями. Видимо, тогда же начинают использовать комбинацию обеих разновидностей в составе одного защитного элемента, например наплечника. При изучении сегментных наплечников от первой трети XV в. представляется возможным выявить их типовую конструкцию, когда в задней части пластины скреплялись посредством шарниров, а спереди и по центру фиксировались на заклепках изнаночными ремнями.

С введением шарнирных соединений связано и появление в широком обиходе такой прогрессивной черты, как подвижного забрала. Понятно, что шарнир был единственным способом монтажа такого элемента защиты. Подъемные забрала появляются в конце XIII века. Ими оснащаются горшковидные шлемы *(рис. 12)*. К середине XIV столетия основным носителем забрала стал бацинет. Горшковидный шлем достиг такого размера и веса, что его употребление в бою стало затруднительно. Согласимся, что такое наголовье надежно прикрывало голову. Но плохой обзор, еще более суженный из-за ограниченной свободы поворота головы, мог плохо послужить хозяину шлема. В результате после копейной сшибки большой шлем стали сбрасывать с головы оставаясь в одном бацинете. Это наголовье было легче и удобнее большого шлема. Оно отлично обеспечивало защиту головы благодаря обтекаемым обводам. Эти качества позволили ему вытеснить большой шлем из боевого обихода, сделав его церемониальной и турнирной принадлежностью. Конечно, этот процесс не был мгновенным и занял не менее двадцати лет, начиная с 1340-х годов. Время быстрого развития боевых средств со всей ясностью поставило вопрос о создании некоего универсального боевого наголовья. И таким наголовьем стал бацинет. Чтобы прикрыть лицо при копейной сшибке, бацинет оснастили забралом на шарнирах в височных долях тульи, повторявшим очертания забрала большого шлема. Впоследствии, боевые личины претерпели стремительное эволюционное развитие, породив несколько самостоятельных форм защиты лица. После копейного удара, когда начинался ближний бой, забрало можно было поднять, обеспечивая полный обзор. Если появлялась возможность возобновить ко-

пейный бой, забрало опускалось на место одним движением. Теперь не было необходимости производить сложные манипуляции со сбрасыванием большого шлема за спину, где он болтался на цепи, отнюдь не добавляя комфорта. Вернуть же большой шлем на голову без помощи оруженосца вообще было проблематично. В бацинете, даже не поднимая забрала, воин лучше ориентировался на поле боя и в ближнем бою, так как этот шлем позволял легко поворачивать голову. Надо отметить, что вскоре (приблизительно к 1350-м годам) появились съемные забрала со шкворневыми соединениями петель. Возможность быстро снимать забрало прежде всего увеличила ремонтопригодность наголовья даже в полевых условиях.[10]

Помимо забрала, бацинеты оснащались и другими подвижными усиливающими деталями. Речь идет о латном подбороднике — «бивере». Это была трапециевидная пластина, изогнутая в одной плоскости вокруг подбородка или слегка выпуклая в плане. Она крепилась посредством двух шарниров по бокам в нижней части тульи, усиливая бармицу в области подбородка и горла. Бацинет, снабженный забралом и подбородником, стали именовать «большим бацинетом» (*рис. 13*).

Бивер мог сопровождать и шапель-дефер. Употребление такого рода усилений шапеля характерно для Фландрского региона *(рис. 14)*. Кстати, на примере шапелей можно проследить живучесть традиции ношения двух шлемов в отражении источников фландрийского круга. Миниатюры «Романа об Александре» 1338-1344-х годов несколько раз демонстрируют шапель-дефер, надетый поверх бацинета. *(рис. 15)*

Середина XIV века — время пикового развития бригандинных доспехов. Никогда ранее бригандинные покровы не пользовались столь широким распространением и не отличались таким разнообразием форм. Почти все основные фасоны покроя и пластинчатые наборы, употреблявшиеся в будущем, были изобретены именно в данный период. Важным нововведением были приталенные бригандины. Приталенной мы называем бригандину с выраженным сужением талии относительно грудной части и подола, что было заложено в покрое несущей мягкой основы и пластинчатого набора. За характерной формой приталенной бригандины с плавным обводом талии в историографии закрепился устойчивый описательный термин «песочные часы». Приталенный панцирь гораздо лучше сидел на корпусе. Весь вес распределялся между плечами и тазом — самыми мощными и приспособленными к тяжести областями человеческого тела. Кроме того, расширяющийся подол не мешал движениям ног, благодаря тому, что он располагался под некоторым углом к поверхности тела. Наряду с приталенными бригандинами существовали и иные фасоны панцирей. Во-первых, традиционные для германского региона бригандины изначальной формы — «бочки» с параллельными боковыми образующими. Во-вторых, панцири с расклешенным подолом. В-третьих, уталенные бригандины, когда сужение талии достигалось за счет утяжки крепежных ремней.

Бригандинную конструкцию мог иметь практически любой элемент доспеха. Популярность этого вида защиты обеспечивалась высокой надежностью, подвижностью, простотой в эксплуатации (поверхность не надо было чистить и защищать от коррозии), высокой ремонтопригодностью и, главное, крайней дешевизной изготовления. Кроме того, современники, видимо, высоко ценили декоративный эффект, создававшийся сочетанием изысканной бархатной, шелковой или суконной поверхности с аккуратными рядами блестящих заклепок *(рис. 16)*.

В конце XIV — начале XV веков происходит быстрый переход к латному доспеху. Стремление к созданию монолитной защиты было оправдано усилившимися средствами нападения. Рыцарские копья, снабженные граненными наконечниками с массивными втулками, способны были наносить серьезные повреждения практи-

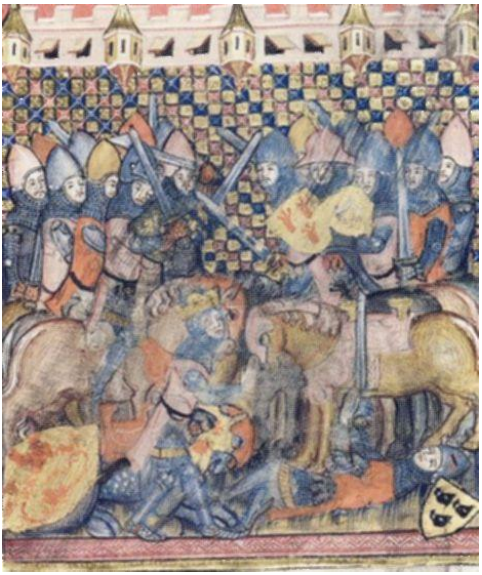


Рис. 11. Миниатюра «Романа об Александре», 1344 г., Фландрия

Рис. 13. Миниатюра германской рукописи конца XIV-начала XV вв. *Библиотека Института искусств, Чикаго*

Рис. 12. Миниатюра Латрельской Псалтири 1330 г.

Рис. 14. Миниатюра Хольхемской Библии 1340 г., Англия

чески любому виду защитных покровов. Разрушительное действие усиливалось за счет тяжелых и толстых древок. В рассматриваемый период их толщина значительно увеличилась. От 35-40 миллиметров у наконечника древко плавно утолщалось до 50-60 миллиметров к месту удержания его рукой, где выбирался специальный паз. В широкое боевое применение вошел и рондель, защищавший руку на копейном древке и одновременно сообщавший ей упор в момент удара. Вес копья увеличился настолько, что удержать его одной рукой стало невозможно. Для образования второй точки опоры еще в 20-е годы XIV века щиты стали снабжать вырезом в правом верхнем углу, куда должно было укладываться копье. В 1380-м появилось новое очень важное изобретение, которое повсеместно распространилось к 1410-1420-х годам. Речь идет о металлическом крюке на правой стороне нагрудника — так называемый «фокр»*. Он выполнял функцию опоры для копейного древка. Теперь, когда копье, лежа на фокре, фиксировалось под мышкой, с руки воина совершенно снималась нагрузка по его удержанию. Рука только направляла копье, которое стало возможным еще более утяжелить и удлинить без потери маневренности и точности действий. Вес почти не играл роли, ведь он целиком приходился на фокр. Снятие нагрузки с руки позволило направлять копье с филигранной точностью, что при увеличившемся весе превратило его в смертоносное оружие.

Для отражения разрушительного действия таранного удара лучше всего подходила монолитная, гладкая и обтекаемая поверхность. Такими качествами в полной мере обладала только кираса, появление которой не заставило долго ждать. Как ни странно, при всей внешней несхожести, кираса явилась непосредственным эволюционным потомком бригандинного доспеха. Стремление создать жесткую, монолитную защиту груди, способную выдержать прямое попадание рыцарского копья, привело к появлению сплошных нагрудников у бригандин в 1340-1350-х гг. Изначально они закрывали только верх грудной клетки до уровня подмышек *(рис. 17)*. Введение приталенных бригандин было напрямую связано с развитием монолит-

Рис. 16. Миниатюра «Романа об Александре» — бригандинныи комплект с бедрами и плечами

Рис. 15. Миниатюра «Романа об Александре», 1344 г., Фландрия

* Фокр (faukre — франц.) в английском обозначается описательным и точным термином «lance rest», буквально «упор для копья».

Рис. 17. Надгробие Отто фон Орлямюнде. 1340 г., Химелькрон, Бавария

ного нагрудника. Его смогли удлинить до уровня диафрагмы за счет анатомического облегания грудного отдела. Во второй половине — конце 1360-х гг. в обиход входит бригандина с нагрудником, доходившим непосредственно до талии, геометрически полностью воспроизводившим очертания нагрудников поздних кирас. Подобные доспехи утратили плавный силуэт типа «песочные часы», приобретя Х-образный контур, что, кстати, немедленно сказалось на фасоне светского костюма. Собственно, от подобных бригандин до кирас был один шаг. Только наличие внешней матерчатой основы отделяло европейское вооружение от появления полного латного доспеха. Постепенно кираса стала наиболее популярным корпусным доспехом тяжелой конницы, а впоследствии и пехоты. По сравнению с бригандиной, она не только отражала удар, но и обладала значительным моментом соскальзывания, не позволявшим оружию жестко встретиться с защитной поверхностью, полностью реализовав свой разрушительный потенциал.

Изначально кираса представляла собой только нагрудную пластину без наспинника, которая пристегивалась поверх кольчуги ремнями, иногда в сочетании со шнуровкой[11] (*рис.18)*. Подобная конструкция встречается вплоть до 1430-х гг., сопровождая кирасы весьма совершенных очертаний. Однако уже в конце X I V В. появляется монолитный латный наспинник, который соединялся с нагрудником на плечах и боках посредством ремней и пряжек. Распространение данный элемент доспеха получил к первым декадам XV столетия.

Кираса, несомненно, проигрывала бригандине в подвижности. Гибкость позволяла бригандине закрывать весь корпус и иногда даже основание бедер. Монолитная же кираса доходила только до талии (если, конечно, она не входила в состав бригандинного доспеха). Для защиты низа живота к кирасе в 1370-1380-х стали крепить ламинарные подол, который повторял очертания и отчасти конструкцию бригандинных подолов из горизонтальных полос*. В отличие от бригандин, подолы кирас собирались посредством крепежа на внутренних несущих ремнях и шарнирных соединений по бокам.

С начала XV века как рыцарский доспех бригандина отходит на второй план. Тем не

* Параллельно продолжали существовать кирасы без подола. Они употреблялись спорадически вплоть до 1420-х. Кроме того, в Германии и сфере германского влияния изредка использовались чешуйчатые подолы.

Рис. 18. Надгробие Вильгельм Вилькарта из г.Аванс, Бельгия, 1379 г.

Рис. 19,19а. Бамбергский собор, фигуры воинов 1360-1370 гг.

менее, высокие боевые качества, обусловившие ее популярность в XIII-XIV веках, обеспечили ей определенное распространение и в XV-XVI столетиях.[12] В этот период стали превалировать бригандины с набором из мелких пластин, отличавшиеся высокой степенью гибкости. Жесткую систему защиты почти полностью монополизировала кираса, хотя вплоть до начала XVI столетия продолжали иметь некоторое хождение бригандины с кирасовидным нагрудником*.

* Подобные бригандины могли снабжаться фокрами, что однозначно указывает на их применение в конном бою. Примером служит бригандина (сильно фрагментированная), найденная на о. Эвбея при раскопках города Халкис.

Основным боевым наголовьем конницы с 1380-х годов стал бацинет с куполовидной тульей со значительно смещенным назад верхом. Такие шлемы сопровождались забралами, которые в основе своей имели конус. Благодаря внешнему сходству подобные забрала получили название «хундсгугель» — «собачья голова». Смотровые щели помещались в выраженных амбразуровидный выступах, образуя «глаза». Смотровая щель для обеспечения обзора нижней полусферы оформлялась аналогично, образуя «рот». Дыхательные отверстия, как правило, располагались только на правой стороне забрала. Левая сторона в первую очередь поражалась при копейной сшибке, и ее нельзя было ослаблять,

нарушая ровную монолитную поверхность ската. Изначально забрала «хундсгугель» крепились к шлему посредством одной налобной петли, что было обусловлено конструктивными особенностями их эволюционных предшественников — забрал «клапвизир» 1360-1370-х годов (см. выше). С некоторым запозданием к 1380-м годам появились двухточечные крепления забрал посредством шарнирных петель на висках. Все без исключения забрала в рассматриваемый период были съемными, так как крепились к петле на подвижном шкворне.

Наручи и поножи данного периода в основном латные. Лишь наплечники иногда могли иметь бриандинную конструкцию[13] *(рис. 19)*. В результате повысившихся защитных свойств доспеха щит еще более уменьшился в сравнении с последними декадами XIV века. Отныне, по крайней мере, в среде конницы это было вспомогательное средство защиты от копья в первый момент сшибки.

Таковы общие моменты эволюции европейского доспеха. В следующей главе попытаемся осветить подробности, связанные с итальянской традицией производства доспехов.

ГЛАВА III
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ДОСПЕХА В XIV В.

Выбор темы данной главы не случаен. Основные центры производства защитного вооружения в силу совокупности исторических и географических факторов сконцентрировались на территории Священной Римской Империи, а именно в Северной Италии, а также Германии. Конечно, относительно развитая индустрия доспехов существовала и в других странах Западной и Восточной Европы, однако они не могли составить заметной конкуренции знаменитым мастерам указанных регионов. Если привести аналогию, понятную современному читателю, разница между однотипными доспехами итальянского и, например, польского производства, была примерно такой же, как между тульским и китайским автоматом Калашникова. То есть при внешнем сходстве качество исполнения рознилось весьма значительно. Показателен пример, который приводит Ж. Фруассар в своей «Хронике». А именно, два английских лорда — Генри, герцог Дерби, и Томас Моубрей, герцог Норфолк, — решив дуэлировать друг с другом, в 1398г. заказали доспехи в Милане и Нюрнберге, не удовлетворившись, видимо, качеством работы местных кузнецов, хотя не вызывает сомнений возможность герцогов нанять лучших из них.[14]

Строго говоря, в XIV в. еще рано говорить о сложении национальных школ мастеров платтенеров в Германии и Италии, по крайней мере до конца столетия. Тем не менее, все предпосылки для такого рода явления, выраженные в характерных чертах местных комплексов защитного вооружения, прослеживаются с первой трети XIV в. как минимум. Приходится констатировать полное превосходство итальянских мастерских над германскими. При всех несомненных достоинствах, германский доспех не мог соперничать с итальянским вплоть до второй половины — конца XV в. Несмотря на этот факт, в Европе возможно выделить определенный ареал германского влияния, который развивался под воздействием германской моды или напрямую обсуживался германскими оружейниками. Собственно, вся территория Европы оказалась поделена условно на итальянский и германский секторы влияния. Остановимся на рассмотрении североитальянских оружейных центров, как наиболее развитых в XIV в. Без сомнений, ознакомление с их продукцией позволит получить представление о характере защитного вооружения в Европе в целом.

Начнем знакомство с данной темой, рассматривая наиболее важную и яркую деталь защитного вооружения, а именно *боевые наголовья*. Представляется возможным разделить данную категорию снаряжения на два рода: наголовья жесткой конструкции и наголовья гибкой конструкции. К первым относятся шлемы, а ко вторым — кольчужные капюшоны.

Шлемы можно подразделить на несколько видов, различающихся прежде всего глубиной прикрытия головы и общей конструкцией. Перечислим их: 1 — бацинеты, 2 — горшковидные или «большие» шлемы, 3 — шлемы с полями.

Рассмотрим первую категорию шлемов, а именно *бацинеты*. Термин этот появился в середине XIII в., изначально обозначая мелкие наголовья, закрывавшие голову до висков, формирующие отдельный подвид *малых бацинетов*. Первый тип представляет собой полусферические шле-

Рис. 20. Спящие стражи. Барельеф из базилики Св. Стефана. Болонья, кон. XIII — начало XIV вв.

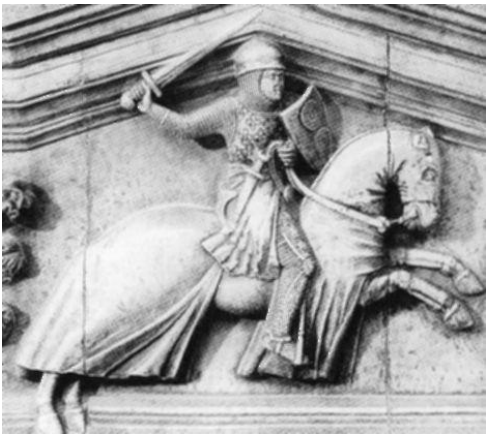


Рис. 22. Надгробный барельеф Гульельмо Беради, 1289 г.

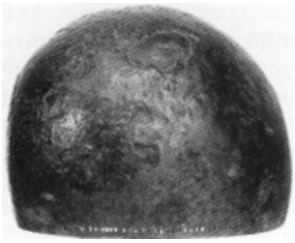


Рис. 21. Малый бацинет «сервильер». Бывшая коллекция А. Гутмана. Прив. по аукционному каталогу Герман Хисторика. май 2002 г.

мы. Как правило, они имели тульи монолитной конструкции. История донесла до нашего времени термин, которым, предположительно, назывались подобные наголовья, а именно «сервильер»*. Подобные шлемы хорошо известны по изобразительным источникам, достаточно обратиться к миниатюрам Библии Мациевского 1250 г. В Италии данный тип был достаточно широко распространен на протяжении всего XIV в. В качестве примера можно привести барельеф со спящей стражей Святой Гробницы из базилики Св. Стефана, Болонья, конец XIII в. *(рис. 20)*. Сохранились и несколько вещественных экземпляров, которые можно отнести к рассматриваемому времени *(рис. 21)*.

Второй тип представлен куполовидными малыми бацинетами. Они просуществовали в широком ходу, если судить по изобразительным источникам, вплоть до 1340-1350-х гг., являясь вспомогательными шлемами рыцарской конницы или тяжелой пехоты, или одним из основных видов защиты головы у беднейшей части воинства. Одно из лучших изображений происходит с надгробной плиты кенотафа Гульельмо ди Беради 1289г. из Флоренции. Совершенно аналогичное приспособление изображено на фреске со св. Мартином работы Симона Мартини из храма Св. Франциска в Ассизе 1317г *(рис. 22, 22а)*. Интересно то, что на фреске шлем изображен подвешенными поясу, и не имеет бармицы, что позволяет предположить отсутствие таковой и на надгробии Беради, которое не имеет проработанных крепежных элементов для крепления бармицы. Если так, то мы имеем дело с позднейшими свидетельствами ношения малых бацинетов поверх кольчужных капюшонов. Впоследствии

* По крайней мере, современные исследователи традиционно используют его применительно к полусферическим малым бацинетам.

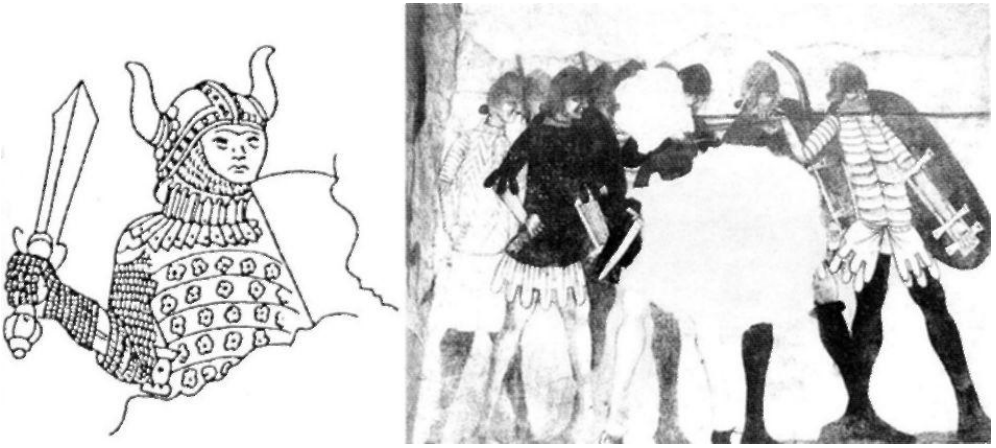


Рис.23, 23а. Барельеф во Дворце дожей в Венеции. 1309 г.; Фреска, изображающая битву Гельфов и Гиббелинов, 1330-1340 гг., замок Саббионара

данная манера почти не встречается, будучи полностью вытеснена шлемами с бармицами. Малые бацинеты с бармицами во множестве изображены на барельефах во Дворце дожей в Венеции 1309г., а также на фреске, иллюстрирующей битву Гельфов и Гиббелинов 1330-1340 гг. в замке Саббионара *(рис. 23).* На изображениях прекрасно видны короткие втулки, на которые надеты кожаные полосы с пришитыми кольчужными бармицами.

Эволюционное развитие малых бацинетов привело к появлению *собственно бацинетов,* более глубоких наголовий, закрывавших голову от висков и ниже. Вообще развитие бацинетов на начальном этапе их существования, в основном, касалось их глубины, так как основные формы тульи выработались еще во второй половине XIII в., и не изменялись приблизительно до 1340 гг. В Италии были представлены все известные в Европе типы подобных наголовий. Первый тип характеризуется полусферической тульей. Изображений подобных шлемов слишком много среди памятников итальянского искусства, поэтому приведем лишь самые знаковые. В первую очередь, это серия изображений на фреске из церкви Св. Аббондио в Комо 1330-х гг. *(рис. 24),* Во-вторых, ряд рыцарских надгробий: Николо ди Поджио 1341г., церковь Св. Романо, Лукка; Пачино Перуччи 1342 г., там же; Иоганн Улер ди Ерган 1359 г., там же. В-третьих, подобные бацинеты во множестве изображены на миниатюрах Кодекса Балдуина Трирского первой трети XIV в. Особый интерес данным миниатюрам придает то, что они вполне адекватно отражают вооружение не только итальянских земель, но и областей Южной Германии, наглядно иллюстрируя направления воздействия итальянского военного производства на своих ближайших соседей *(рис. 25).*

Подобные бацинеты могли носиться без бармицы в комплекте с кольчужным ожерельем, или без оного. Бармица подвешивалась на внешних втулках или посредством приклепанной изнутри кожаной полосы.

Чрезвычайно интересный пример бацинета с полусферической тульей происходит с фрески Амброджио Лоренцетти «Распятие», 1327 г. Изображенный шлем весьма напоминает очертаниями позднейшие салады, так как тулья продолжена назатыльником, отстоящим от нее под значительным углом, особенно в тыльной части. Бацинет снабжен забралом, представляю-

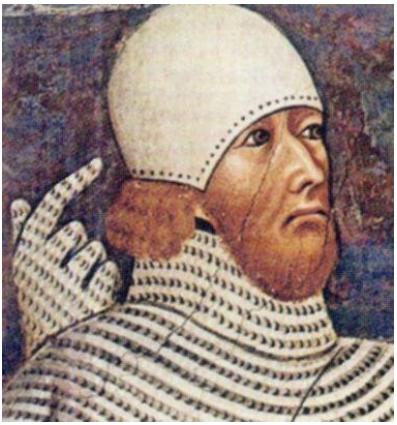


Рис. 24. Фреска (фрагмент) из церкви Св.Аббондио в Комо, 1330-1340 гг.

Рис. 25. Миниатюра Кодекса Балдуина Трирского. нач. XIV в.

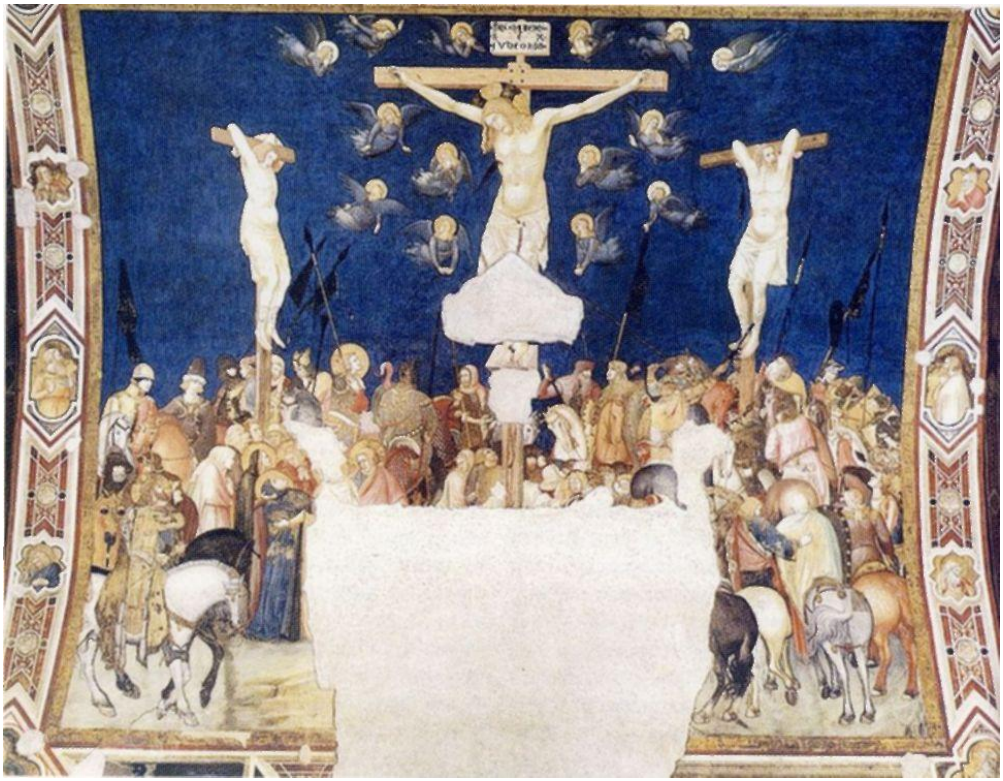


Рис. 26. 26а, 26б, 26в. Фреска Амброджио Лоренцетти «Распятие», 1327 г.

щим собой плоскую в плане прямоугольную пластину с единой прорезью для глаз и прямоугольными дыхательными отверстиями *(рис. 26)*. Можно предположить, что именно для обозначения таких наголовий был введен термин «celata», т. е. «салад», так как генетическое родство с поздними шлемами, известными под данным наименованием, несомненно.

Второй тип — это бацинеты с куполовидной тульей. Как правило, бацинеты отличались от малых бацинетов только наличием назатыльника. В Италии также имела распространение несколько более сложная разновидность — а именно, назатыльник имел выраженный арковидный вырез над шеей, который служил для облегчения поворотов головой. При этом боковые участки назатыльника, значительно выдаваясь в низ, образовывали некое подобие нащечников, известных ещё по античным образцам. Знаково то, что появление подобной черты попадает как раз на начало периода треченто, итальянского ренессанса с его новым интересом к памятникам античного искусства. Так не могли ли послужить древние римские образцы хотя бы косвенным прототипом для создания подобных шлемов?

Наиболее ранний образец, видимо, с неразвитым нашейным вырезом, изображен на упоминавшемся уже барельефе со спящей стражей из базилики Св. Стефана в Болонье. Более продвинутый вариант изображает Амброджио Лоренцетти на аллегорической фреске «Доброе управление городом» 1338-1339 гг. из Палаццо Публика в Сиене. Данное свидетельство указывает на наличие выраженного выреза и нащечных выступов на бацинетах. Развитый вариант можно видеть на фреске с изображением ада из церкви Св. Креста во Флоренции работы Орканья 1348-1350 гг. В данном случае мы имеем дело с окончательно сложившимся типом боевого наголовья *(рис. 27)*. Это атрибут пехоты или легкой конницы, так как шлем невелик и приспособлен к употреблению без бармицы, забрало отсутствует.

Может возникнуть соблазн отнести данные материалы к рецепции античной изобразительной традиции, а не к свидетельствам реальности. Даже если это и справедливо (трудно поверить, глядя на фотографически подробные рисунки итальянских мастеров), то к середине — второй половине XIV столетия традиция изображения перешла в реальную плоскость, найдя воплощение в металле. Так, в музее Польди-Пеццоли в Милане хранится подобный бацинет *(рис. 28)*. Он рассчитан на крепление бармицы посредством коротких втулок по внешней стороне корпуса. В налобной части имеется петля для монтажа забрала или наносника (см. ниже). На боковых сторонах шлема откованы длинные выступы прямоугольного сечения, которые являлись направляющими, обеспечивавшими твердую фиксацию топхельма, когда он носился поверх бацинета.

Самое широкое хождение имели, наряду с описанными, и обычные бацинеты с прямым срезом назатыльника, что видно на изобразительном материале и некоторых вещественных образцах *(рис. 29)*.

Ещё одной узнаваемой чертой итальянских бацинетов была разделка поверхности тульи посредством нескольких граней. Собственно медиальная грань имела место и на германских образцах, в Италии же тульи бацинетов в некоторых случаях гранили в крест, выводя ребра жесткости на боковые участки корпусов. Приведем изображение на знаменитом серебряном алтаре из собора г. Пистойи работы Леонардо ди Сан Джованни и Франческо ди Николло 1376-гог. *(рис.30)*. Известны примеры и более частого гранения, как на находке в Халкисе, Эвбея[15] *(рис. 31)*.

В средине XIV в. наметилась устойчивая тенденция к оформлению тыльной части нижнего среза шлема в виде выраженного отгиба, который зачастую образовывал своеобразный хвостовик. Данная тенденция коснулась не только куполовидных бацинетов, но их она коснулась в первую очередь. При этом тульи получают заметные наклон назад, как если бы владелец носил

Рис.27. Фреска работы Орканья 1348-1350 гг. из церкви Св. Креста, Флоренция

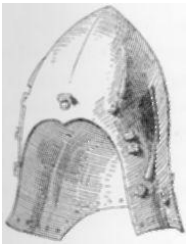


Рис. 28. Бацинет из музея Польди-Пеццоли

Рис. 29. Бацинет перв. пол. XIV в. Херман Хисторика — шлемазл с куполом, археология

Рис. 30. Чеканные панели «Житие Св. Якова» работы Леонардо ди Сан Джованни и Франческо ди Николло. алтарь церкви Св. Якова, Пистойа

шлем сдвинутым на затылок. Таким образом, образуется заметный перегиб между затылочной и нашейной областями, придавая корпусу шлема очертания, близкие к анатомическим. Это позволяло увеличивать глубину наголовья без потери подвижности, ведь расширение в нижней части не позволяло краям шлема упираться в плечи при поворотах головы. В таком виде с островерхой куполовидной тульей и выраженным расширением нашейной части данный тип увидел конец XIV в. И, по-видимому, первые декады XV в. По крайней мере, при раскопках арсенальной башни г. Халкис было найдено несколько наголовий описанных форм[16] *(рис. 32).* Экспортировались они и за границу. Так, хрестоматийно известное надгробие Вальтера фон Хохенклингена, убитого при Земпахе в 1386 г., несет изображение похожего

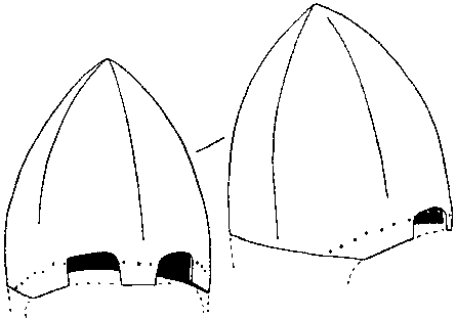


Рис. 31. Бацинет XIV в. Предположительно, первая половина XIV в., со следами переделки второй половины XIV-XV вв., Халкис, о. Эвбея

Рис. 32. Бацинет 1370-1400 гг., Халкис, о. Эвбея

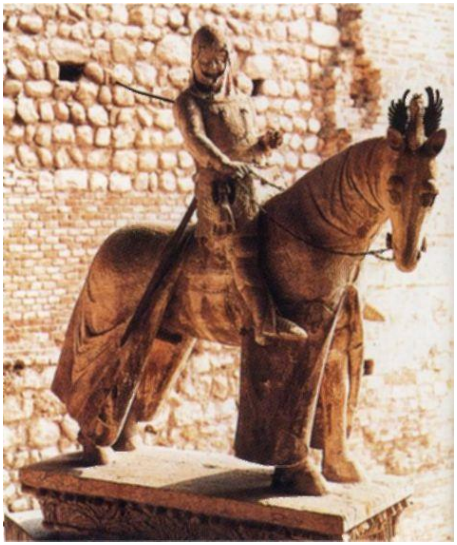
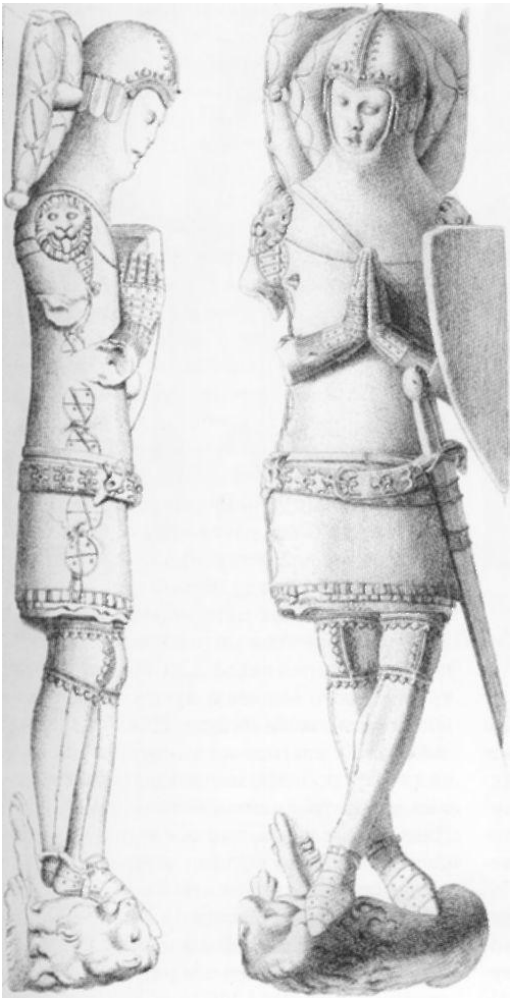


Рис. 33. Статуя Канграндe дела Скала, правителя Вероны, 1320 г.

шлема. Между тем к последней четверти XIV в. тенденция к смещению острия купола назад привела к появлению нового типа шлема, о чем речь пойдет ниже.

Немаловажную роль в конструкции бацинета играло оформление лицевого выреза. Итальянские шлемы отличались от заальпийских образцов частым использованием сложнофигурных лицевых вырезов, хотя обычные подпрямоугольные или трапециевидные также встречались достаточно часто. Наиболее ранним таким нововведением было появление дугообразных надглазных вырезов в корпусе шлема, которые сходились над основанием переносицы под углом. Появилась данная деталь в 1320-х гг., если судить по шлему на конном изваянии Канграндe дела Скала из Вероны, который умер в 1329 г. *(рис. 33)*. Данное нововведение завоевало популярность и за пределами Италии, и известно ныне, например, по свидетельствам английских надгробий и фландрийских иллюминированных рукописей. В качестве подтверждения можно остановиться на надгробии Джона де Леверика 1340-х гг. из местечка Эш в графстве Кент, а также некоторых миниатюрах «Романа об Александре», великолепно иллюстрированного во Фландрии в 1344 г. (*рис.34)*. Во второй половине — последней трети XIV в. треугольный выступ, располагавшийся над переносицей, изредка стал изображаться значительно удлиненным, так что он закрывал нос владельца до половины, образовывая своеобразный редуцированный наносник. Подобную черту мы встречаем при знакомстве с творчеством Альтикьери да Дзевио, например на фреске 1370 г. из церкви Св. Джиакомо в Падуе с житием Св. Якова *(рис. 35)*. Там же можно встретить иллюстрацию другой разновидности лицевого выреза, а именно выраженные нащечные выступы. В ряде случаев подобные выступы образовывают подглазные полудуги в районе скул, иногда они смещаются в район нижней челюсти. В любом случае описанные выступы в рассматриваемый



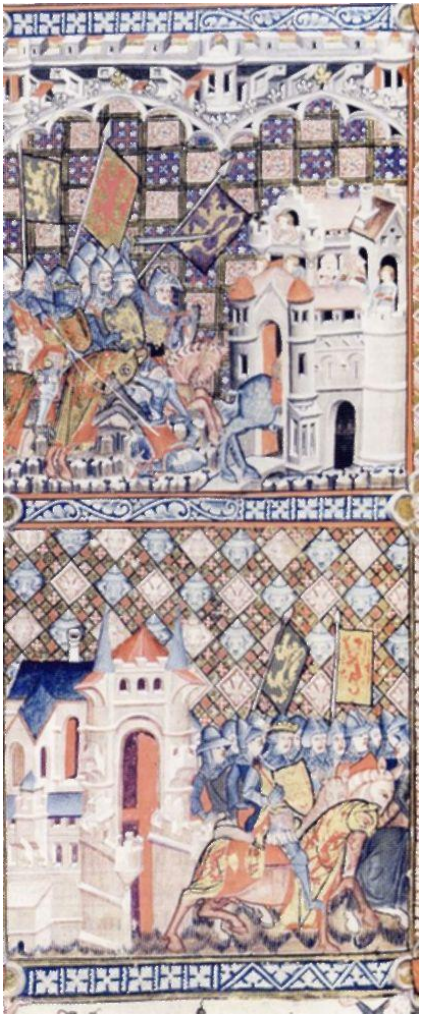


Рис. 34, 34а. Надгробие Джона де Леверика 1340 гг., Кент, Англия;
34б — Миниатюра «Романа об Александре». Фландрия, 1344 г.

период не закрывали лицо дальше уровня рта, а в основном не доходили и до него.* В практике современного оружиеведения аналогичные шлемы XV в. принято называть «барбютами» или «итальянскими саладами». Не исключено, что термин «барбют», появившийся в XIV столетии, изначально обозначал именно такие шлемы.

Бацинеты описанных форм (куполовидные со сложнофигурным лицевым вырезом) широко распространились в Европе.

* Впоследствии, в середине XV в., совмещение обоих черт даст жизнь известной разновидности «коринфских барбютов», повторявших очертания античных коринфских шлемов с узким Т-образным лицевым вырезом.

Рис. 35. Фреска со сценой Битвы при Клавиго (фрагмент) Альтикьерри ди Дзевио «Житие Св. Якова» из церкви Св. Джиакомо в Падуе, 1370 г.

Их изображения можно найти вплоть до Скандинавии, где знатные вельможи также стремились заказывать модные итальянские доспехи. Наиболее известным и заслуживающим внимания является изображение на надгробии Кристофера герцога Датского 1363-го г. из Роскильдского собора.[17]

Третий тип бацинетов возник благодаря развитию куполовидных шлемов. Как говорилось выше, острие куполовидной тульи приобрело к последней четверти XIV столетия выраженное смещение назад, что породило эксцентрично куполовидную геометрию корпуса. Известны две основные разновидности таких наголовий. Во-первых, задняя образующая представляет собой прямую или почти прямую линию. Во-вторых, острие тульи оформлено в виде выступающего хохолка. Обе разновидности могли снабжаться забралами, причем наиболее употребимым вариантом являлись забрала «хундсгугель», о которых речь пойдет ниже *(рис. 36)*.

Другой «изменяющейся величиной» была *защита лица*. С тех пор как бацинет получил самостоятельное существование в боевом обиходе профессиональных воинов, т. е. стал регулярно использоваться без топ-хельма, его стали сопровождать различные приспособления указанного назначения. Со времен раннего Средневековья наибольшим распространением в Европе пользовалась обычная носовая пластина, выполненная зацело с венцом или тульей, или же приклепанная к корпусу. Это была предельно простая и надежная конструкция. Когда она исчезла из всеобщего обихода в 1270-1290 гг. под воздействием ужесточившихся требований к обзору во время боя, на смену вышли иные, более сложные технологические устройства. Наиболее примитивной разновидностью защиты лица была глухая бармица с вырезами для глаз — достаточно редкий вариант, насколько можно судить по свидетельствам изобразительных источников. Другой разновидностью стала откидная кольчужная полоса, которая отходила от бармицы в центре лицевого выреза и крепилась на крюке в налобной части шлема. Подобное приспособление читается на некоторых итальянских надгробиях, а также среди германских иллюстративных источников *(рис. 37)*. Надо ли говорить, что оба конструктивных решения были крайне ненадежны и не прижились. Другим способом прикрытия лица стал *откидной наносник* — деталь, появившаяся почти одновременно в Италии и Германии. Самые ранние свидетельства относятся к 1330-м гг. Судя по всему, это была пластина треугольного сечения с глухим треугольным заносьем, которое собственно приплеталось к кольчужной бармице. В налобной части шлема такой наносник фиксировался посредством двухточечной системы крепления, представлявшей, как правило, два крюка или крюк с поворотным флажком, на которые накидывался через специальные отверстия. Вариант с двумя крючьями можно проиллюстрировать североитальянским бацинетом из частной коллекции, предположительно

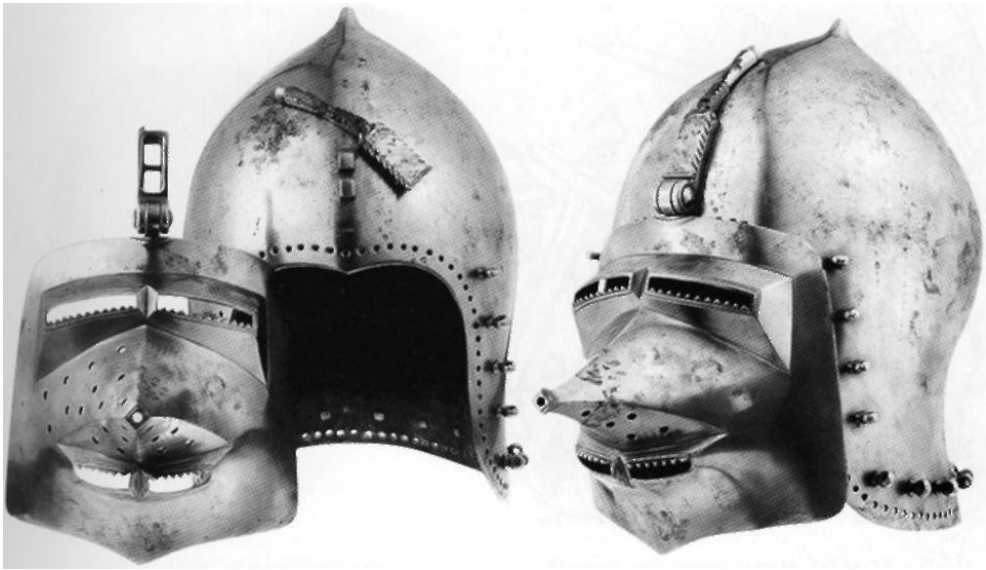


Рис. 36, 36а. Хундсгугель, Северная Италия, 1380-1400 гг., собрание музея замка Вест Кобург

1330-1350-х гг. *(рис.38)* Данное устройство оказалось удачным и просуществовало в некоторых регионах вплоть до 1380-х гг. Третья разновидность также представляла собой подвижный наносник, крепившийся к корпусу шлема посредством подвижной петли. Это также была треугольная пластина, как правило с выраженным расширением в нижней части. Лучшие изображения данной конструкции происходят с фресок 1330-х гг. в церкви Св. Аббондио в Комо, фрески «Крестный путь» 1330-1340 гг. церкви Св. Антония, Турин, а также, предположительно, из замка Саббионара. Вещественные источники, иллюстрирующие бытование данной конструкции, восходят к середине XV в. На острове Эвбея в г. Халкис, например, был найден бацинет с носовой пластиной на петле. Отличие состояло лишь в том, что пластина имела вид узкой прямоугольной полосы.

Глухое забрало на бацинетах появилось в первые декады X I V В. Изначально это были плоские или выпуклые пластины, представлявшие собой лицевую часть топхельма, о чем было сказано выше. Это не удивительно, ведь полная защита лица на протяжении нескольких столетий была монополизирована данным видом шлема, а значит, на самостоятельное развитие специфических бацинетных забрал должно было уйти определенное время. Первый тип забрал крепился на височных долях шлема посредством шарниров. Он мог сопровождать как полноразмерные бацинеты, доходившие до плеч, так и небольшие облегченные варианты, закрывавшие голову до скул. Причем в первом случае бацинет с забралом не всегда можно уверенно отличить от топхельма с забралом. *(рис. 39).*

Второй тип представляет собой забрала, развившиеся в комплекте собственно с бацинетами. Изначально это были простые пластины, изогнутые в горизонтальной плоскости, крепившиеся на двух шарни-

Рис. 37. Миниатюра (фрагмент) Кодекса Болдуина Трирского, нач. XIV в.

Рис. 38. Бацинет. середина XIV в., частная коллекция

рах. Одним из лучших примеров забрал такого рода является изображение на фреске «Распятие» работы Амброджио Лоренцетти 1327г. Другая разновидность забрал данного типа не имела смотровых щелей, которые образовывались за счет промежутка между верхним краем забрала (в опущенном состоянии) и краем лицевого выреза. Данная форма иллюстрируется многочисленными изображениями, в том числе одной из фигур на фреске «Распятие» *(рис.40).* Продвинутый вариант рассматриваемого типа представлен на грамоте вассальной присяги, данной городом Прато Роберту Анжуйскому, королю Неаполитанскому (первая треть X I V в.*)(рис. 41).* Прогрессивное отличие состоит в том, что дыхательные отверстия совмещены с двумя выраженными горизонтальными гранями треугольного сечения. При этом край смотровой щели отогнут наружу, в расчете на отражение укола, поразившего забрало*.

Описанный тип прикрытия лица отличался крайним примитивизмом. Не удивительно, что в короткие сроки он развился в более сложные формы. Однако простая конструкция была очень дешевой и простой в производстве, а также весьма надежной, что объясняет долгий срок его употребления. Вплоть до конца X I V в. то и дело встречаются изображения подобных забрал. В столь отдаленных друг от друга странах, как Испания и Чехия, можно видеть свидетельства такого рода. Причем в данном случае трудно утверждать факт прямого заимствования из Италии: слишком примитивное приспособление — скорее всего, имело место отражение некой общеевропейской тенденции, которая в большей мере проявлялась в странах с относительно неразвитым оружейным производством**. Весьма интересной является археологическая находка, хранящаяся в музее Бардини во Флоренции. Это баци-

* В целом забрало очень напоминает забрала «кузнечные мехи» итальянских саладов 1480-1510 гг. Сходство столь заметно, что напрашивается мысль если не о генетическом, то о семантическом родстве.

** В Чехии, например, таких изображений достаточно много еще в конце XIV в., в отличие от той же Испании или Италии.

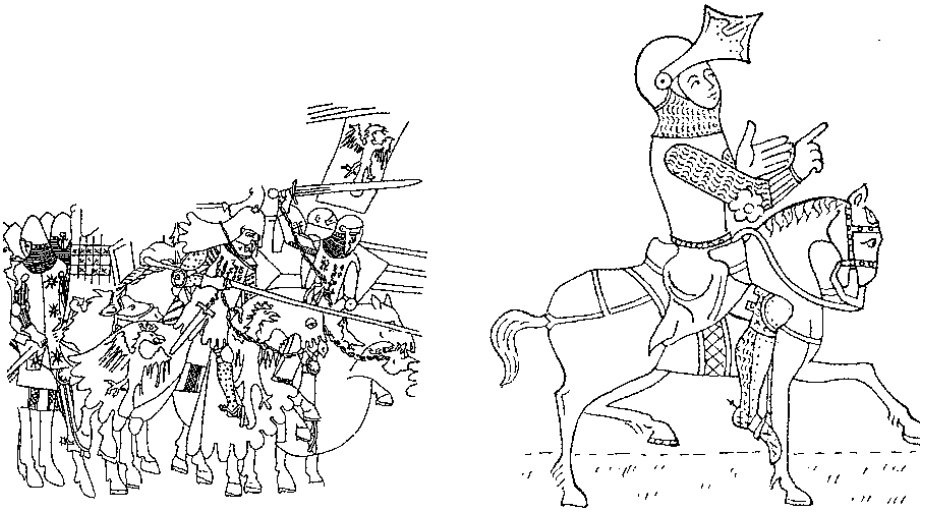


Рис. 39, 39а. Фреска из замка Саббионара в Авио; Миниатюра первой трети XIV в. из «Романа о Ланселоте Озерном» библиотека Бодли

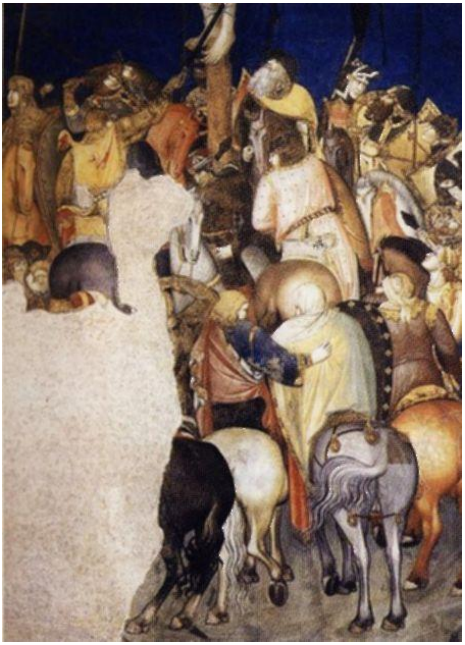


Рис. *40. Фреска (фрагмент) «Распятие» Амброджио Лоренцетти, 1327 г.*

Рис. 41. Грамота вассальной присяги г. Прато королю Неаполя Роберту Анжуйскому, 1340 гг.

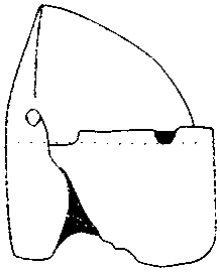


Рис. 42. Бацинет конца XIV в. из музея Бардини. Флоренция, бацинет с забралом

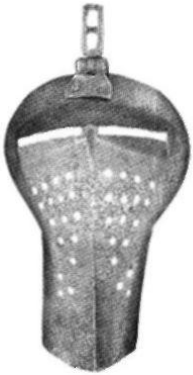


Рис. 44. Забрало «клапвизир». Италия. Бывшая коллекция Р. Т. Гвинна. По каталогу аукциона Кристи, апрель 2001 г.

Рис. 45. Бацинет с забралом «хундсгугель», Милан 1390-1410 гг.

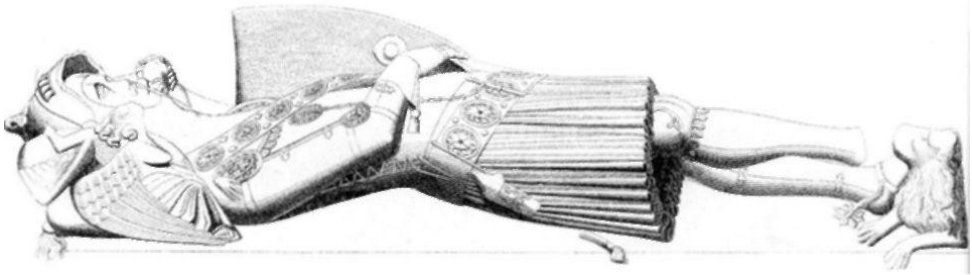


Рис. 43. Надгробие Джона Бланшфронта, 1346 г. Стотхард 33

нет 1370-1400-х гг. с эксцентрично куполовидной тульей, найденный в комплекте с простым плоским забралом, ничем принципиально не отличающимся от изображений на фресках Амброджио Лоренцетти[18] *(рис. 42).*

Третий тип забрал бацинетов является продуктом эволюционного развития второго типа. Изменения коснулись прежде всего профиля забрала, которое приобрело выраженный изгиб по дуге. Края смотровых прорезей стали отгибать бортиками наружу, превратив их в подобие амбразуры, трапециевидного сечения. При этом некоторое время продолжали употребляться забрала с металлическими крестообразными накладками, наподобие забрал топхельмов. Описанная конструкция сложилась к 1340-м гг. и очень быстро распространилась по всей Европе. Интересной чертой некоторых заальпийских образцов, предположительно вывозившихся из Италии, было оформление смотровой щели в виде решетки, сформированной серией вертикальных перемычек. Весьма популярна данная черта была, например, в среде английского рыцарства. Аналогичное забрало можно наблюдать на надгробии

Джона Бланшфронта 1346 г.[19] *(рис. 43)*. Насколько можно судить по имеющимся в распоряжении источникам, собственно в Италии описанная конструкция не имела широкого распространения до конца XIV в.

Следующий, четвертый тип, видимо, не является итальянским нововведением, и был заимствован из Германии, хотя это трудно утверждать с точностью. Рассматриваемые забрала имели схожие геометрические характеристики с забралами третьего типа, однако крепились они не на двух шарнирах в височных долях шлема, а посредством одной петли в налобной части. Данный способ подвески забрала маркирует значительную группу предметов и изображений, известных под собирательным немецким термином «klapvisier». Первые надежно датированные изображение в Италии относятся к 1360-мгг. (надгробие Галеотто ди Маласпина 1367 г.)*. Традиция сохраняется до 1390-х гг. (надгробие Джованни ди Поджио 1391г.), а возможно и до 1400-х гг. Специфическая итальянская разновидность данного типа представлена забралом из коллекции Р. Т. Гвинна (происходит из коллекции Арольди, Милан)**. Округлая верхняя часть имеет прямоугольный выступ снизу, что явно рассчитано на совмещение со сложнофигурным лицевым вырезом итальянского бацинета *(рис. 44)*. Данное забрало соотносится с экземпляром из музея во дворце Барджелло, Флоренция.[20]

Забрала описанной разновидности стали первыми съемными забралами, что породило устойчивую и весьма прогрессивную традицию. Кроме того, развитие именно этих забрал привело к появлению знаменитых «собачьих голов» (хундсгугель), первые из которых имеют конструкцию подвески типа «клапвизир».

Пятый тип забрал в основе конструкции имеет конус, на базе которого прокованы смотровые и дыхательные амбразуры; появился он в конце 1370-х гг. (см. главу II). Как говорилось выше, изначально это были забрала с креплением «клапвизир», впоследствии, начиная с 1380-хгг., в обиход вошли забрала на двух височных шарнирах. Коническая форма забрала претерпевала изменения, приобретая сначала выраженную огранку поверхности, а затем трансформировавшись до пирамидальной конструкции с прямой или треугольной в сечении нижней образующей в 1390-1410 гг.[21] *(рис. 45)*. Еще одним заметным изменением стало исчезновение нижней «ротовой» амбразуры, которая в обязательном порядке сопровождала забрала конической формы, обеспечивая обзор в нижней полусфере. На протяжении всей своей истории такие забрала сопровождали эксцентрично куполовидные шлемы.

Шестой и последний тип отличался от хундсгугелей выраженным бульбовидным выступом в центре. Хронологически оба типа сосуществовали, однако рассматриваемой разновидности была суждена гораздо более долгая жизнь. Если хундсгугели исчезли в 1420-х гг., то данный тип просуществовал вплоть до конца XV в. И был известен под термином «бикок» или «бикокет» *(рис. 46)*.

Прикрытие подбородка и горла, так называемый «бивер» или «бартель», смонтированное снаружи на корпусе бацинета, известно с первой половины XIV в. Однако распространение оно получило с последней четверти столетия, будучи весьма популярной чертой как среди итальянского рыцарства, так и за пределами Апеннинского полуострова, например в Англии (надгробие неизвестного рыцаря из Херефордшира 1400-х гг.). *(рис.47)*. Как говорилось выше, бацинет с подбородником принято называть «большим бацинетом» по аналогии с «большим шлемом». В конце XIV в. большой бацинет стал все чаще комплектоваться, в дополнение к биверу, нашейной пластиной, которая приклепывалась к нижней части шлема, а затем в начале XV в. стала отковываться зацело с

* Для сравнения, в Германии самые ранние изображения клапвизира относятся к 1350-м гг.

** На настоящий момент продана на аукционе Кристи 24 апреля 2001 г.

Рис. 46. Минатюра часослова маршала Бусико с изображением св. Георгия, 1396-1416 гг.

Рис.47. Надгробие (фрагмент) неизвестного рыцаря из Херефордшира. 1400-е гг.

корпусом.* Подбородник и нашейник достигали плеч и, посредством отбортовки, формировали своеобразную латную пелерину. Последняя в ряде случаев могла достигать значительный размеров, как на большом бацинете из Музея армии в Брюсселе. Кольчужная бармица при наличии подбородника на внешней подвеске, как правило, монтировалась изнутри шлема при помощи пришивки к кожаной полосе, зафиксированной изнутри корпуса заклепками. Впоследствии, в начале XV в., бармица стала крепиться непосредственно к краям бивера и нашейника, хотя необходимости в ней в общем уже не было. Таким образом, бармица стала играть декоративную роль, являясь своеобразной данью традиции, что было характерно для итальянского региона, где вообще были популярны различные кольчужные подвесы.

Самой распространенной конструкцией подвески бармицы была пришивка к кожаной полосе, которая в свою очередь надевалась через специальные отверстия на наружный ряд втулок по периметру шлема. Фиксация полосы осуществлялась посредством кожаного шнура, пропускавшегося через втулки. Сами втулки чаще всего имели конструкцию заклепок. Отличительной чертой итальянских бацинетов были небольшие втулки выраженной грибовидной формы, круглые или овальные в сечении *(рис.48)*. Другой отличительной чертой можно назвать двойную бармицу — обычай, не практиковавшийся почти никем, кроме итальянцев. Распространение такая конструкция имела в первой половине — середине XIVв. Видимо, североитальянское происхождение имела оторочка бармицы мелкой чешуёй в районе монтажа на корпусе шлема или по периметру. Ана-

* Фреска 1420г. «Чудо Георгия о Змии» работы Жакобо Жакерио (?) из castello di Fenis изображает хундегугель с двучастным бивером, створки которого крепятся к корпусу на петлях и соединяются в центре посредством шкворня. Это чрезвычайно важное для оружиеведческой науки свидетельство, так как иллюстрирует несомненный переходной тип от бацинета к армэ. Собственно, изображен армэ с забралом хундегугель.

логичные изображения можно наблюдать, кажется, только в Англии, как на надгробии Джона Леверика.

Большой шлем, или топхельм — следующий вид шлема, имевший хождение в средневековой Италии. Первый тип имеет отличительную черту в виде усеченно конической тульи. Это изначальный тип топхельма, берущий начало среди древностей конца XII в. Ко второй половине XIII в. хождение имела разновидность цилиндрических очертаний, выдающаяся вперед по направлению к смотровым щелям, а также скошенным нижним краем корпуса. Подобный тип можно признать интернациональным, не имеющим выраженной национальной привязки *(рис. 49)*.

Второй тип также имеет усеченно коническую тулью, различие в том, что задняя и передняя образующие имеют выраженный наклон. Тулья, так же как и венец, конструктивно состояла из двух частей — передней и задней. Крышка, венчавшая тулью, изначально выводилась поверх неё, а впоследствии начала помещаться внутрь. Детали соединялись посредством клепки. Появляется данный тип в середине XIII в. Первые вещественные экземпляры относятся к началу XIV в. Интересно, что в Италию, невзирая на развитое оружейное производство, данный шлем импортировался, видимо, из Германии. Так, шлем семейства Бальзано (в замке Сан-Анжело, Рим) 1300-х гг. напрямую соотносится с аналогичным шлемом из Государственного исторического музея в Стокгольме (так наз. Aranaes Helme), и еще одним археологическим экземпляром из частной коллекции *(рис. 50)*. Данные ранние образцы имели заметную архаичную черту в оформлении нижнего среза шлема, который имел вид ровного скоса, направленного вперед. Это было связано с тем, что данная группа наголовий еще не достигала плеч, обеспечивая относительную свободу для поворота головы. В первых декадах XIV столетия появились более глубокие шлемы, опиравшиеся непосредственно на плечи и заходившие частично на спину и грудь, что

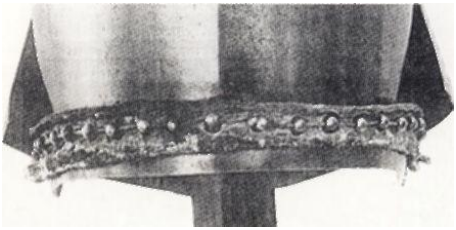


Рис. 48. Втулки для подвески бармицы итальянского типа. Бацинет 1380-1390-х гг. из замка Курбург

Рис. 49. Миниатюра манускрипта конца XIII-начала XIV вв.

требовало функциональных дугообразных вырезов по бокам венца. Прекрасные свидетельства существования подобных наголовий происходят с конной статуи Мастино дела Скала, герцога Веронского 1345-1350 гг. и с надгробной плиты гонфалоньера Флоренции Джованни ди Медичи 1351 г. Развитие их представлено вещественными образцами из Англии, которые, предположительно, могли быть импортированы из североитальянских центров. Речь идет о хрестоматийно известных шлемах Эдуарда Черного Принца и Ричарда Пембриджа, которые относятся к 1360-1370 гг. *(рис. 51)*. По всей вероятно-

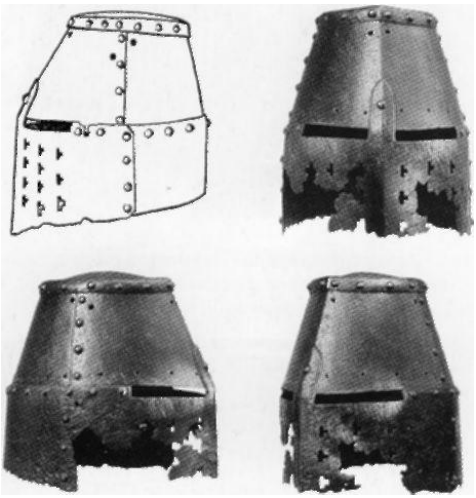


Рис. 50, 50а, 50б, 50в. Топхельм. семейства Бальзано, замок Сан-Анжело, Рим; топхельм из частной коллекции, прив. по аукционному каталогу Герман Хисторика, 2001

Рис. 52 Надгробие Вендаччио Венедетти 1402 г., музей Бардини, Флоренция

Рис. 51. Кентербери; Топхельм. Ричарда Пембриджа, 1360-1370 гг.. Эдинбургский музей

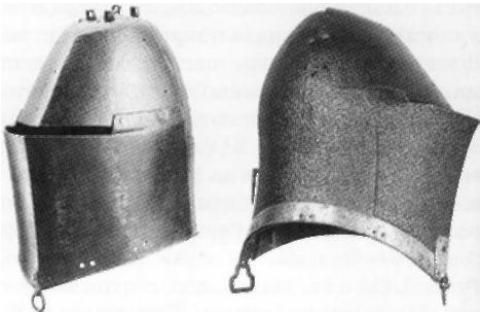


Рис. 53. Турнирный шлем топхельм Николаса Хауберта 1410-1420 гг.; Турнирный шлем топхельм Генриха V Плантагенета 1410-1420 гг.

сти, именно данной ветви эволюционного развития принадлежат «большие шлемы» 1380-1400-х, которые известны по изобразительным источникам. Это были уже не боевые, а чисто парадные и турнирные наголовья, которые характеризовались геометрией тульи, близкой к куполовидной, единой смотровой щелью, а самое главное — профилем передней (лицевой) части венца, которая имела выраженный изгиб вперед в нижней трети и верхней трети. Рассматриваемые шлемы предвосхитили появление знаменитых турнирных «жабьих голов», которые известны по изображениям с 1400-1410 гг. В этой связи необходимо обратиться к надгробию Джованни ди Поджио в Луке 1391 г., а также Вендаччио ди Венедетти 1402 г. из музея Бардини во Флоренции *(рис. 52)*. Вещественным подтверждением могут служить

опять-таки образцы из Англии: шлемы Генриха V 1400-1410 гг. и Николаса Хауберта 1403 г. *(рис. 53)*.

Третий тип топхельмов можно охарактеризовать куполовидной тульей (иногда близкой к полусферической). Появились они к 1320-м гг. *(рис. 54)*.

Своеобразной разновидностью «больших шлемов», являются топхельмы с подвижными забралами. Зарождается данная разновидность в конце XIII в., в качестве средства к улучшению функциональных свойств топхельма. На изображениях XIVв. забрало чаще всего сопровождает топхельмы третьего типа. В связи с этим не всегда представляется возможность точно отделить изображение топхельма с забралом от бацинета с забралом, учитывая значительные размеры последних. Разумным кажется следующий критерий, основанный на анализе четко атрибутируемых изображений и предметов: забрало бацинета открывает шлем спереди полностью (в случае с большим бацинетом, забрало дополнено бивером, который не является конструктивно неотъемлемой частью корпуса шлема), в то время как забрало топхельма совмещается с замкнутым лицевым вырезом, т. е. опирается снизу на глухую перемычку, представляющею единое целое с передней частью шлема. В качестве примера рассмотрим шлем с барельефа 1320-1325 гг. во дворце Барджелло, Флоренция. Шлем имеет куполовидную тулью, увенчанную нашлемной фигурой, а также забрало, видимо, с усиляющим накладным крестом. Интересно, что фрагмент креста виден и на тулье шлема, что наводит на мысль, что изнутри забрало сдублировано, хотя бы частично. Однотипные шлемы во множестве изображены на страницах Кодекса Балдуина Трирского (нач. XIV в., Сев. Италия или Южн. Германия) *(рис.* 55). Изображения данной конструкции исчезают к середине XIV в., однако в Халкисе было найдено несколько экземпляров, представляющих гибридный тип топхельма и большого бацинета. Данные шлемы имеют одну подбородную

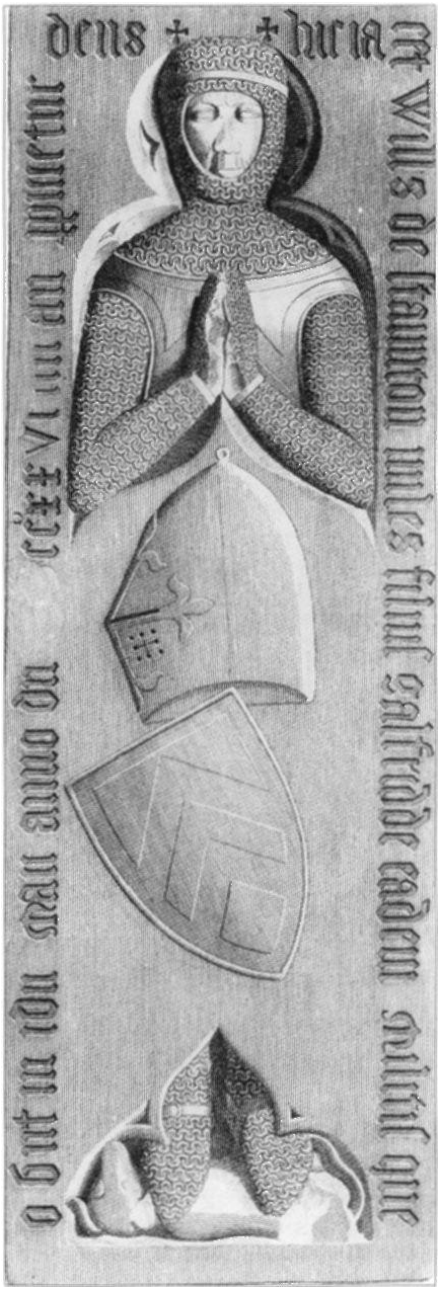


Рис. 54. Топхельм с надгробия Вильяма Стоутона, 1326 г., Ноттингемшир

Рис. 55. Миниатюра Кодекса Балдуина Трирского

Рис. 56. Шлем с забралом из г. Халкис, о. Эвбе

Рис. 57, 57а, 57б. Кодекс Балдуина Трирского (фрагмент миниатюры); Миниатюры «Романа об Александре», 1344г.

Рис. 58. Аллегория Закона с грамоты вассальной присяги г. Прато королю Неаполя Роберту Анжуйскому, 1340 г.

откидную створку на петле. Они найдены среди развалин арсенальной башни вместе с предметами вооружения, самые поздние из которых относятся к середине XV в., т. е. традицию использования в отдельных регионах можно продлить, предположительно, вплоть до первых десятилетий Кватроченто *(рис. 56)*.

Шлемы с полями (shapel-de-fer, eisenhut) пользовались в Италии неизменной популярностью на протяжении всего рассматриваемого периода, вплоть до XV в.,

Рис. 59. Фреска Симона Мартина, церковь Св. Мартина из Ассиз, 1320 г.

Рис. 60. Миниатюра «Хроники Джованни Вилано». Апостольская библиотеки в Ватикане, Рим

когда их в массовом порядке сменили салады.

Первый тип шлемов с полями имеет усеченно коническую или цилиндрическую тулью с плоским или выпуклым дном. Последний вариант, надо отметить, редко встречается в источниках. Классический вариант изображен на нескольких миниатюрах кодекса 1320-1330 гг. из библиотеки Рикардиана (№1358) во Флоренции.[22] Своеобразный подтип изображен на страницах иллюминированного Кодекса Балдуина Трирского нач. XIV в. Там изображены шапели с усеченноконической тульей и значительно выпуклым дном, которое, видимо, пересекает выраженный медиальный гребень треугольного сечения *(рис. 57)*. Насколько можно судить, описываемая разновидность появилась в середине XIII в. и просуществовала, в основном, до середины XIV в.

Первый тип сначала сосуществовал, а затем был закономерно вытеснен более совершенным типом шапелей с куполовидной тульей. Второй тип мог также иметь и цилиндроконические или цилиндрокуполовидные тульи, но в рамках данной ра-

Рис. 67, Фреска «Мученичество Св. Георгия» Альтикьерри да Дзевио, кон. XIV в., Падуя

боты они будут рассматриваться в рамках единого типа, как функционально и технологически родственные. Изображения подобных шлемов во множестве представлены в памятниках итальянского искусства от первых декад столетия до начала XV в. Приведем, например, аллегорическую фигуру Закона с вассальной грамоты Прато Роберту Анжуйскому *(рис. 58),* на фресках Симона Мартини *(рис. 59),* миниатюры Хроники Джованни Вилано из Апостольской библиотеки в Ватикане *(рис. 60)* и многие другие. Своеобразный подтип представлен па изображениях конца XIV в., когда поля шлема в районе лица наклонены под малым углом, а над скулами и затылком опускаются почти под 45—50 градусов, образуя наголовье очень схожее геометрически с германской каской Первой мировой войны М-16. Лучше всего такие шлемы изображены Альтикьерри да Дзевио на фресках «Мученичество Св. Екатерины» и «Мученичество Св. Георгия» 1380-х гг. *(рис.61).*

До наших дней сохранились несколько шлемов с полями описываемого типа. Два из них хранятся в музее Бардини во Флоренции. Это наголовья монолитной конструкции, обе тульи снабжены медиальными ребрами. Вершина купола закруглена. Судя по конструктивно геометрическим характеристикам, датировать их можно от первой трети XIV в. до начала XV в., хотя наиболее правдоподобным кажется временной отрезок 1350-1390 гг.[23]

Четвертый тип объединяет шлемы с полусферическими или яйцевидными тульями. Согласно дошедшим до нас свидетельствам изобразительных источников, данная разновидность была распространена в Италии все же меньше, чем куполовидные шапели. Наиболее старой, исходной формой можно признать шлемы с сегментной конструкцией тульи. Обычно она составлялась из двух боковых сегментов, собранных на широкой медиальной полосе посредством заклепок. Как правило, каркасная накладка снабжалась выраженным гребнем. Подобные образцы прослеживаются, например, на чеканных панелях с «Житием Св. Якова» 1316 г. из собора Пистойи работы Андреа ди Джакопо д'Ангобене. Данный памятник изображает примечательную разновидность данного типа, когда поля шлемов, будучи относительно короткими в надличной части, значительно удлиняются над шеей. Шлемы с простыми ровными полями изображены на многочисленных памятниках, например на фреске Амброджио Лоренцетти «Распятие» и на некоторых работах Спинелло Аретино конца XIV в. (рис. *62).*

Шапелей этого типа в Италии не сохранилось, однако аналогичные наголовья известны среди древностей Северной и Восточной Европы. Они в мелочах повторяют детали не только итальянских изобразительных памятников, но и памятников общеевропейского круга. Это позволяет отнести данную разновидность к шлемам интернационального характера, принадлежащих эпохе, когда не сложились еще выраженные национальные черты защитного снаряжения различных регионов.

Шапели монолитной конструкции появились около 1320-х гг. Их существование отразилось на фресках Жакомо Жакерио («Крестный путь» 1340 г.), Симона Мартини *(рис. 63)* и многих других. Шлем, изображенный Симоном Мартини, интересен тем, что поля его геометрически сонаправлены образующим тульи. Подобная особенность повторена двумя шлемами конца XIV — начала XV вв. из Польши. Что демонстрирует живучесть традиции, просуществовавшей, таким образом, в разных регионах Европы с 1320-х по 1400-е гг.

Защитные функции шлемов усиливались разнообразными дополнительными приспособлениями. Наиболее распространенным было боевое ожерелье «горжет». Изначально это был высокий стеганый ворот поддоспешной одежды. К концу XIII — началу XIV вв. горжет превратился в пластинчатый воротник с пелериной, который мог закрывать шею и лицо, достигая зачастую уровня глаз. Ворот мог иметь латную, а равно и шинную конструкцию,

хотя в Италии свидетельства бытования именно латного варианта встречаются наиболее часто. Шинный горжет изображен на резной капители колонны 1309 г. во Дворце дожей в Венеции, а также на некоторых миниатюрах середины XIV вв. *(рис. 64)*. Носились горжеты в основном в комплекте с шапелями, хотя иногда изображаются и вместе с бацинетами.

Не совсем ясно, как горжет фиксировался поверх доспеха. Если судить по некоторым аналогичным свидетельствам испанских надгробий и барельефов, горжеты состояли из двух створок, которые могли запираться с одной стороны посредством пряжек или шкворней. Приведем наиболее подробные и правдоподобные свидетельства: надгробие Рамона Фолька X де Кардона (1259-1320 гг.), королевский монастырь в Поблете, монумент возведен около 1325 г., барельеф из собора в Памплоне, 1320-е гг. (*рис. 65)*.

В Италии XIV в. латные горжеты изображаются до 1360-х гг. Наиболее поздним свидетельством такого рода является «Распятие» работы Орканья из церкви Св. Духа во Флоренции. В более поздний период встречается множество упоминаний горжетов в письменных источниках. Скорее всего, мы имеем дело с кольчужными горжетами, известными с 1290-х гг. *(рис. 66)*.

Другим дополнительным приспособлением был латный подбородник — «бивер». Судя по всему, в Италии он не был распространен, хотя в некоторых европейских странах, чьё военное дело было связано с итальянским производством защитного снаряжения весьма тесно, изображения подбородников встречаются регулярно *(рис. 67)*. Для Италии можно привести изображение с «Распятия» 1320-х гг. работы Симона Мартини (хранится в Королевском музее искусств в Антверпене) *(рис. 68)*. Интересно, что данный памятник иллюстрирует наиболее ранний большой бацинет в Европе, так как бивер сопровождает именно бацинет, что автоматически переводит его в разряд «grand bacinet». Следует обратить внимание и на необычную форму защиты лица, а именно на козырек, выполненный монолитно с тульей. Итальянское искусство представляет множество подобных изображений, которые до сих пор не становились предметом специального научного исследования. А ведь если речь не идет о некоей художественной традиции, изображенные наголовья являются непосредственными предшественниками шлемов «sturmhaub» или «бургиньот», которые, как считается обычно, появились не ранее XVI в.

Перейдем к рассмотрению *защиты корпуса*. Пристального интереса заслуживают пластинчатые доспехи, так как кольчуги не отличались какими-то яркими особенностями кроя, характерными только для региона Италии (да и любого региона Европы вообще). В рамках данной работы доспехи разделены на виды согласно конструктивному признаку: чешуйчатые, бригандинные, латные.

Наибольшей популярностью в XIV в., как неоднократно отмечалось, пользовалась бригандинная защита. Тем не менее, знакомство с корпусными прикрытиями начнем с более древних и архаичных систем, а именно с *чешуйчатого доспеха*. В Италии, как и вообще в Европе (кроме восточной её части), чешуйчатые доспехи не имели значительного распространения. Многочисленные изображения подобного рода, особенно когда речь идет о религиозных памятниках, в большинстве случаев являются стилизацией «под античность», подражанием византийскому иконописному канону, или вообще работами византийских мастеров. Нельзя забывать, что до конца XIII в. итальянская иконопись развивалась под сильнейшим византийским влиянием. Тем не менее, ряд произведений донес до нашего времени правдоподобные и тщательные изображения чешуйчатого доспеха, что позволяет делать выводы относительно его бытования в Италии. Вещественных экземпляров до нашего времени не сохранилось, поэтому о покрое можно судить лишь предположительно. По характеру изображаемых пластин чешуйчатые

Рис. 62. Фреска Спинелло Аретино, конец XIV - начало XV вв.

Рис. 63. Фреска Симона Мартин, «Крестный путь»

доспехи подразделяются на две основные разновидности.

Первая разновидность включает доспехи, сформированные пластинами со скругленной нижней частью, или прямоугольными пластинами. Прекрасное изображение имеется на фресках конца XIII — начала XIV вв. из Флорентийского баптистерия со сценами из жизни св. Иосифа. Видимо, подобные одеяния могли именовать «hauberk de plate», т. е. «пластинчатыми хаубергами», так как они на манер кольчуги закрывают руки до локтя и бедра посредством подола и «рукавов», которые, видимо, выкроены зацело с прикрытием корпуса, или пришнурованы к нему. Подобные изображения во множестве встречаются в странах средиземноморского бассейна. Испанский манускрипт 1280-1300 гг. «las Cantigas» содержит серию подобных изображений. Кроме того, в соборе Бургоса имеется барельеф 1300-1350 гг.,

Рис.64. Миниатюра (Южная Германия или Северная Италия) 1340-1350 гг.

изображающий конного воина в таком доспехе.[21] Нечто аналогичное имеется на барельефе со сценой избиения младенцев из церкви Санта Мария де Сусо, первая треть XIV в. Похожие изображения известны и в Германии и в Швеции, в том числе на светских памятниках, т. е. их нельзя признать фантазией художника, следовавшего некой традиции.[25]

Следующая разновидность достаточно редкая. Это доспехи, состоящие из пятиугольных пластин. Лучшее изображение представлено на надгробии Гвидо Паллавичино 1301 г. из церкви в Фонтевиво *(рис. 69)*. Оно напрямую соотносится с синхронным барельефом из собора в Памплоне. Причем изображения отличаются лишь наличием привязного набрюшного диска («зерцала», если бы речь шла о русском доспехе) на испанском памятнике. Другая аналогия имеется в Германии. Это доспех с надгробия Альбрехта фон Гогенлоэ (ум. 1338 г.) из Вюртемберга. В данном случае из пятиугольных пластин набраны наплечники доспеха.

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что изображения чешуйчатого доспеха отражали реальность. При этом сам доспех вряд ли имел сколько-нибудь заметное распространение после первой половины XIV в.

Следующий вид защиты корпуса — *бригандина*.* В Милане находился один из основных европейских центров производства данного доспеха. При этом в Италии до XV в. сохранилось очень мало образцов бригандинного доспеха или его фрагмен-

* Термин «бригандина» мы употребляем применительно ко всем доспехам, где основным несущим элементом конструкции является внешняя мягкая основа. При атом сам термин появился в Средневековье сравнительно поздно и существовал наряду со многими другими синонимичными обозначениями.

тов. Фактически мы имеем лишь один не археологический экземпляр бригандинного доспеха, который можно точно атрибутировать как итальянский (образец хранится в Мюнхене). Изучение затрудняется ещё и тем, что в Италии до конца XIV столетия широко использовали надоспешные сюрко или пурпуаны, что делает практически бесполезными большинство итальянских изобразительных памятников в деле изучения защиты корпуса. Тем не менее, внимательное изучение местных изображений и сопоставление их с редкими вещественными образцами и более многочисленными заальпийскими аналогами позволяет выделить несколько типов бригандин, имевших хождение в Италии.

Типология бригандинного доспеха, несомненно, должна строиться, исходя из общего покроя несущей основы. Пластинчатый набор при этом является вспомогательным признаком, как изменяющаяся относительно покроя величина. Тем не менее, материал по итальянским бригандинам слишком скуден, и такого рода типологические ряды будут весьма условны. Воспользуемся методом Б. Тордемана, который представляется идеальным для систематизации ограниченного, замкнутого материала. Он основан на учете совокупности выкройки и характера пластинчатого набора.

Ранняя история бригандинных доспехов в Италии в значительной мере неясна. К сожалению, ничего подобного находкам в братских могилах под г. Визбю на о. Готланд, где были найдены 25 практически полных бригандин, итальянская археология не знает. Не сохранилось и антикварных экспонатов. В Германии история данной разновидности защиты корпуса во второй половине XШ в. известна благодаря ряду замечательно подробных изображений, чего мы не знаем по итальянским материалам. Тем не менее, уже в конце XIII в. бригандинная конструкция была известна в Италии, на что указывает изображение сабатона на барельефе с кенотафа Гульельмо ди Берадиа 1289 г. (см. выше). Предположительно, на территории Аппенинского полуострова имели хождение доспехи, аналогичные описанным в предыдущей главе (см. статуи Св. Маврикия из Магдебурга и спящего стража из монастыря в Винхаузене).

Первый тип, известный исключительно по изобразительному материалу, имеет следующие характеристики: силуэт не приталенный, длинный подол достигает середины бедра или колена и снабжен центральным разрезом спереди и сзади застежка, предположительно располагается на спине. Пластинчатый набор состоит из крупных прямоугольных или квадратных пластин, закрепленных посредством заклепок. Иллюстрацией данного типа выступает аллегорическая фигура, изображающая Закон с вассальной грамоты г. Прато (см. выше). Расположение пластин более точно можно реконструировать на примере двух изображений на фреске Симона Мратини 1330-х гг. из базилики Св. Франциска в церкви Св. Мартина. Заклепки изображены группами по четыре, маркируя место каждой отдельной пластины. Следовательно, имеется пять горизонтальных рядов пластин, причем нижние дополнительно фиксируются двумя заклепками по краю. Вертикальных рядов спереди на изображении читается по три. Таким образом, если предположить еще по одному ряду на боках, то на спине, если предполагать заднюю медиальную застежку, методом проекции можно расположить четыре вертикальных ряда пластин. Итого девять пластин вокруг корпуса.

Родственная конструкция изображена на иконе «Распятие» работы Бернардо Дадди 1330-1340 гг. (коллекция Лувра). Особая ценность данного памятника состоит в том, что воин изображен со спины, демонстрируя устройство тыльной части бригандины. Застежка осуществляется посредством боковых клапанов, которые заходят на наспинник, перекрывая его примерно на четверть с каждой стороны. Клапана соединяются друг с другом горизонтальными ремнями поверх наспинника. В вертикальной плоскости их удерживают

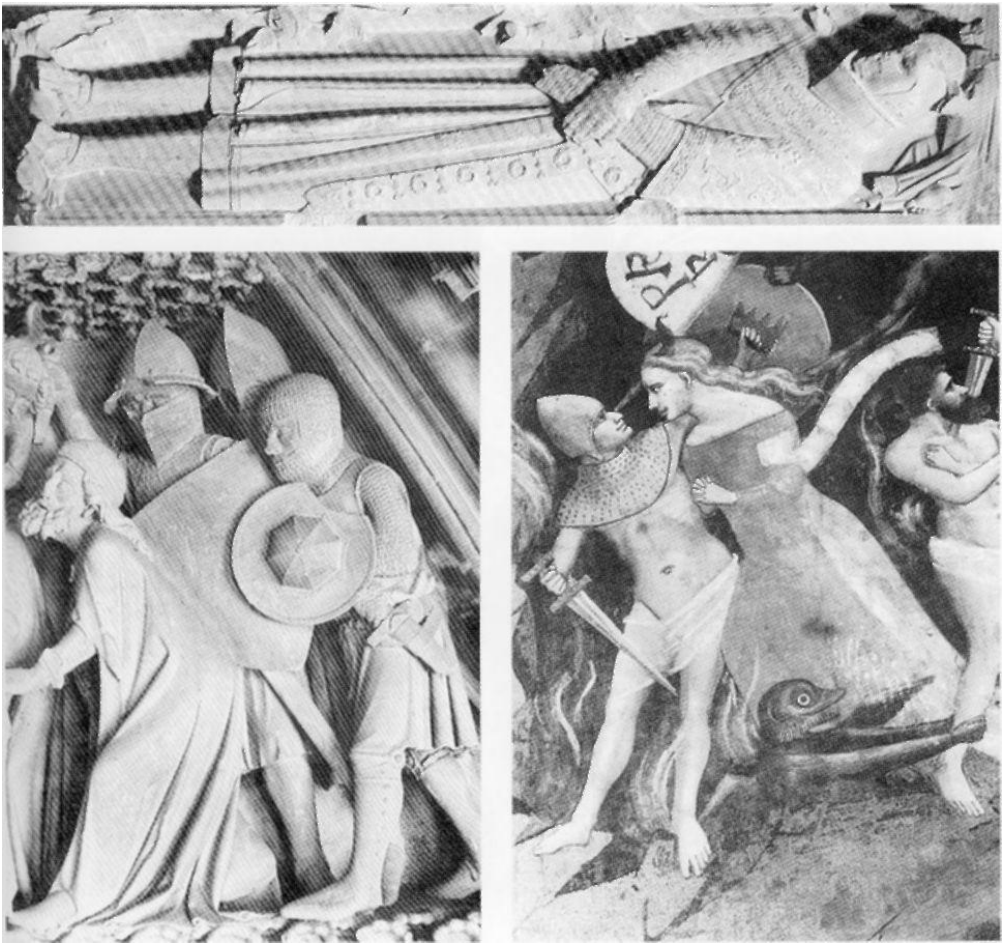


Рис. 65, 65а. Надгробие Рамона Фолька X де Кардона (1259-1320 гг.), королевский монастырь в Поблете, монумент возведен около 1325 г.; барельеф из собора в Памплоне 1320-х гг.

Рис. 66. Фреска (фрагмент) «Ад». Оркагана 1348-1350 гг., Флоренция

две пряжки в верхней части, соединяясь с ремнями в лопаточной части наспинника. Набор состоит из мелких прямоугольных пластин *(рис. 70)*. Данное изображение имеет множество аналогий и Европе. Абсолютно идентичные устройства изображены на миниатюрах фламандского «Романа об Александре» 1344 г. *(рис. 71)*.

Следующий тип включает доспехи с медиальной застежкой на груди, сформированные из крупных прямоугольных пластин. В общем конструкция эта представляет собой доспехи первого типа, перевернутые наоборот. Имеется единственный вещественный образец подобного доспеха. Он был найден при раскопках г. Халкис на Эпосе. Доспех сильно поврежден, однако сохранившаяся основа и значительная часть пластин позволяют точно его реконструировать. Ниже подмышек доспех

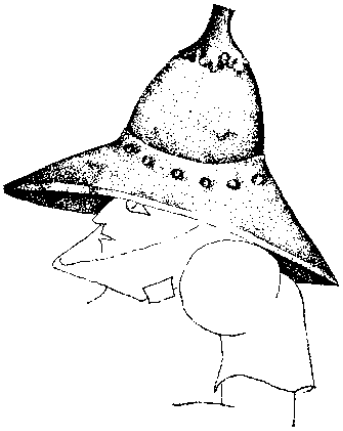


Рис. 67. Изображение шапеля с миниатюры манускрипта Уолтера де Милмет, 1326-1327 гг.

Рис. 68.Фреска Симон и Мартини. 1320-е гг. «Распятие», Королевский музей искусств, Антверпен

Рис. 69. Надгробие Гвидо Паллавичино, 1301 г. Фонтевиво

Пеший щитоносец
Конец XIII — начало XIV вв.

Рыцарь
Германия или Северная Италия, 1330-1340 гг.

Алебардист
Италия, конец XIII — начало XIV вв.

Рыцарь
Германия, 1330-1350 гг.
Вид спереди, вид сбоку и вид сзади

Воин в конном или тяжелом пехотном снаряжении
Южная Германия или Северная Италия, 1330-1360 гг.
Вид сзади и вид спереди

Тяжелая пехота
Северная Италия, первая половина - середина XIV в.

Алебардист в полудоспехе
Германия, середина XIV в.
Вид спереди и вид сзади

Алебардист в полном доспехе
Северная Италия, середина XIV в.

Алебардист в тяжелом доспехе
Северная Италия, 1380-1400 гг.

Рыцарь
Италия или Германия, конец XIV в.
Вид сзади и вид спереди

Тяжелая пехота
Италия, Генуя, вторая половина XIV в.
Вид сбоку и вид спереди

Алебардист в легком доспехе
Германия, Италия, вторая половина — конец XIV в.

Алебардист в полудоспехе
Северная Италия, 1370-1400 гг.
Вид спереди и вид сзади

Воин в конном или тяжелом пехотном снаряжении
Северная Италия, Южная Германия, 1360-1400 гг.

1. Воин перед облачением. Одет в нижнее белье (камиза, брэ, чепец «каль»), чулки и туфли.

2. Надевание поддоспешного убора: на ноги помещены стеганые чулки.

3. Надевание поддоспешного убора: на корпус надета распашная стеганая куртка («акетон», «гамбезон»).

4. Надевание защиты ног: голени прикрыты бригандинными поножами.

5, 5а. Надевание защиты ног: на бедра помещены бригандинные набедренники с пришнурованными к нижнему краю коробчатыми наколенниками; верх набедренников, в свою очередь, шнуруется к акетону с изнанки на уровне талии.

Облачение в доспехи. Итало-германское снаряжение середины XIV в.

6. Надевание корпусной защиты: бригандина с листовидными латными наплечниками.

7. Надевание защиты рук: бригандинные плечевые протекторы шнуруются по верхнему краю к акетону под наплечником и застегиваются с внутренней стороны ремнями и пряжками.

8. Надевание защиты рук: на предплечьях зафиксированы бригандинные наручи с пришнурованными налокотниками.

9. Надевание защиты рук: кисти прикрыты латными перчатками.

10. Снаряжение завершается надеванием шлема «бацинет» с решетчатым забралом (редкий германский тин прикрытия лица).

Облачение в доспехи. Итало-германское снаряжение середины XIV в.

Алебардист в полном доспехе
Германия, середина — вторая половина XIV в.

Рыцарь
Восточная Германия, Богемия, вторая половина XIV в.
Вид спереди и вид сбоку

сформирован четырьмя горизонтальными рядами крупных прямоугольных пластин. В каждом ряду было изначально по девять пластин. Центральный задний ряд заходит под пластины последующих боковых рядов. Лопатки закрыты пятью вертикальными пластинами, грудь — четырьмя вертикальными пластинами. Проймы выложены специально обрезанными по форме мелкими полосами. Общий нахлест пластин по вертикали направлен сверху вниз. Основная масса находок с Халкиса датируется XV в., однако данный экземпляр слишком архаичен для столь поздней даты. Скорее всего, он сохранялся в арсенале вместе с некоторыми другими образцами вооружения XIV в., которые также обнаружены при раскопках.

Находка из Халкиса соотносится с доспехом №24 из Визбю. Он также застегивается по медиальному шву в центре, а также не плечах. Основное отличие состоит в гораздо более мелких пластинах набора, ко-

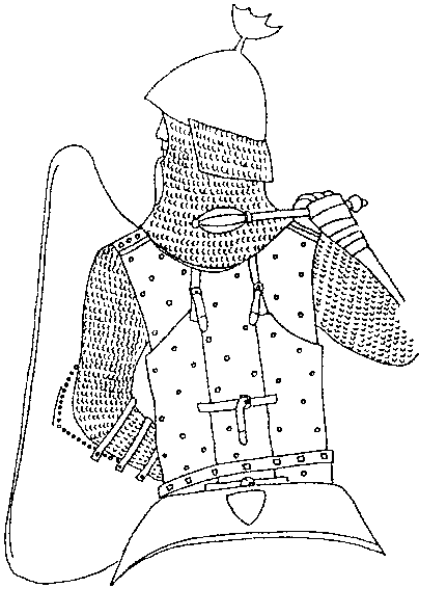


Рис. 70. Фреска (фрагмент) «Распятие», Бернардо Дадди, 1330-1340 гг.

Рис. 71. Миниатюра «Романа об Александре» 1344 г.

торых потребовалось для облицовки всей площади доспеха около шестисот штук.

Бригандины, сформированные крупными горизонтальными полосами, во всех подробностях представлены значительным массивом германских памятников. Семь таких доспехов были обнаружены на Готланде, все они имели запах на спине. Два аналогичных панциря с застежкой на боках и спиной, набранной из прямоугольных пластин, были обнаружены в развалинах замка Кюснах в Швейцарии (разрушен в 1352 г.). В Италии точные изображения схожих доспехов встречаются чрезвычайно редко, хотя их узнаваемые силуэты проступают на многочисленных рыцарских надгробиях и прочих скульптурных и живописных памятниках первой половины — середины XIV в. Один из барельефов из венецианского Дворца дожей, 1309 г., изображает во всех подробностях бригандинный нагрудник, набранный из пяти широких горизонтальных полос с фигурными шляпками заклепок, что, как мы видим, напрямую соотносится с заальпийскими аналогами. К сожалению, на основании изображения невозможно судить о конструкции и покрое доспеха в целом. Таким образом, определяющей чертой данного типа служит набор набрюшной части панциря из горизонтальных полос.

Четвертый тип объединяет доспехи, состоящие из вертикально ориентированных крупных прямоугольных пластин. В составе набора находится два-три горизонтальных ряда. Подобные панцири Б. Тордеман относил к типу два и три соответственно (доспехи №8-21). Однотипный доспех изображен на статуе из Винхаузена (см. выше). Серию аналогичных доспехов можно видеть на фресках 1330-1340 гг. церкви Св. Аббондио в Комо. Изображения панцирей несколько стилизованны и не имеют прориси заклепок, однако контуры пластин обозначены очень четко, что позволяет соотнести данные свидетельства с находками из-под Визбю. Часть доспехов, предположительно, имеет застежку сзади, посредством полного запаха боковых клапанов на наспиннике, аналогично готландскими экземплярами *(рис. 72)*. Несколько изображений имеют шкворневые застежки на одном плече. Видимо, данная черта служила для максимально точной пригонки горловины к вороту поддоспешной одежды. Стоит отметить, что упомянутая деталь не является фантазией художника и имеет прямые параллели среди памятников археологии (см. ниже).

Описанная выше группа защитных приспособлений объединена общими геометрическими параметрами. Силуэт их не обозначает талии, следуя мешковатым «бочкообразным» очертаниям старомодной романской одежды. Множество самых правдоподобных и точных изобразительных памятников, не раскрывая конструктивных особенностей корпусных доспехов, со всей ясностью отражают их единые геометрические особенности. Панцири описанной группы продержались в широком ходу в Европе (по крайней мере в центральной и южной её частях) вплоть до 1360-х, а возможно, 1370-х гг. В Польше, в местечке Торунь, бригандина второго типа по Б. Тордеману обнаружена в слоях начала XV в., что, впрочем, не позволяет делать далеко идущих выводов относительно комплекса вооружения других европейских регионов. В 1340-1350-х гг. в Италии, как и в Европе, вообще появилась новая мода, связанная с «готическим» (приталенным) силуэтом как светского платья, так и доспеха.

Приталенные бригандины с силуэтом «песочных часов» были подробно описаны в предыдущей главе. Уточним, что, говоря о приталенных бригандинах, мы имеем в виду доспехи с выраженной талией, заложенной в раскрой несущей основы и пластинчатого набора. Так, например, в Англии уже с 1320-1330 гг. были весьма популярны бригандины с расклешенным подолом, который при визуальном изучении изображений дает эффект наличия талии. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что верх панциря не имеет выраженного сужения в нижней части, а значит не является приталенным в прямом смысле.

Все замечания, приведенные выше касательно этой разновидности доспехов, в целом верны и для итальянского материала. Самые ранние бригандины рассматриваемых очертаний находят отражение среди итальянских изобразительных источников не ранее 1350-хгг. Для сравнения, в Германии мы знаем рыцарские надгробия, изображающие приталенные бригандины уже в 1340-х гг. Нечто подобное, в частности, иллюстрируют надгробные плиты баварского рыцаря Отто фон Орлямюнде, 1340 г., и Рудольфа IV Баденского, 1348г. Тем не менее, невозможно сказать точно, насколько в самом деле Германия опередила итальянское военное дело в этом плане, или же мы имеем дело не с реальным отставанием одной стороны, а с особенностями источниковой базы. Тем более что временная разница между «траншмонтаньскими» (как сказали бы итальянцы) и апеннинскими изображениями не очень велика. Кроме того, все имеющиеся германские изображения происходят с Юга страны, который был неразрывно связан с Северной Италией в культурно-экономическом отношении. С другой стороны, если изображения в Германии позволяют определить конструкцию данных защитных приспособлений, то в Италии доспехи традиционно изображены задрапированными, что позволяет судить только о силуэте, не более.

Итак, пятый тип бригандин с плавным приталенным силуэтом для Италии можно проиллюстрировать несколькими надгробиями. Во-первых, это прекрасные памятники флорентийских рыцарей Николло Аччиаюоли Старшего и Младшего 1353 г. и 1365г. соответственно. Во-вторых, надгробие Биордо делле Убертини 1358 г., также из Флоренции. Не один оружиевед, наверное, гладя на столь подробные изображения, испытал горькое разочарование от того, что корпусные доспехи скрыты геральдическими сюрко! Какой ценный источник не состоялся (*рис.* 73)!

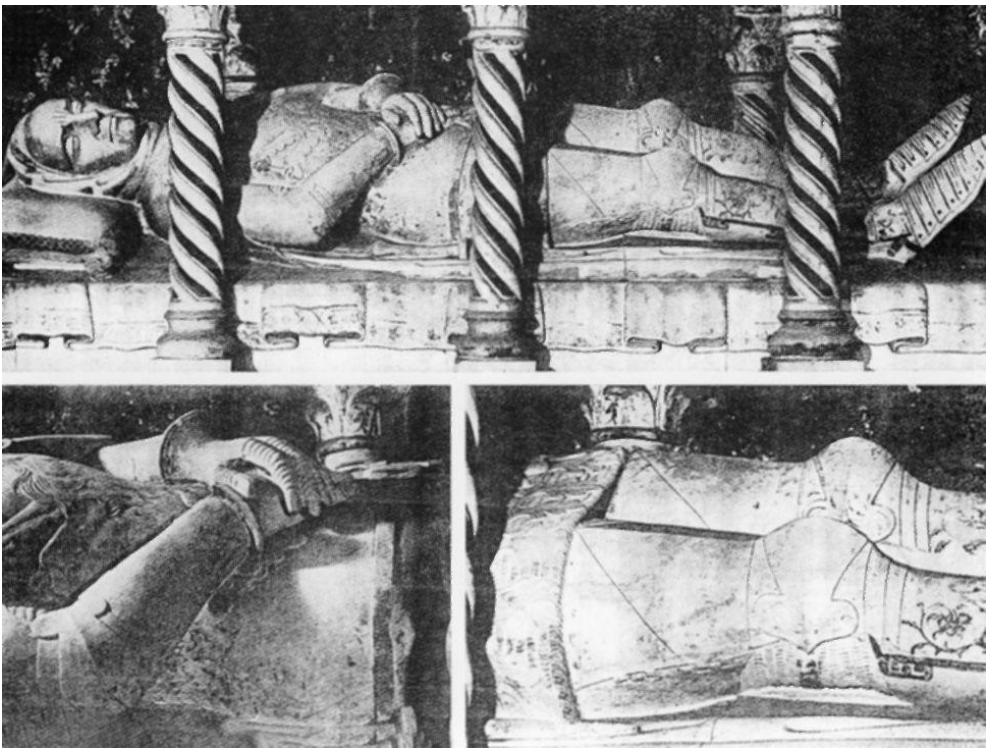
Если признать, что итальянские бригандины были связаны с южногерманскими или английскими (и туда, и туда из Италии шёл широкий экспорт защитного сна-

Рис. 72. Фреска (фрагмент) из церкви Св. Аббондио в Комо

ряжения), то на основе анализа соответствующего материала можно выделить два основных этапа в развитии бригандин «песочные часы». Первый связан с появлением выраженного плавно сужения в области талии по бокам, притом что в передней и задней части образующие панциря оставались прямыми, не усаживаясь по фигуре. Данная черта очень хорошо видна при сличении боковой и фронтальной проекции надгробия Отто фон Орлямюнде, а также и Рудольфа IV Баденского. Очевидно, что основа для таких бригандин кроилась из двух частей ткани (передней и задней) с дугообразными вырезами для обозначения талии по бокам. Второй этап ознаменовался полной анатомической пригонкой доспехов с выраженным сужением по талии не только на боках, но и во фронтальной и тыльной областях, в соответствии с очертаниями человеческого тела. Имело место данное нововведение в 1360-х гг. Очевидно, что выкройка для такого доспеха должна была состоять из двух частей для передней части и двух для задней, с тем чтобы посредством центральных швов усадить

Рис. 73. 73а. 73б. Надгробие Николо Аччиаюли Старшего. 1353 г., и Младшего. 1365 г.. Флоренция; надгробие Биордо деле Убертини, 1358 г., Флоренция, прив. по Боччиа Л. Г., 1982, реконструкции надгробия К. Т. Коэльо

основу по фигуре. Пластинчатый набор должен был усложниться соответственно. Первый вариант с неполным приталиванием требовал простых трапециевидных пластин, чтобы скошенные их боковые стороны совпадали с односторонним изгибом основы. Изгиб в двух плоскостях не мог быть осуществлен только посредством пластин в форме изогнутой трапеции, которые могли полностью повторить сложные контуры внешней основы. С новым силуэтом связано увеличение количества пластин и уменьшение их ширины, для максимально плавного облегания фигуры. Отныне монолитный



нагрудник закрывал корпус до диафрагмы, живот на уровне талии прикрывался серией из трех-четырех горизонтальных поперечных полос, а подол формировался из пяти-шести полос. Для сравнения, весь доспех с надгробия Отто фон Орлямюнде, кроме нагрудника, состоял из шести полос, по сути не далеко уйдя от доспехов с Визбю. Если ранее нахлест пластин был односторонним, как правило снизу вверх, то развитые бригандины пятого типа имели разнонаправленный нахлест. От нагрудника до талии пластины находили друг на друга сверху вниз, а в районе подола — наоборот. Для обеспечения максимальной свободы хода пластины приклепывались к основе по краю: при нахлесте сверху вниз — по нижнему, а при нахлесте снизу вверх — по верхнему. Устройство и геометрические особенности описанных доспехов в деталях прослеживаются при изучении надгробий Рудольфа VI Баденского, 1372 г., Иоахима фон Фалькенштайна, 1365г., Иохана фон Кацнеленбогена, 1357 г. и, например, Ральфа де Кневинтона, 1370 г., Эссекс, Англия *(рис. 74)*. Наспинник состоял из мелких трапециевидных пластин, как видно на статуе св. Георгия 1370-х гг. в Пражском Градце. Застегивались подобные доспехи, видимо, исключительно по медиальному шву сзади и на плечах.

Тип семь представлен доспехами Х-образных очертаний с монолитным нагрудником и медиальной расстежкой на спине. В предыдущей главе было описано, как приталенные бригандины «песочные часы» трансформировались в «кирасовидные» панцири с монолитной нагрудной пластиной.

Как уже говорилось, «кирасовидные» бригандины появились в 1360-1370-хгг.

Рис. 74, 74а,74б, 74в. Надгробия Рудольфа VI Баденского 1372 г., Иоахима фон Фалькенштайна 1365 г., Иохана II фон Канцеленбогена 1357 г., Ральфа де Кневинтона 1370 г., Эссекс, Англия

Примерно с этого периода в Италии массово появляются изображения доспехов, не покрытых налатными одеяниями, что позволяет судить о бытовании подобных доспехов. Несколько подобных доспехов изображены на фреске со сценами морского боя при Пунто Сальворе работы Спинелло Аретино конца XIV — начала XV вв. из Палаццо Публика в Сиене *(рис. 75)*. Свидетельствафрески соотносятся с двумя вещественными экземплярами из Национального баварского музея в Мюнхене и собрания монастыря Св. Лазаря в Венеции. Первый образец является единственной бригандиной XIV в. С сохранившейся тканевой основой. Это крупный фрагмент доспеха, представляющий собой нагрудник с подолом и частями плечевых лямок.[26] Нагрудная пластина имеет характерный «итальянский» профиль с максимальной выпуклостью в нижней трети. На основе она зафиксирована посредством приклепывания по периметру. Кроме того, на правой и левой половинах имеются два ряда крупных декоративных заклепок с четырьмя гравированными изображениями цветков, расположенных по дуге. Нагрудник продолжен поясничной пластиной и подолом из пяти полос. Нахлест пластин снизу вверх, включая поясничную пластину, уложенную по-

верх нижней части нагрудника. Все детали подола приклепаны по верхнему краю. На правой плечевой лямке сохранилась часть шкворневой застежки. Основа изготовлена из бархата на льняной подкладке. Основа передней части доспеха (без сомнений, задняя часть имела аналогичный покрой) выкроена из четырех частей, две детали формируют нагрудник и две детали подол. Центральный шов и шов на талии обеспечивают точное соответствие сложному профилю панцирного набора. Нагрудник несет на изнаночной стороне клеймо — крупную букву «R», выполненную ломбардским шрифтом. Клеймо совершенно идентично клеймам на итальянских доспехах XIV-XV вв., что позволяет отнести бригандину именно к итальянским (скорее всего, миланским) древностям. Относится бригандина к 1360-1400 гг. *(рис. 76)*.

Образец из монастыря Св. Лазаря дошел до нас в виде нагрудника, аналогичного мюнхенскому. Два полукруглых ряда декоративных заклепок дополнены третьим треугольным рядом в нижней части. Проймы нагрудника дополнены наклепанными поверх бортиками, горловина отвальцована наружу. Датировка несомненно совпадает с мюнхенской бригандиной *(рис. 77)*.

Рис. 75. Фреска «Битва при Пунто Сальворе», изображающая сражение венецианского флота с флотом Фридриха Барбароссы, Спинелло Аретино, кон. XIV — нач. XV вв.

По всей видимости, третьим образцом такого рода можно признать находку подола из Таненберга (замок разрушен в 1399 г.). Это шесть длинных узких трапециевидных изогнутых полос, часто проклепанных по верхнему краю.

Наспинники подобных бригандин не сохранились, однако, скорее всего, они не отличались от наспинников панцирей предыдущего типа. Т. е. набирались они из трапециевидниых пластин, так, чтобы соответствовать приталенному силуэту доспеха и анатомически облегать спину. В данном случае эталонным можно считать изображение наспинника со статуи Св. Георгия 1370-хгг. из Праги. Нечто подобное можно наблюдать в боковом разрезе коты на надгробии Томаса герцога Савойского (изготовлено во второй половине XIV в.).[27] А также на фигуре падающего рыцаря с барельефа из Линкольнского собора *(рис. 78)*.

Тип восемь в общих чертах совпадает конструктивно с доспехами типа семь. Разница лишь в том, что передняя расстежка обусловливает наличие двухчастного нагрудника и подола. Спина, в свою очередь, прикрыта цельной основой, облицованной с боков несколькими рядами пластин в виде изогнутого параллелограмма и центральным рядом трапециевидных пластин.

Описанная конструкция многократно встречается на памятниках итальянского изобразительного искусства, как-то: фрески Альтикьерри да Дзевио со сценами жития Св. Якова «битва при Клавиго», 1370-е гг., церковь Св. Жиакомо, «Мученичество Св. Георгия», 1380-е гг., церковь Св. Георгия, Падуя, и др. Насколько можно судить по изображениям наспинников на указанных памятниках, лопаточная часть обычно формировалась одной крупной монолитной пластиной. Это подтверждается несколькими археологическими находками. Один наспинник Т-образной формы был найден на Халкисе. Он имеет две прямые аналогии с территории Польши[28] *(рис. 79)*.

Рис. 76. Передняя часть кирасовидной бригандины, 1360-1400 гг., Баварский национальный музей. Мюнхен

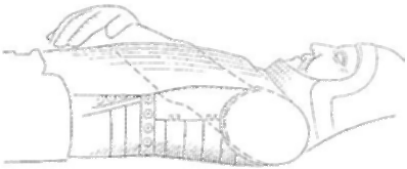
Рис. 77. Нагрудник бригандины, 1360-1400 гг. из монастыря Св. Лазаря. Венеция

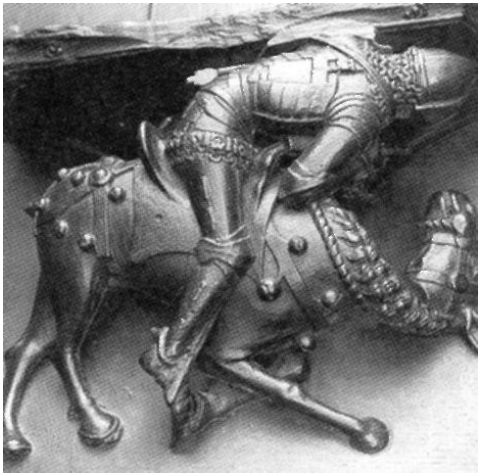
Наспинник из Музея армии Парижа имеет форму прямоугольника с вогнутыми боковыми сторонами. Как правило, все наспинники имеют прокованные анатомические впадины между лопаток. Часть наспинников соотносятся с полукирасами нагрудников. Так, наспинник из Парижа сопровождается комплектным нагрудником. Кроме того, комплектный двухчастный нагрудник был найден в Халкисе (изначально в Этнографическом музее Афин). Еще одна правая половина нагрудника также происходит с Халкиса.[29] Она отличается наличием наклепанного бортика вдоль проймы, что позволяет сравнить её с монолитным нагрудником из монастыря Св. Лазаря.*

Все нагрудники имеют характерную черту в виде смещенного вертикального ряда заклепок вдоль бокового среза правой половины нагрудника. Заклепки отстоят приблизительно на 25-35 мм от края. В то же время левая часть нагрудника проклепана непосредственно вдоль края. Видимо, это было связано со стремлением к максимально аккуратному совмещению частей нагрудника при застегивании. Т. е. правая половина панциря примерно на три сантиметра выходила из-под несущей основы, тогда как левая была полностью скрыта. Когда доспех запахивался, пластины уходили внахлест (правая часть под левую), а матерчатая покрышка соединялась в стык на одном уровне, образуя аккуратный шов.

Родственные бригандины седьмого и восьмого типов имели различную историю. Кирасовидные бригандины исчезли в начале XV столетия, вытесненные более совершенными и подходящими к изменившимся условиям битвы в позднее средневековье «белыми» латами. Бригандины с застежкой на груди, эволюционируя, про-

* Еще один нагрудник с Халкиса (полукираса) судя по размерам и форме с прямым верхним срезом, а также клеймам, предположительно принадлежащим мастерской А. Миссалья, относится к концу XV в., а значит, не попадает в рамки данной работы.





Рис, 78, 78а, 78б. Надгробие Томаса, герцога Савойского; Барельеф из Линикольнского собора, конец XIV в.

существовали вплоть до начала XVI в., находясь в сфере употребления как пехоты, так и конницы.

В Азове на территории генуэзской колонии в слое XIV в. были обнаружены остатки бригандины, которую можно отнести к обособленному типу (тип девять в рамках данной классификации). Условно её можно охарактеризовать как «переделочный» доспех (на манер переделочных ружей из кремниевых в капсюльные середины X I X столетия). Данный экземпляр сочетает в единой конструкции черты доспехов двух разных периодов — первой половины или середины и конца XIV в. Верх панциря имеет конструкцию, характерную для второй половины XIII — середины XIV в., аналогичную бригандинам из Визби (тип 1 по Тордеману) с запахом на спине. При этом задний клапан, видимо, полностью бронирован, в отличие от готландских образцов. В нижней части доспех дополнен, несомненно, позднейшим дополнением в виде подола из серии узких трапециевидных полос. Что идентично подолам кирасовидных бригандин из Мюнхена и Танненберга. Таким образом, в единой конструкции сочетаются летали, отстоящие друг от друга примерно на треть столетия *(рис. 80)*.

Трудно сказать, насколько данный тип был распространен в Италии. Логически можно предположить, что простые солдатские доспехи могли переделываться со временем, вместо изготовления новых дорогостоящих предметов защитного снаряжения. Если это предположение верно, то подобные панцири не были редкостью, особенно в отдаленных колониях. Во всяком случае, в Азове было найдено ещё несколько наборов панцирных пластин, которые по мере изучения и публикации могут дать новый материал для изучения данного вопроса.

Следующим видом защиты корпуса является доспех *гомогенной, или латной конструкции, т. е.. кираса.* Иррегулярные попытки усилить защиту груди посредством крупной монолитной пластины предпринимались, предположительно, с начала XIII в.[30] Однако низкое качество листовой стали не позволяло данной манере найти широкое применение. Во второй половине XIII — начале X I V в. такие примеры также известны, и, как правило, связаны (как и ранее) с турнирной практикой. Материа-

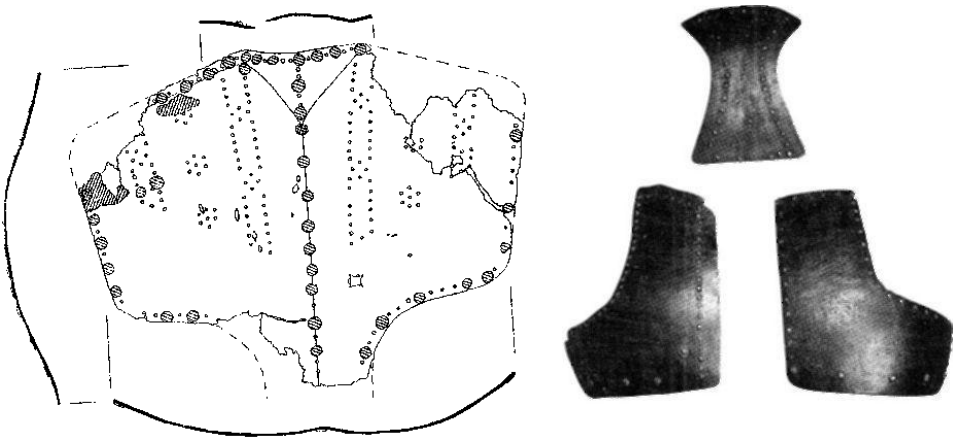


Рис. 79, 79а. Наспинник бригандины, предположительно итальянского происхождения, 1360-1400 гг., найден у замка Малая Нежавка, Польша; Двучастный нагрудник и монолитный наспинник конца XIV в., Италия. Собрания Парижского музея армии

лом для изготовления чаще всего служила вываренная кожа.[31]

В Италии кираса в общепринятом понимании известна раньше, чем где бы то ни было в Европе. Изначально это был нагрудник, который фиксировался поверх кольчуги на спине посредством перекрещенных ремней, а также поясничного ремня. Появился он, предположительно, не позднее конца 1360-х гг. Во всяком случае, на чеканных панелях работы Леонардо ди Сан Джованни 1367-1371 гг. с житием св. Якова из собора Пистойи изображены несколько вполне развитых нагрудников характерных для Италии очертаний. Нагрудник мог сопровождаться подолом ламинарной конструкции на боковых шарнирах и несущих изнаночных ремнях, к которым приклепывались внутренние края пластин. Нахлест пластин подола, как и у бригандин, шел снизу вверх. В качестве аналогии рассмотрим статую св. Георгия 1372-1374гг. из Базельского собора.[32] Данный нагрудник отличается наличием выраженной медиальной грани, а также ламинарного подола из шести полое *(рис. 81)*. Специфической итальянской чертой была защита паха в виде треугольного выступа в центре подола, также ламинарной конструкции. Доспехи с подобным элементом конструкции встречаются даже на восточноевропейских изобразительных памятниках, как, например, на миниатюрах 1390-1410 гг. Библии Вацлава IV, Чехия, *(рис. 82)* Уверенно можно предполагать, что данные образцы были результатом итальянского экспорта.

Наиболее ранние вещественные образцы нагрудников относятся к 1380-1390-мгг. Два известных экземпляра хранятся в арсенале замка Курбург*. Первый образец — это монолитная выпуклая пластина, доходящая до уровня талии. Края горловины и проймы отвальцованы наружу. На правой стороне имеются два отверстия для крепления фокра. Под горловиной установлена V-образная стальная планка квадратного

* Курбург — замок в Южном Тироле, владение семейства фон Матчей. Крупнейший арсенал Средневекового оружия в частном владении. Одно из самых больших хранилищ защитного вооружения XIV в., преимущественно итальянского происхождения. Особую ценность собранию придает его историческое формирование, в отличие от большинства современных коллекций.

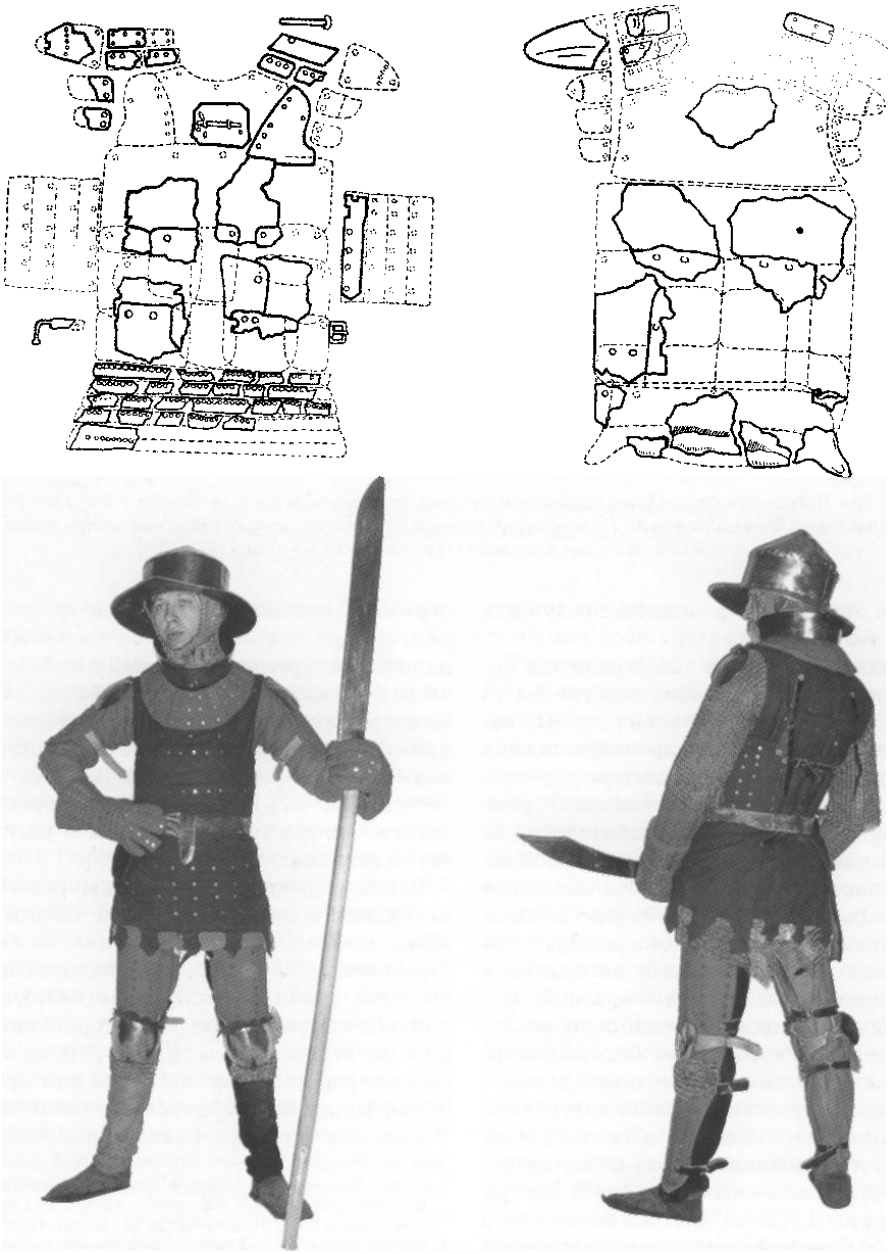


Рис. 80, 80а, 80б. Находка бригандины в Азове. Пластины приведены по М. В. Горелику; реконструкция бригандины из Азова (ВИК «Россомаха», г. Ижевск, Межрегиональное историко-культурное обьединение «Меченосец»)

сечения, направленная острием вниз. Она служила для отражения укола, скользящего вверх по гладкой стальной поверхности. В англоязычной историографии за данным устройством закрепился устойчивый термин «стоп-риб» *(рис. 83).* Второй экземпляр — это уникальная наборная кираса, которая состоит из девяти выпуклых подпрямоугольных пластин, ориентированных вертикально, зафиксированных с небольшим взаимным нахлестом поверх кожаной основы посредством заклепок. Грудь закрыта спереди тремя пластинами: одной центральной широкой и двумя боковыми — более узкими. Центральная пластина имеет неглубокую горловину. Под ней также имеется стоп-риб (lisier d'aret — фр.). На боковых пластинах вырезаны проймы. На правой установлен сохранившийся до наших дней фокр. Все пластины по периметру окаймлены полосами бронзы, на которых имеются декоративные гравированные надписи, что соотносится с декорировкой на забрале шлема. Данная кираса не имеет вещественных аналогов, но, судя по сопровождающим её латным перчаткам, наручам и бацинету (его принадлежность данному гарнитуру, правда, дискуссионна[33]), датировать её можно 1380-1390 гг.[34] (датировка, впрочем, также в последние годы сдвигалась до 1361-1366 гг., видимо, без достаточных на то оснований)* *(рис. 84).* Косвенным аналогом приведенного образца можно признать изображение кирасы на надгробии Конрада фон Бикенбаха из Грубингена, умершего в 1393 г., где имеются схожие накладки на поверхности, что позволяет предположить наборную конструкцию. Отличает кирасу наличие центральной полосы (накладки?) с медиальной гранью** *(рис. 85).*

Рис.81. Св. Георгий, статуя из Бамбергского собора

Рис. 82. Миниатюра Библии короля Чехии Вацлава IV, 1390-1410 гг. (по Вагнеру)

* М. Скалини в своей работе 1996г. по арсеналу Курбурга соотносит изготовление доспеха (CH S13) со свадьбой его владельца Ульриха IV фон Матч, имевшей место в 1366г., никак не обосновывая свою позицию.

** Надгробие Конрада фон Бикенбаха вообще весьма примечательно. В комплекте с кирасой изображены кольчужные набедренники и латные перчатки «песочные часы» с кольчужными пальцами. Все описанные элементы встречаются крайне редко.

Рис. 83. Нагрудник 1380-1390 гг.. собрание замка Курбург

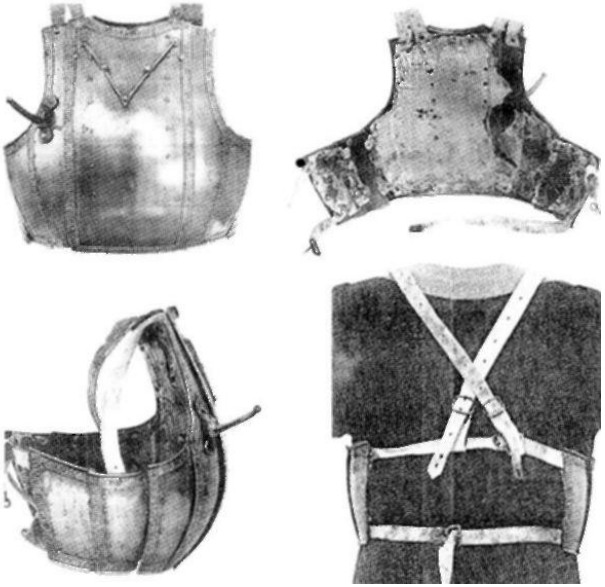


Рис. 84, 84а, 84б, 84в. Сегментный нагрудник 1380-1390 гг.. собрание замки Курбург

Необычный нагрудник хранится в коллекции музея замка Сан-Анжело в Риме. Особенность его состоит в наличии выраженного горизонтального гребня (или высокого ребра) в центре. Горловина, проймы и низ нагрудника окаймлены широкими бортиками. Боковины практически прямые, что также необычно для итальянских образцов. В историографии данный предмет датируется обычно 1380-ми гг., что, скорее всего, справедливо[35] *(рис. 86)*. В самом деле, для более позднего времени данный экземпляр слишком архаичен и вообще не имеет аналогов. Наличие же отверстий для монтажа наспинных ремней позволяет почти однозначно сместить датировку нагрудника до XIV в. Характерный Х-образный силуэт наводит на мысль о последней четверти столетия.

Полноценная кираса с наспинником, по всей видимости, появилась впервые в Италии в период 1380-1400 гг. Всеевропейское распространение она получила в 1400-1410 гг. Первые вещественные образцы относятся к 1420-м гг. и принадлежат к образцам «ранней итальянской готики» (т. е. готического доспеха с составной конструкцией нагрудника и наспинника), если подобный термин вообще правомочно употреблять. Наиболее ранние изображения наспинников восходят к 1380-1400 гг. Они представляют значительную редкость. В качестве примера можно привести миниатюры итальянского иллюминированного манускрипта (Национальная библиотека Парижа), где изображены наспинники с прокованной впадиной между лопаток *(рис.87)*. Другое изображение имеется на статуе из Museo Civico Medievale в Болонье и датируется 1403 г.[36]

На основе анализа изображений и имеющихся вещественных образцов, а также родственных бригандин с монолитным нагрудником, можно выявить некоторые характерные особенности итальянских кирас, которые просуществовали, не изменяясь в общих чертах, до XVI в. ОСНОВНОЙ отличительной чертой следует признать

геометрические очертания нагрудника. Его верхняя часть была уплощенной, а максимальная степень выпуклости приходилась на нижнюю половину. Как правило, собственно итальянские кирасы редко снабжались медиальной гранью, хотя на экспорт могли производится и ребреные кирасы. Это видно на примере германской статуи св. Георгия из Базеля, на которой изображен легкоузнаваемый итальянский доспех. Кираса при этом, имея итальянские очертания, снабжена гранью. Ещё одна, предположительно привозная, кираса с гранью представлена на хрестоматийно известном надгробии Вальтера фон Гогенклингена, погибшего при Земпахе, 1386 г. Употреблялись граненые кирасы и непосредственно в Италии. Такой вывод можно сделать на основе изучения чеканных панелей с житием св. Якова из Пистойи (см. выше). Сугубо итальянским изобретением стал V-образный стоп-риб под горловиной нагрудника. Общим интернациональным моментом для кирас вообще стало наличие наружной вальцовки или бортика по горловине и проймам, что препятствовало соскальзыванию укола, а также увеличивало жесткость всей конструкции. Вальцовка имела в XIV в. полукруглый профиль и была полой. Возможно, края лат по аналогии с наручами и поножами могли завальцовывать поверх проволоки.

Необычная кираса, происхождение которой предположительно может быть связано с Италией, изображена на надгробии Бурхарда фон Штайнберга, 1379 г., из Хильдесхайма. В комплекте с обычным для Германии набором защитного вооружения представлена так называемая «мускульная» кираса, *(рис.88)* Она очень похожа на античные образцы, а также на их ренессансные реплики миланской работы, столь популярные в Европе в XVI в. Данное изображение позволяет предположить более ранние истоки данной традиции в итальянском оружейном производстве. К сожалению, надгробие не позволяет судить о наличие или отсутствии наспинника.

Рис.85. Надгробие Конрада фон Бикенбаха, 1393 г.

Рис. 86. Нагрудник 1380 гг. из замка Сан-Анжело, Рим

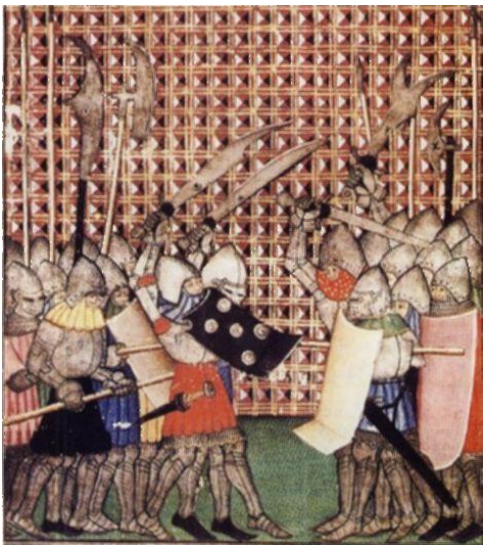


Рис. 87. Миниатюра 1380-1400-х гг.. Италия, Франция, изображено типичное итальянское снаряжение конца XIV в. (по М. Петару. 1979)

В XIV в. началось обособление специализированного турнирного снаряжения. И если первым турнирным шлемом стал топ-хельм, то первым турнирным доспехом стала кираса, или, точнее, нагрудник. Упоминания данных защитных средств встречаются уже в 1337-1341 гг., например, в описи доспехов Эдуарда III Плантагенета, выполненной Жераром де Турней. В ней содержится запись о нескольких «Poitrines pur les Justes» — нагрудниках для джостра, т. е. копейной сшибки. «Brustplate pur Justes» упоминается в описи арсенала Дуврского замка 1361 г.[37] Никаких свидетельств о конструкции, материале и внешнем виде данных доспехов мы не имеем. Возможно предположить, что они были аналогичны экземпляру из собрания Арсенала Государственного Эрмитажа[38] *(рис. 89)*. Приведенный экземпляр, по-видимому, является самым ранним предметом турнирного доспеха, дошедшим до современности. Датировать его можно на основании плавного приталенного силуэта, который совпадает с неповторимым силуэтом светского платья и доспеха 1350-1370 гг. Кроме того, наличие кольца предполагает пристегивание шлема или меча на цепи, чего мы не встречаем в более поздний период. Массивный фокр, без сомнений, является дополнением XV столетия.

Турнирная принадлежность рассматриваемого нагрудника не вызывает сомнений. На это указывает прежде всего отсутствие бортиков или вальцовок на проймах, что было немыслимо для боевого доспеха, но вполне приемлемо для турнирного атрибута. Ведь конное состязание XIV в. уже предполагало наличие коронели* на копье, которое физически не могло соскользнуть с поверхности доспеха и нанести проникающее ранение, так как не имело острия и было слишком широким. Кроме того, нагрудник слишком длинен, что не-

* Коронель — специальный турнирный наконечник, выполненный в виде трех или четырех расходящихся выступов.

позволительно сковало бы подвижность корпуса, будь это боевой доспех. Глубина его слишком мала — он закрывает корпус только спереди, оставляя бока открытыми. Следовательно, нагрудник не может быть боевым, и совокупность признаков заставляет отнести его к сфере турнирного применения.

На основании рассмотренного материала приходится сделать вывод, что ранняя история кирас в значительной мере неясна и требует дополнительного накопления информации. В отличие от бригандин, изобразительный и вещественный материал слишком скуден и не позволяет составить классификации даже в усеченном виде. В лучшем случае удается выявить общие национальные признаки, прослеживающиеся, впрочем, и на примере некоторых бригандин. Представляется возможным выделить в общих чертах несколько разновидностей, которые могут послужить базой для выделения типов по мере накопления новой информации. Во-первых, монолитные нагрудники с гладкой поверхностью, а также родственные им нагрудники с медиальным ребром. Во-вторых, составные нагрудники. В-третьих, кирасы с наспинниками. В-четвертых, турнирные нагрудники. Необычное изображение мускульной кирасы Бурхарда фон Штайнберга вряд ли стоит принимать в расчет: по всей вероятности, она так и останется уникальным для своего времени свидетельством.

Корпусной доспех всегда надевался поверх стеганой куртки — акетона, о котором уже было сказано выше. Как и в Западной Европе, акетон в Италии, видимо, повторял силуэт и покрой обычного гражданского платья. Следовательно, в первой трети XIV в. мы имеем дело с неприталенными туниками длиной до колен и ниже. В 1340-хгг. акетон, следуя общим модным тенденциям, должен был несколько укоротиться, приблизительно до середины — нижней трети голени. В это время входит во всеобщий оборот одежда с медиальной расстежкой на пуговицах, что не могло не отразиться и на поддоспешной одежде.

Рис. 88. Надгробие Бурхарда фон Штайнберга, 1379 г.

Рис. 89. Турнирный нагрудник, Италия, конец XIV в., фокр относится к XV в. Собрание Государственного Эрмитажа, С.-Петербург

Рис. 90. Резная деревянная статуя св. Георгия работы Жака де Берзе. 1390 гг., Бургундия, музей изящных искусств в Дижоне

В 1350-х гг. акетон приобретает приталенный силуэт, а в 1360-хгг., вероятно, начинает выкраиваться на манер модного в те годы платья — «пурпуана» с «дутой» грудью, зауженной талией и чрезвычайно широкими проймами, куда рукав сажался посредством нескольких клиньев.

Поверх доспеха, как неоднократно отмечалось выше, надевалась матерчатое сюрко. Его главная функция была геральдической. Знаки, изображенные на сюрко, служили опознавательным знаком в бою. В эпоху, когда основным видом доспеха была бригандина с внешней мягкой основой, сюрко стало выполнять функцию предохранения ее от повреждения. Для максимальной безопасности основы сюрко стали выполнять в виде стеганной куртки. Хрестоматийными примерами являются сюрко Черного Принца в Кентербери и Карла VI в Шартре. Причем образец, принадлежавший дофину, выполнен как длиннорукавная куртка с расстежкой на пуговицах. Рукава слишком широки, чтобы надевать наручи поверх них. Следовательно, их носили под рукавами сюрко, что неоднократно продемонстрировано на многочисленных памятниках искусства *(рис. 90)*. С введением монолитных нагрудников и кирас, их стали, как правило, надевать поверх подобных налатных одеяний *(рис. 91)*. Исходя из вышеизложенного, полную защиту корпуса воина можно описать следующим образом: акетон, кольчуга, бригандина, стеганое сюрко, или кираса поверх сюрко, вместо бригандины.

Защита ног. Как писал Клод Блэр о европейских прикрытиях ног XIV в.: «Развитие доспехов для ног в период с 1330 по 1410 гг. следовало, в основном, единой магистральной линии».[39] В полной мере это положение можно проследить на примере итальянского защитного вооружения. Направление в эволюции защиты ног было направлено на создание монолитных стальных протекторов, анатомически пригнанных и соединенных в единую систему посредством шарниров.

Рис. 91. Надгробие Вольтера фон Хохенклигена, 1386 г.

Рис. 92. Водолей, вторая половина XIV в., собрание музея Бирджелло. Флоренция

Всего можно выделить три значительные группы защиты ног: во-первых, гибкие, во-вторых, жесткие наборные, в-третьих, монолитные приспособления. К первой группе, разумеется, относятся кольчужные чулки и стеганые протекторы, которые, как правило, использовались в качестве набедренников. Вторая группа включает различные шинные и бригандинные конструкции. Третья, соответственно, — латные защитные устройства.

Кольчужные чулки являются самой древней и самой долгоживущей конструкцией для прикрытия ног в эпоху Средневековья.[40] При этом в Италии как самостоятельная защита в конце XIII — начале XIV вв. они практически исчезают. Известны несколько бронзовых водолеев второй половины XIII столетия в виде фигур рыцарей. На них изображаются кольчужные чулки в комплекте с наколенниками, как, например, на водолее из музея Барджело во Флоренции *(рис. 92)*. Кроме того, подобные чулки, закрывающие ногу до колена, изображены в Кодексе Балдуина Трирского. Отметим, что изображения не дают возможности точно судить о длине чулок. Вполне вероятно, что они могли продолжаться и выше колена, что не прослеживается из-за наличия коты или длинного акетона.

Поверх кольчужных чулок во второй половине XIII — первой трети XIV столетий часто носили поножи различных конструкций. Начнем с *набедренников*. Наиболее примитивным, дешевым и доступным на раннем этапе был стеганый набедренник. Лучшие его изображения представлены на миниатюрах Библии Мациевского 1250 гг. *(рис. 93)*.

Рис. 93. Миниатюра Библии Мациевского, 1250-е гг.

Рис. 94. Фреска (фрагмент), 1280-1290 гг. «Зал Данте», городской музей Сан-Джиминьяно

Итальянское военное дело раньше других массово восприняло защитные приспособления гомогенной конструкции для прикрытия конечностей. Самыми ранними примерами такого рода стали набедренники из вываренной кожи, которые опознаются на изображениях по тисненому растительному орнаменту. Они употреблялись в комплекте с такими же наколенниками и наголенниками. Такие конструкции известны по фрескам 1280-1290-х гг. в «Зале Данте» из Городского музея в Сан-Джиминьяно *(рис. 94)*. Другое изображение — приведенный выше барельеф с гробницы Гульельмо ди Берадиа 1289 г. из Флоренции.

Введение специальных набедренных щитков жесткой конструкции было связано с распространением колющего оружия, причем не в последнюю очередь специфических пехотных приспособлений, наподобие алебарды. От традиционных для развитого Средневековья наступательных средств эффективную защиту обеспечивали длинные подолы кольчуг. Причем ещё в начале XIV в. мы видим действие данной традиции. Орудия поражения колющей направленности уверенно повреждали кольчужную защиту. Кроме того, укол, направленный снизу вверх (должно быть, весьма распространенный при бое пехоты против конницы), мог легко поддеть свободно висящий подол и поразить бедро. Ранение в эту область весьма болезненно. Разрыв же

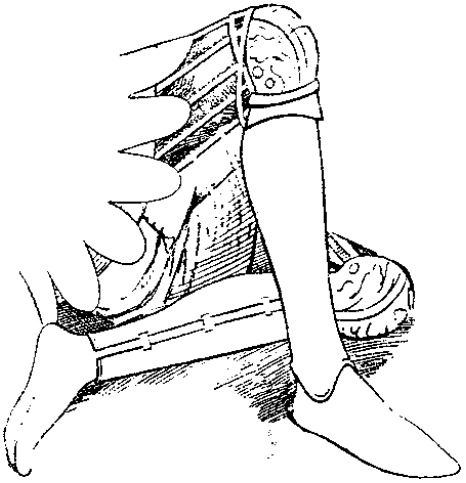


Рис.95. «Распятие» (фрагмент) Витале ди Болонья, 1350-1355 гг. Коллекция Тиссена, Швейцария

бедренной артерии даже в условиях современной полевой медицины оставляет очень мало шансов выжить, не говоря уж о Средневековье. Вероятно, совокупность описанных условий послужила причиной для массового введения самостоятельной бедренной защиты.

Наборные набедренники представлены в Италии *бригандинными* и *шинными* конструкциями. Они появляются приблизительно в 1320-1330 гг. Ко второй половине 1330-х — началу 1340-х гг. бригандинные и шинные протекторы превращаются в одни из наиболее распространенных. Конструктивно они были весьма схожи. Набор формировался вертикально расположенными полосами, зафиксированными поверх несущей основы или под ней посредством заклепок. Пластины могли укладываться встык или внахлест, для усиления защитных свойств. Насколько известно по изобразительным свидетельствам, шинные конструкции выполнялись исключительно набором встык. Известны

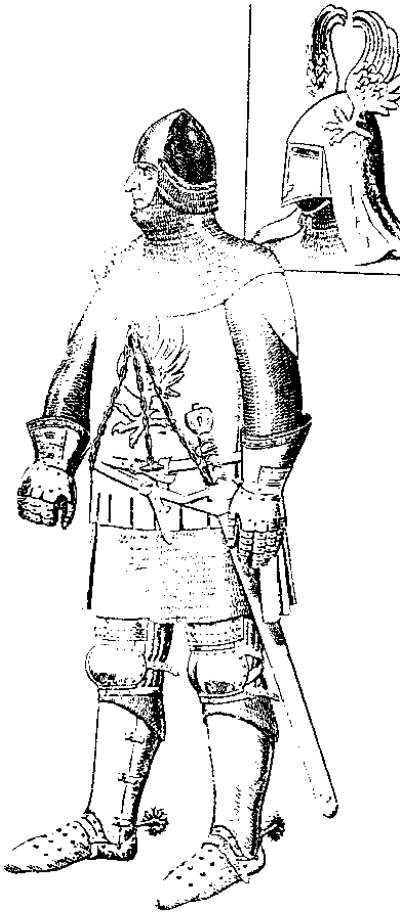


Рис. 96. Надгробие Коллаччио Беккаделли, 1341 г. (монумент изготовлен в 1350 гг.) из Баньякавалльо, близ Имолы. Прив. по Л. Д. Боччиа 1973 г. Реконструкция надгробия Е. Т. Коэльо

две основные разновидности: полные набедренники, закрывавшие ногу со всех сторон, наподобие трубы, а также трехсторонние, которые распространяли защиту спереди и с боков. Первый вариант (шинная конструкция) наилучшим образом представлен на «Распятии» Витале ди Болонья 1350-1355 гг. (коллекция Тиссена, Швейцария) *(рис. 95).* Также можно привести надгробие Николо Аччиаюолли старшего

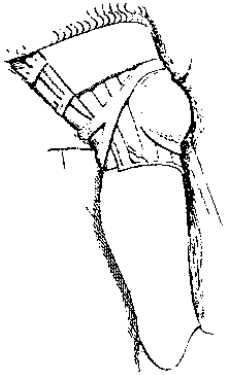


Рис. 97. Аллегория Марса. Барельеф (фрагмент) из Часовой башни Флорентийского собора 1340-1343 гг.

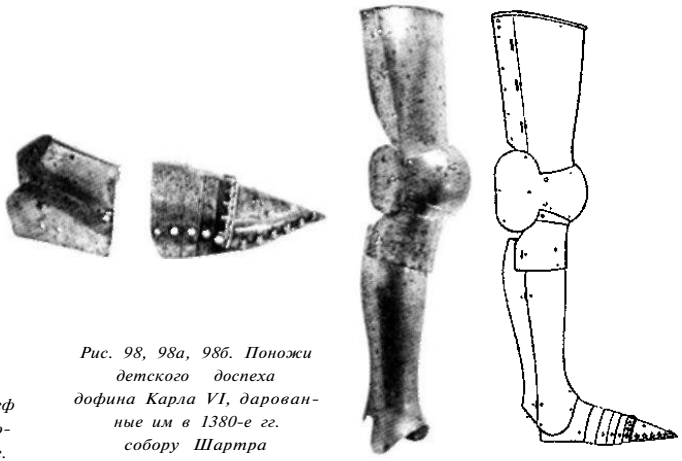


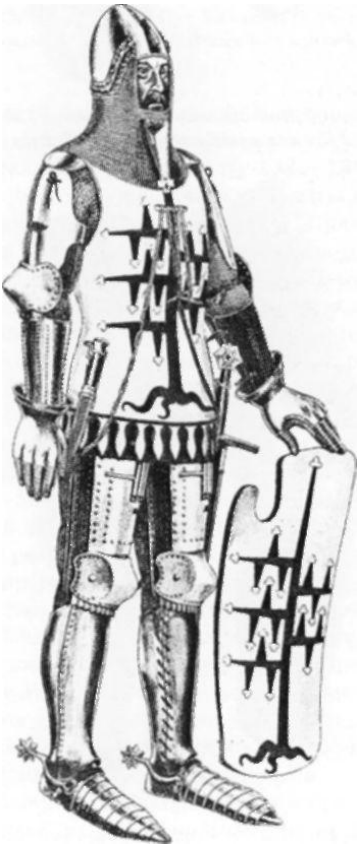
Рис. 98, 98а, 98б. Поножи детского доспеха дофина Карла VI, дарованные им в 1380-е гг. собору Шартра

(см. выше). Трехсторонние бригандинные набедренники иллюстрируются конным надгробным барельефом 1341 г. Колаччио Беккаделли из Имолы *(рис. 96)*. В Италии шинные и бригандинные набедренники просуществовали до 1350-1360-х гг. Свидетельства такого рода на вторую половину XIV в. практически на встречаются.

Стальные набедренные латы в Италии были введены в оборот в 1320-х гг. Наиболее подробным свидетельством является барельеф с аллегорическим изображением Марса в Часовой башне Флорентийского собора 1340-1343 гг. *(рис.97)*. Ранние латные набедренники имели вид трапециевидного или прямоугольного щитка полуцилиндрического сечения. Впоследствии их геометрические очертания значительно усложнились, что было связано с тотальным переходом итальянского вооружения к латным защитным конструкциям. В 1350-1360-х гг. появились более сложные анатомические набедренники. Они расширялись в верхней части, сужались в центральной. По верхнему краю шла отвальцовка, исполнявшая функции стоприба, предотвращавшая соскальзывание укола по гладкой поверхности набедренника. Данная разновидность набедренников соединялась с наколенниками посредством шарниров. И если изначально они могли сопровождаться обычными коробчатыми наколенниками, не соединенными с ними, то впоследствии шарнирное крепление стало правилом. Для удобства сочетания набедренники и наколенника их стали соединять через одну или две переходные пластины. Набедренник, не имевший переходных пластин к наколеннику, в нижней части, кат; правило, расширялся, образуя над коленом выраженный выступ. Яркой иллюстрацией такой конструкции служат латы короля Карла VI Валуа из собора в Шартре (ныне городской музей Шартра). Они относятся к 1380-м гг. *(рис.98)*. Внешняя сторона набедренника заходит на ногу дальше, чем внутренняя. Причем расширение это оформлено в виде плоского участка, отделенного от остальной поверхности набедренника выраженно вертикальной гранью. Эта характерная черта, несомненно, указывает на итальянское происхождение поножей. Она появляется в данном регионе в 1360-х гг. В этой связи наиболее информативным свидетельством является надгробие Галеотто Маласпина 1367г. из Фосдинуово *(рис. 99)*. Скульптурное изображение представляет латы, почти идентичные шартрским. Отличие лишь в архаичном коробчатом наколеннике, представленном на надгробии. Несколько более простые набедренники полуцилиндричес-

Рис. 99. Надгробие Галеотто Маласпина 1367 г. из Фосдинуово; 99а — реконструкция надгробия Галеотто Маласпина

кого сечения (без уплощенного расширения в наружной части) хранятся в замке Курбург *(рис. 100)*. Они также сочетаются с наколенниками посредством выраженного расширения в нижней части. Другой экземпляр, также из Курбурга, отличается невыраженными анатомическими очертаниями (это почти прямоугольный щиток), а также наколенниками с чрезвычайно длинной нижней переходной пластиной. *(рис. 101)*



Описанные выше набедренники были одностворчатыми. В 1360-х гг. появляются двустворчатые конструкции, снабженные задней крышкой. Створка крепилась к передней части посредством петель в наружной части и ремней на внутренней. Изначально створка полностью охватывала бедро, смыкаясь с фронтальным протектором снаружи и изнутри. Подобная конструкция подробно изображена на надгробии флорентийского рыцаря Николо Аччиаюолли Младшего, 1365 г. Нечто схожее представлено на чеканных панелях с житием св. Якова работы Леонардо ди Сан Джованни 1367-1371 гг. (см. выше). К концу XIV — началу XV вв. глухая задняя створка вышла из употребления. Несомненно, это было связано с удобством верховой езды, а подобные латы были атрибутом всадников по преимуществу. Ведь

Рис. 100. Набедренник и наколенник 1380-1400-х гг. из собрания замка Курбург

Рис. 101. Набедренник и наколенник 1380-1400-х гг. из собрания замка Курбург

в седле наездник держится посредством шлюза (внутренней поверхности бедра). Т. е. в защите она не нуждается, и наличие стальной пластины должно только мешать. Все створчатые набедренники более позднего периода закрывают заднюю часть бедра только наполовину, там, где она не прилегает к седлу.

Наколенник явился первым латным элементом защитного вооружения, кроме шлема, принятым на вооружение в эпоху развитого Средневековья. Таким образом, его можно признать провозвестником века пластинчатого доспеха.

Наколенники подразделяются на две основные группы. Первая — чашкообразные «малые» наколенники, которые закрывали сустав только спереди. Вторая — коробчатые наколенники, закрывавшие колено стрех сторон.

Первая группа появилась в середине XIII в. и просуществовала до 1350-х гг. Изначально такие наколенники имели форму небольшой полусферической чашки. Материалом для её изготовления не обязательно выступал металл. Имеется ряд изображений наколенников из вываренной кожи (надгробие Гульельмо ди Берадиа и роспись из Сан-Джиминьяно см. выше). В 1280-1290-х гг. появились и более развитые наколенники конической формы, как изображено на городской печати Феррары. *(рис. 102)*. К 1320-м гг. чашкообразные наколенники значительно увеличились и стали заходить на колено и с боков, хотя и не прикрывали его полностью. Прекрасные примеры такого рода можно видеть на изображении Гвидориччи да Фольяна 1328 г. с триумфальной фрески кисти Симона Мартини из Палаццо Публика в Сиене; на фресках «Жития Св. Сильвестра», 1340 гг. работы Масо ди Банке в церкви Святого Креста во Флоренции; аллегорическом барельефе Марса, также из Флоренции (см. выше); и, наконец, одно из наиболее поздних свидетельств, св. Георгий, 1350 г. работы Витале ди Болонья из пинакотеки Болоньи *(рис. 103)*.

Коробчатые наколенники появились в 1270-1280-х гг. С самого начала это были

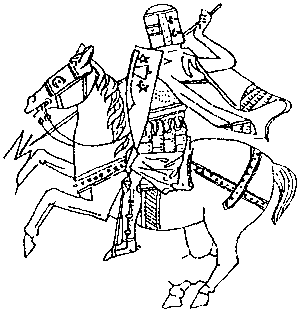


Рис. 102. Городская печать Феррары 1280-1290 гг.

Рис.103. Св. Георгий, Витале ди Болонья, 1350-е гг., Пинакотека Болоньи

Рис. 104. Наколенник, конец XIII — начало XIV вв., собрание Парижского музея армии

крупные и надежные приспособления, закрывавшие колено и частично основание голени и низ бедра. Подобные крупные наколенники были чрезвычайно актуальны в эпоху преимущественного использования кольчуги, которая неудовлетворительно защищала суставы от тяжелого оружия. Ряд изображений, как, например, на водолее из музея Барджелло (см. выше), подтверждается наличием подобного наколенника в Музее армии Парижа (*рис. 104).* Крупные наколенники встречаются и в XIV столетии, когда на смену кольчуге пришли пластинчатые доспехи. На барельефах с «Житием Св. Виктора» 1325 (Августино ди Джованни или Анжело ди Вентура?) из собора Вольтерры, фресках 1325-1330-х гг. из церкви Сан-Ремио, во Флоренции, на надгробии Колаччпо Беккаделли (см. выше), надгробии Пачино Перуччи 1342 г. из Луки и др. изображено множество подобных устройств. Отметим интересные черты на наколенниках с фресок церкви Св. Ремио *(рис. 133).* А именно, это одни из наиболее ранних изображений так называемых «боковых крыльев», которые продолжали защиту наколенника с наружной стороны, прикрывая подколенную впадину от боковых ударов. В данном случае они еще относительно неразвиты, что не удивительно, учитывая дату 1325-1330гг. В широком ходу подобные элементы конструкции появились не ранее 1350-х гг. Другая необычная деталь отмечена на наколенниках с надгробия Пачино Перуччи. На них изображены усиливающие полосы, закрепленные на поверхности посредством заклепок — уникальная деталь, крайне редко встречающаяся в искусстве. Одним из наиболее поздних свидетельств использования классического коробчатого наколенника в Италии является надгробие Галеотто ди Маласпина 1367 г. (см. выше). Хотя в данном случае наколенник уже весьма развит и сложен геометрически. Он сформирован двумя боковыми плоскостями, которые отделены от центральной выпуклой части выраженными гранями, что перекликается с оформлением набедренника. При этом наколенник не имеет боковых крыльев и геометрически в основных чертах повторяет контуры своих коробчатых эволюционных предшественников.

Необычные наколенники изображены на надгробии Иоганна Шнирера де Гейснальсема, где они показаны набранными

Рис. 105. Надгробие рыцаря из семейства Обици, 1350- 1360-е гг.

из двух рядов крупных чешуи по три в ряду. Другой интересной особенностью, характерной для итальянского доспеха середины X I V столетия, были наколенники в виде львиных голов. Имеется представительный ряд изображений такого рода. Несколько из них упомянуты в данной работе выше в связи с другими вопросами. Вспомним барельеф одного из членов семейства Обици 1350-1360-х гг., надгробие Биордо делли Убертини из Флоренции и др. *(рис. 105)*. Отметим, что данная традиция прижилась в Англии, куда шел значительный ввоз итальянских доспехов *(рис. 106)*.

Коробчатые наколенники часто снабжались *круговой кольчужной подвеской,* которая крепилась, предположительно, к стеганным подкладкам под набедренником или непосредственно к набедренникам. Служили такие подвески для защиты верхней части голени и стыка наголенника с наколенником. Главная их функция была в прикрытии подколенной впадины. Данная традиция оказалась весьма живучей. Даже в конце XIV-XV вв., когда технической необходимости в ней уже не было, итальянские наколенники продолжали снабжаться кольчужными свесами, которые перестали быть круговыми и имели вид узких прямоугольных полотен. Эти декоративные детали достаточно надежно маркируют защитные приспособления, употреблявшиеся непосредственно в Италии.

Непосредственным результатом развития коробчатых наколенников явились шарнирные наколенники с боковыми крыльями. Они отличались от коробчатых меньшими размерами и сочетались исключительно с латными набедренниками, кроме того, они всегда снабжались переходными пластинами на шарнирных соединениях. Переходные пластины располагались со значительным взаимным перекрытием, так что когда латы находились в выпрямленном состоянии, они нередко смыкались под наколенником, образуя второй слой защиты. Относительно набедренника и наголенника переходные пластины располагались под углом, для максимально

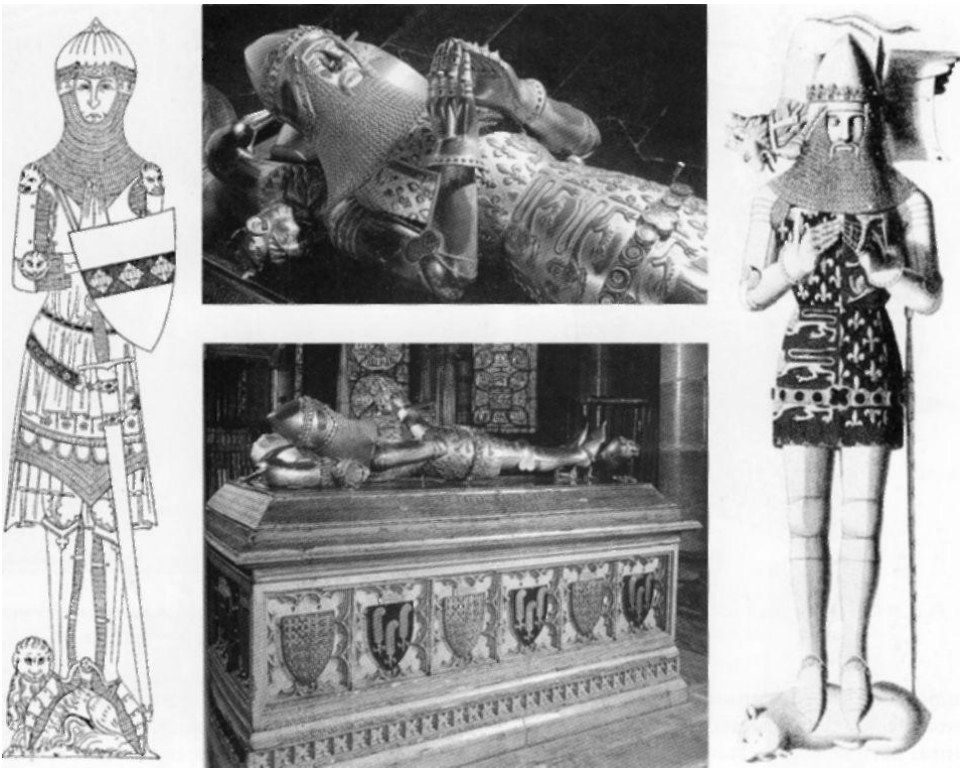


Рис. 106. Надгробие Джона де Грека, 1325-1330 гг., Кембриджшир

Рис. 107, 107а, 107б. Надгробие Эдуарда Черного Принца. 1376 г., Кентербери

точного прилегания к внутренней поверхности основной части наколенника. Таким образом, при сгибании ноги между переходными пластинами не образовывалось щелей, которые могли отрицательно сказаться на защитных свойствах. Нижняя пластина служила для соединения с наголенником, к которому она пристегивалась круговым ремнем или поворотным шкворнем. В конце XIV в. появляются наколенники с удлиненной нижней переходной пластиной, которая в три-пять раз превосходила по размерам обычные. Нож Карла VI из Шартра, в частности, демонстрирует подобную систему. Одним из лучших и подробнейших изобразительных свидетельств относительно итальянских ножных лат является надгробие Эдуарда Плантагенета, знаменитого Черного Принца, умершего в 1376 г. (*рис.107)*. В основном данные изображения совпадают с шартрским экземпляром. Отличие лишь в том, что с набедренниками наколенники соединяются через переходную пластину, а не непосредственно. Уникальный экземпляр из Курбурга (см. выше) образовывает посредством нижней пластины почти полный наголенник, закрывающий три четверти голени. Наложенные друг на друга пластины, заведенные сверху и снизу под

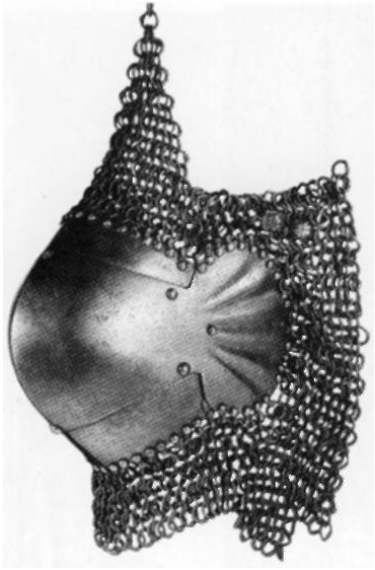


Рис. 108. Наколенник конца XIV в. Собрание Парижского музея армии

Рис. 109. Фреска «Крестный путь» работы Жакопо Жакерио, церковь Св. Антония в Турине

наколенник, соединяясь в единую систему посредством жесткого шарнирного крепления, обеспечивали наилучшую, а возможно, что и рекордную, защиту колена, даже в сравнении с крупными монолитными коробчатыми наколенниками.

Примечательный наколенник конца XIV в. итальянского происхождения хранится в собрании Музея армии Парижа. Он имеет небольшое боковое крыло и переходные пластины сверху и снизу. Необычность его в том, что традиционная кольчужная подвеска обрамляет наколенник по периметру, включая переходные пластины и боковое крыло[41] *(рис. 108).*

Защита голени в основном совпадала конструктивно с защитой бедра. Известны и латные, и наборные системы прикрытия. В Италии наибольшей популярностью пользовались монолитные наголенники. Изображения шинных или бригандинных приспособлений достаточно редки, в отличие от Германии. Наилучшие свидетельства использования шинных и бригандинных наголенников в Италии происходят с фрески, посвященной одной из битв между Гвельфами и Гиббелинами из замка Саббионара (см. выше).

Первые монолитные наголенники были одностворчатыми (schynbald или semygreav английской терминологии). Наряду с латными использовались и кожаные прикрытия, как показано на нескольких приведенных выше изображениях. Развитый анатомический двусторонний вариант кожаных наголенников появился в начале XIV в. и просуществовали до 1350-х гг. Необычайно красивое изображение происходит с грамоты вассальной присяги города Прато Роберту Анжуйскому. Не уступают им изображения наголенников на надгробиях Николо Аччиаюолли старшего (см. выше) и Бьордо делли Убертини 1358 г. из Флоренции. Заслуживает внимания изображение 1340-1350-х гг. (?) с фрески «Крестный путь» из церкви Св. Антония в Турине. Один из солдат изображен без наколенников и набедренников, что дает возможность видеть

Рис. 110. Надгробие Джованни ди Каструччио Кастракане делли Антельминеллц 1343 г. из церкви Св. Франциска в Пизе. Реконструкция надгробия Е. Т. Коэльо. Прив. по Л. Г. Боччиа 1982 г.

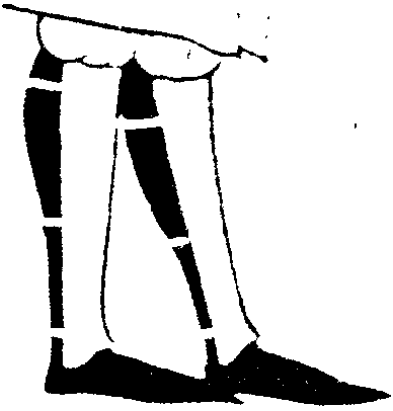


Рис. *111. Фрагмент фрески из церкви Св. Аббондио в Кома*

Рис. 112. Наголенник конца XIV в. Собрание музея Метрополитен, Нью-Йорк

все подробности конструкции и геометрии таких наголенников *(рис. 109)*.

Одностворчатые латные наголенники из стали неожиданно долго оставались в ходу: с середины XIII — по середину XIV вв. В этой связи можно вспомнить надгробия Гвидо Паллавичино 1301 г. из Фонтевиво и Джованни ди Каструччио Кастракане делли Антельминелли 1343 г. из церкви Св. Франциска в Пизе *(рис. 110)*. Кроме того, множество таких наголенников изображено на пехотинцах с фресок, отображающих «Крестный путь» и «Распятие» из церкви Сан-Аббондио в Комо 1330-1335 гг. *(рис. 111)*.

Двустворчатые наголенники появляются в Италии неожиданно рано. Упоминавшаяся выше печать города Феррары 1280-х гг. с изображением Св. Георгия, иллюстрирует относительно развитый наголенник, составленный двумя створками. Впоследствии данная конструкция закономерно превращается в основное защитное приспособление для голени. Известна масса изображений такого рода, часть из них приведена на страницах этой работы, так что останавливаться на них нет особого смысла. До наших дней дошли два наголенника XIV в. Во-первых, это единственный сохранившийся понож Карла VI из Шартра. Во-вторых, археологический экземпляр, обнаруженный около Бордо[42] (хранится в Музее Метрополитен, Нью-Йорк) (*рис. 112).* Все данные экземпляры имеют задние створки. Они анатомически повторяют контуры ноги во всех плоскостях, передняя створка имеет гипертрофированно расширенный подъем стопы, причем как в передней, так и в боковой проекции. Это было необходимо для обеспечения максимальной свободы движения стопы, которая иначе должна была неминуемо упираться в край наголенника. По бокам передняя створка опускается почти до земли, образуя над стопой арковидный вырез. Как правило, наголенник снабжался медиальной гранью. Задняя створка наголенника из Бордо снабжена в верхней части тремя отверстиями для крепления петли, в которую пропускался круговой крепежный ремень от наколенника. На шартрском наголеннике на внешнем боку имеется поворотный штифт, который соединял нижнюю переходную пластину наколенника с голенью. Данная форма наголенника, появившись во второй половине XIV в., практически не изменялась вплоть до XVI-XVII столетия, когда наголенники полностью ушли из боевого, а затем и парадного употребления.

Защита стопы была представлена латными башмаками — «сабатонами». Сабатоны изначально являлись носками кольчужных чулок. Данная традиция оказалась чрезвычайно сильна в Италии. С XIV вплоть до конца XVI в. кольчужные сабатоны, в комплекте развитых латных наголенников, выступали одной из самых узнаваемых черт итальянского доспеха.

Бригандинные сабатоны известны в Италии с 1280-х гг. о чем свидетельствует надгробие Гульельмо ди Берадиа. В середине XIV в. имели хождение и чешуйчатые сабатоны (см. надгробие рыцаря из семейства Обици). Однако наиболее распространенными оказались ламинарные сабатоны. Изначально они, по всей видимости, состояли из пластин, зафиксированных на несущей основе посредством заклепок. Впоследствии их сменили шарнирные конструкции. На настоящий момент известен только один итальянский сабатон. Это опять-таки дар Карла VI Шартрскому собору, который сохраняется в комплекте с поножем. Обычно сабатон имел фасон «пулена» — обычной гражданской туфли с острым носом. Он формирорвался основной пластиной, закрывавшей подъем стопы. Её продолжали несколько переходных пластин, не более четырех-пяти. Они, в свою очередь, заходили под крупный монолитный носок.

Надевались поножи поверх стеганого чулка, или как минимум набедренника, как показано на надгробии Колаччио Бекаделли, или на аллегорическом барельефе Марса (см. выше). Стеганые чулки, возможно относящиеся к концу XIV в., хотя, скорее всего, правильной датой можно назвать XV столетие, хранятся в Баварском национальном музее в Мюнхене. Отметим, что они снабжены кольчужными полосами на тыльной стороне колена.

Даже застегнутые на все ремни прикрытия ног, в первую очередь набедренники с наколенниками, при движении неминуемо должны были сползать вниз по ноге. Видимо, в XIV в., как и в более позднее время, набедренник пришнуровывался к акетону в районе талии. Для этого в верхней части набедренника монтировалась кожаная полоса с несколькими отверстиями (обычно два отверстия). Через эти отверстия и

осуществлялась шнуровка. Такая система хорошо известна для XV в., однако вряд ли она появилась именно тогда. Тем более, что в XIV в. уже существовали совершенно однотипные защитные конструкции. Логично предположение, что и фиксировались они аналогичным образом.

Фиксация наколенника на набедреннике посредством шарнирного соединения не вызывает вопросов. А как же крепились более примитивные наколенники? Вероятно, изначально легкие чашкообразные наколенники достаточно было просто пристегнуть ремнем с пряжкой вокруг ноги. Более крупные и тяжелые коробчатые наколенники, как показывают эксперименты с современными реконструкциями, нуждались в дополнительной фиксации. Тут мы перемещаемся в область предположений. Кроме наколенника 1270-1300-х гг. из Парижского музея армии, которые оснащено верхнему и нижнему краю петлями с кольчужными кольцами, через которые он, несомненно, приплетался или шнуровался к чулку, не имеется ни одного надежного свидетельства, проливающего свет на эту проблему. Что касается изобразительного материала, такая ситуация представляется закономерной — ведь крепление, как правило, находится на внутренней стороне доспехов и его невозможно или очень сложно отобразить. Вероятно, наколенник шнуровался к поверхности несущей основы набедренника, если это был бригандинный или шинный образец. Несущая основа набедренника должна была заходить под наколенник, опускаясь до основания голени, наподобие длинных шорт. Таким образом, наколенник фиксировался поверх мягкой основы, которая выступала из-под его нижнего края. Германские изображения в большинстве случаев демонстрируют ряд заклепок на этом участке основы, что можно трактовать как отдельную бригандинную пластину ниже наколенника. В случае с латным набедренником шнуровка могла осуществляться к стеганой подкладке. По всей видимости, шнуровка осуществлялась через крепежные ремни или через декоративные фестоны, столь часто изображаемые на надгробиях итальянских рыцарей.

Защита рук развивалась в том же направлении, что и защита ног. Все рассмотренные в предыдущем разделе конструкции нашли применение в данной области. *Защита плечевого сустава,* если вообще имела место, осуществлялась посредством монолитных пластин. Первой исходной формой, как и во всей Европе, в Италии явились подвесные диски, которые пришнуровывались к рукавам кольчуги или акетона. Эта конструкция появилась в 1250-х гг. К концу XIII в. в Италии плоские диски стали исчезать, трансформируясь в более совершенные выпуклые пластины. Материалом для изготовления мог служить металл или вываренная кожа. Изначально кожаные наплечники отличались большими размерами и глубиной по сравнению со стальными. Это было связано с недостаточной квалификацией части мастеров и дефицитом качественного сырья (листовой стали). Стальному листу было несравнимо более сложно придать значительный объем, по сравнению с кожаной заготовкой, не нарушив его прочностные характеристики. Что характерно, большинство изобразительных свидетельств, иллюстрирующих использование кожаных лат, происходит с Юга Италии, который был удален от ведущих североитальянских оружейных центров, где преимущественно изготовлялись стальные доспехи. Прекрасные изображения кожаных наплечников можно видеть на надгробии короля Неаполя Карла II Анжуйского 1309 г. (монумент изготовлен в 1330-1340 гг.) *(рис.113).* Другая иллюстрация — надгробие Томазо Вулканно 1337г. из церкви Св. Доменика в Неаполе. *(рис. 114).* Мы имеем дело с крупными выпуклыми пластинами, покрытыми тисненым растительным орнаментом, в обычной для кожаных доспехов манере.

Стальные наплечники в виде подвесных дисков для Северной Италии XIV в. были редкостью. Основная масса такого рода изображений концентрируется на Юге

Рис.113. Надгробие короля Неаполя Карло II Анжуйского. 1309 г. (монумент изготовлен в 1330-1340 гг.)

Италии, как на надгробии 1334 г. Раймунда Кабано из Неполя. Б этом регионе они просуществовали вплоть до 1350-х гг., что демонстрирует барельеф рыцаря из неаполитанского семейства Ферретти 1350-х гг. Надгробие Энрике Капиче, также из Неаполя, вообще относится к 1360 г. (*рис. 115).*

Наплечники, однотипные образцамс Визби, по всей видимости, не были распространены в Италии, являясь преимущественно заальпийским атрибутом. Напомним, что это стальные пластины полукруглой или подтреугольной формы с незначительной степенью выпуклости. Они монтировались, как правило, непосредственно на корпусном доспехе посредством металлических (возможно, что и кожаных) петель или кольчужных колец. Подобные образцы в Италии не сохранились. В рамках данной работы удалось обнаружить лишь несколько изображений такого рода. Нечто схожее можно видеть на надгробии Жерардучио Жерардини 1331 г., где наплечники имеют полукруглые очертания и отличаются незначительными размерами. Разумеется, о способе монтажа в данном случае судить невозможно.

Типичным итальянским наплечником для всего XIV столетия, начиная с 1320-х гг., стала крупная монолитная пластина, образующая практически четверть сферы, или же полусферическая. Подобные конструкции изображены на барельефах 1320-х гг. из дворца Барджелло во Флоренции, миниатюрах хроники Дованни Вилани перв. пол. XIV в., аллегорических фигур с вассальной грамоты города Прато Роберту Анжуйскому, надгробиях Иоганна Улера ди Эрган 1359 г. из Луки, Томаса герцога Савойского (монумент вт. пол. XIV в.), Джованни ди Поджио 1391 г. также из Луки, на барельефе конца XIV в. со сценами морского боя при Пунте Сальворе работы Спинелло Аретино

Рис. 114. Надгробие Томазо Вулканно 1337 г. из церкви Св.Доменика в Неаполе

Рис. 115. Надгробие рыцаря из неаполитанского семейства Ферретти 1350 гг., прив. по рекламному каталогу П. Фанера In Armis Ars, 2001

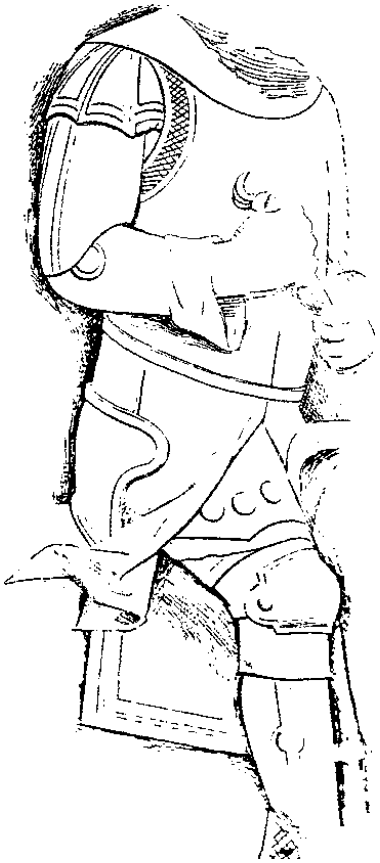


Рис. 116. Барельеф (фрагмент) 1325 гг. со сценами жития св. Виктора из собора Вольтерры

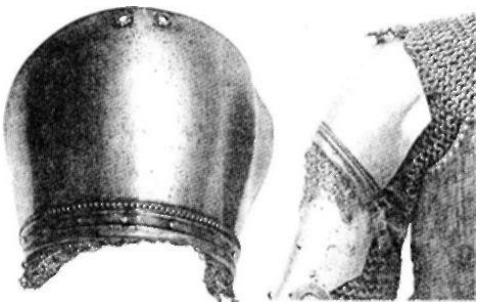


Рис. 117, 117а. Наплечник из Халкиса, конец XIV — начало XV вв.

из Палаццо Публика в Сиене. Интересный вариант представлен на барельефе 1325 гг. со сценами жития св. Виктора из собора Вольтерры. Наплечник снабжен тремя вертикальными гранями (*рис. 116).* Л. Д. Боччиа склонен трактовать изображение как наплечник из выварен ной кожи, кажется без достаточных оснований.[43] Без сомнений, монолитный наплечник из Халкиса (ныне в музее Метрополитен) начала XV вв. происходит из той же серии, хотя и отличается более совершенными очертаниями. Вверху наплечник достаточно широк, чтобы закрыть основание плеча, в нижней части он имеет выраженное сужение, для наиболее точной подгонки по руке и плечевому щитку. Описанные геометрические особенности стали обязательными для всех вариантов наплечников вплоть до XVI в. (рис.117). На данном примере прослеживается способ крепления подобных наплечников. В верхней части имеется два отверстия, посредством которых осуществлялась шнуровка к поддоспешной одежде. Сохранность шнуровки обеспечивалась бронзовыми трубками, расклепанными в монтажных отверстиях, наподобие современных люверсов.

Специфической формой наплечника, характерной для итальянского военного дела можно считать наплечник в виде львиной головы. Как правило, такие элементы защиты сочетались с аналогичными наколенниками, хотя могли употребляться и отдельно. Иллюстрацией такой манеры ношения может служить надгробие Карлуччио Вулканно 1345 г. из Неаполя (церковь Св. Доменика) (*рис. 118).*

В последней трети XIV в. В Италии начинают распространяться ламинарные наплечники шарнирного соединения. Они состояли из крупной пластины, закрывавшей собственно плечо, и серии из двух-трех переходных пластин снизу. Тогда же переживают «второе рождение» подвесные диски, которые отныне являлись вспомогательным элементом конструкции для защиты подмышки. Собственно в Италии данная разновидность не была общеприня-

той до начала XV в. При этом, по всей видимости, её производили в большом количестве на экспорт, например, для английского рынка.

Плечевые щитки в начале XIV в. также часто изготавливались из вываренной тисненой кожи. Приведенные выше надгробия с Юга Италии несут исчерпывающую информацию по этому поводу. Она ценна, тем более что соотносится с реальным вещественным образцом из собрания Royal Armouries. Он в мельчайших подробностях повторяет свидетельства надгробных монументов, лишний раз подтверждая их достоверность *(рис. 119)*.

Схожая конструкция была и у *латных плечевых щитков*. Всего можно выделить две основные группы такого рода. Первая группа — это короткие прямоугольные или трапециевидные конструкции, которые могли не доходить до налокотника, закрывая плечо не далее уровня локтевого сгиба (см. фреску «Сражение при Пунто Сальворе»). Их часто использовали в качестве защиты бицепса, сдвигая вперед по руке. Некоторые варианты даже снабжались специальными вырезами, для обеспечения свободы действия руки (см. надгробие Жерардуччио Жерардини). Вторая группа представляла более длинные латы, заходящие под налокотник, или, в ряде случаев, накрывающие его сверху (см. аллегорию Закона с вассальной грамоты города Прато). Подобные плечевые щитки в равной степени могли иметь прямоугольную форму, закрывая руку сверху (надгробие Джованни ди Поджио 1391 г.), или снабжаться выраженными выступами по бокам, которые призваны были закрывать тыльную сторону плеча (надгробие Галеотто Маласпина 1367 г.).

Шинные плечевые щитки не были широко распространены в Италии. Одним из немногих достоверных источников является надгробие рыцаря из семейства Обици 1360-1370-х гг. Другое свидетельство — это фреска из Палаццо Публика в Сиене 1370-х гг. работы Липпо Вани, представляющая битву при Синалунга 1363 г. Один из

Рис. 118. Надгробие Карлуччио Вулканно 1345 г. из Неаполя (церковь Св. Доменика)

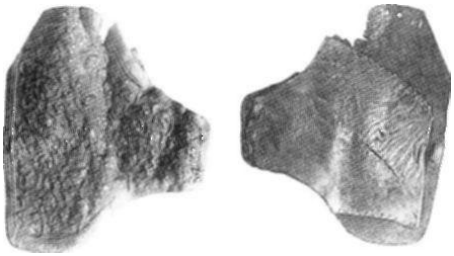


Рис.119. Плечевой щиток из вываренной кожи. Италия, первая половина XIV в. Собрание Royal Armouries

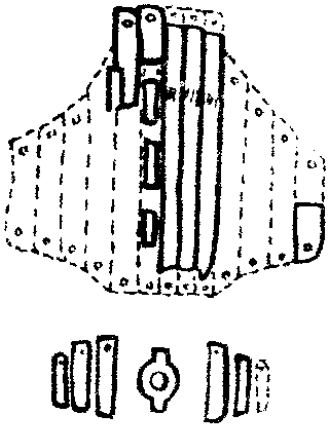


Рис. 120. Находки полного прикрытия руки (плечевой шишок бригандинный) из Азова

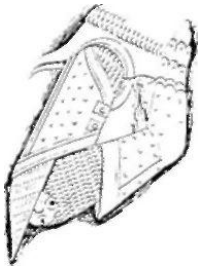


Рис. 121. Надгробие Бернардино деи Баранцони 1345-1350-х гг. из Модены (фрагмент, прикрытие руки)

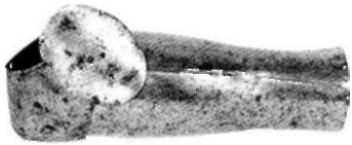


Рис. 122. Наруч и налокотник детского доспеха Карла VI из шатрского собора

рыцарей изображен в шинном защитном комплекте для рук. Плечевые щитки еа-ля антик», составленные из расширяющихся к низу шин, образующих колоколовидную конструкцию, многократно встречаются среди памятников итальянского искусства. Ближайшей аналогией выступают многочисленные византийские, а также русские изображения. Трудно сказать, имеем ли мы дело с изобразительной традицией, которая восходит к античному канону, или с реальностью. Видимо, в определенной степени такие защитные приспособления все же имели место, ибо на Руси и в Византии в то же время они реально использовались, притом весьма широко. Таким образом, их также можно охарактеризовать как шинные плечевые щитки византийского типа.

Бригандинные плечевые щитки также встречаются не часто. Лучшие изображения — это фреска из замка Саббионара (см. выше) и надгробие Бернардино деи Баранцони 1345-1350 гг. из Модены (см. ниже.) Археологический экземпляр наборного плечевого щитка, предположительно бригандинного, был найден в генуэзской колонии в Азове. Сопровождающий его материал позволяет датировать находку 1360-1390 гг. *(рис. 120).*

По всей видимости, наборные плечевые щитки, да и вообще комплекты наручей, обязаны своим появлением в Италии заальпийскому, а конкретно германскому влиянию. На территории беспокойного северного соседа наборные конструкции были распространены чрезвычайно широко вплоть до последней четверти XIV в. Германские же наемные отряды непрерывно сражались на Апеннинском полуострове,

что позволяет объяснить появление данной моды, хотя бы и в ограниченном распространении.

Необычные плечевые щитки представлены на надгробии Гвидо Паллавичино 1301 г. из Фонтевиво. Они представляют собой «рукава», сформированные тремя рядами удлиненных чешуи, наподобие набора его доспеха. Складывается впечатление, что основа щитков выкроена задело с основой панциря или пришита к ней.

Налокотник в виде подвесного диска употреблялся в сочетании с аналогичными наплечниками и плечевыми щитками из вываренной кожи. Представительная группа надгробий, изображающая эту разновидность защиты локтевого сустава, происходит с территории Неаполитанского королевства, некоторые из них приведены в данной работе (например, надгробие рыцаря из семейства Ферретти). Необычный диск в виде цветка, дополненного треугольной кольчужной подвеской на плечевом щитке, с надгробия Бернардино деи Баранцони 1345-1350 гг. из Модены *(рис. 121)*.

Уже в начале XIVв. ДИСКИ все чаще сменяются на выпуклые *чашковидные налокотники,* которые повторяли форму аналогичных наколенников, как показано на надгробии Луиджи де Шамане 1348 г. из Сиены.

Более продвинутым вариантом был *коробчатый налокотник*. Во всех подробностях он изображен на надгробии Томаса, герцога Савойского. Он повторяет форму аналогичного наколенника, но отличается меньшими размерами. Характерной чертой итальянских налокотников второй половины XIV в. была коническая или, если можно так выразиться, куполовидная форма центральной части. Характерным примером является изображение налокотника с надгробия Галеотто Маласпина. Подобные налокотники в большинстве случаев снабжались боковыми крыльями на внешней стороне. Однако даже от самого конца XIV столетия происходят достоверные свидетельства существования простых налокотников без дополнительных защитных элементов (см. фреску «Битва при Пунто Сальворе»). Лучшим образцом, дошедшим до современности, можно признать налокотник от детского доспеха Карла VI из Шартра *(рис. 122)*.

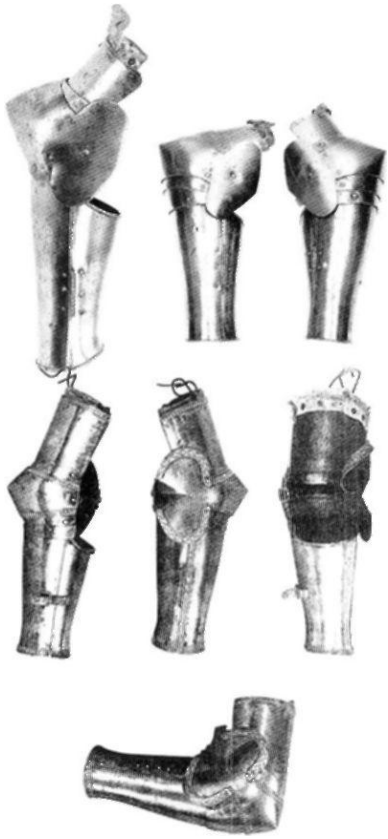


Рис. 123, 123а, 123б. Наручи из собрания Курбургского замка

Описанные выше налокотники стали базой для создания наиболее развитых форм налокотников с переходными пластинами на шарнирном соединении. Появились они в 1360-х гг., или незначительно раньше, отстав на несколько лет от аналогичных средств прикрытия ног. Как и наколенник, центральная часть налокотника продолжалась с двух сторон серией переход-

ных пластин. Количество пластин обычно не превышало двух, как на надгробии Николо Аччиаюолли младшего. В нижней части переходные пластины крепились к наручу. Причем, для обеспечения свободы хода руки, ножки заклепок помещались в длинные прямоугольные отверстия во внешней створке наруча (так называемые «скользящие» заклепки). Заклепки могли фиксировать переходную пластину по бокам, или в центре наруча. Верхняя переходная пластина налокотника часто выполнялась длиннее остальных, достигая середины плеча. Подобная шарнирная конструкция была типичной для Италии с 1370-1380-х гг. Три комплекта наручей (два парных, один одинарный) с подобными налокотникам, относящиеся к 1370-1390 гг. происходят из арсенала Курбургского замка *(рис. 123).* Боковые крылья таких налокотников изначально повторяли архаичные исходные формы, т. е. оставались плоскими. В конце XIV в. они заметно усложнились, приобретя выраженный желоб треугольного сечения в центре. Появление данной черты было связано со стремлением защитить локтевой сгиб от прямого укола. Эта тенденция продолжила свое развитие, что привело к появлению в XV столетии развитых боковых крыльев, которые, сходясь под углом в центре, полностью закрывали локтевой сгиб.

Совершенно необычный налокотник был найден в Азове в комплекте с плечевым щитком и бригандиной. Речь идет о наборном, по-видимому, бригандинном налокотнике, составленном пятью прямоугольными пластинами (см. выше).

Наручи в основном повторили путь развития плечевых щитков. От примитивных наборных конструкций, а также простых трубчатых цилиндрических протекторов, итальянский доспех в середине — второй половине XIV в. пришел к развитым анатомическим прикрытиям предплечий. Характерная форма с выраженным сужением в центре и расширением над запястьем породила устойчивый описательный термин «тюльпановидные наручи». В основной массе мы имеем дело с двустворчатыми конструкциями. Иногда встречаются изображения одностворчатых тюльпановидных наручей. Створки стыковались в боковых плоскостях предплечья. Внешняя сторона несла утопленную петлю, на внутренней располагались ремни и пряжки застежек. Ремни на итальянских наручах часто помещались в специальных прямоугольных пропилах и фиксировались на заклепке на изнаночной стороне створки. Необычный вариант наруча обнаружен в Азове. В данном случае стыковка створок осуществлялась не с боков предплечья, а сверху и снизу по центру.

Как видно из описания налокотников, наручи в Италии соединялись посредством шарниров в единую систему с плечевым щитком, если таковой имелся. Однако до начала XV в. имели хождение «германские» наручи, которые одевались отдельно и крепились шнуровкой к поддоспешной одежде — кольчуге или акетону. Подобный наруч хранится в собрании замка Курбург *(рис. 124).*

Защита кисти возлагалась на *перчатки* с раздельными пальцами. Рукавицы в XIV в. были крайне непопулярны. Это связано с тем, что в основном моду на доспех задавали рыцари, которые являлись конными бойцами. А значит, перчатки с раздельными пальцами были предпочтительнее для них, так как позволяли наиболее четко держать поводья лошади в руке. В бою лошадь управлялась в лучшем случае одной рукой, которая к тому же часто была обременена щитом, следовательно, натяжение повода осуществлялось преимущественно при помощи пальцев, что было бы весьма затруднительно в рукавице. Этот факт обеспечил максимальное распространение перчаток в XIV в., хотя, естественно, рукавица должна была обладать лучшими защитными свойствами в сравнении с перчаткой.

Ранняя история латных перчаток была подробно описана К. Блэром и Б. Тордеманом.[44] Видимо, перчатки конца XIII — первой половины XIV в. мало отличались в Италии от многочисленных образцов, найденных на месте битвы при Визбю

Рис. 124. Наруч «a la tedesca» из собрании замка Курбург

Рис. 125, 125а, 125б. Перчатки из собрания замка Курбург; перчатки из собрания музея дворни Барджелло, Флоренция; перчатки из собора Шартра

1361 г. Своеобразной южноевропейской разновидностью перчаток были чешуйчатые перчатки. Лучшие изображения такого рода происходят с надгробий Гвидо Палавичино 1301 г. и Джованни ди Каструччио Кастракане 1343 г., а также с барельефа 1320-х гг. из дворца Барджелло. Изображенные перчатки повторяют фасон гражданских перчаток того периода. Они отличаются длинными крагами, которые образуют некий редуцированный наруч, доходя до середины предплечья. На надгробном барельефе Гвидо Палавичино перчатки изображены украшенными бубенцами, что более не прослеживается на примере иных источников. Чешуйчатые перчатки были вытеснены более технологичными и функциональными конструкциями «а-ля Визбю». Как правило, они представляли бригандинные перчатки с чешуйчатыми или шинными пальцами, в последнем случае каждой фаланге пальца соответствовала отдельная пластина, а суставы прикрывались выпуклыми пластинками. Такие же перчатки могли формироваться внешним набором, с пластинами поверх основы. Перчатки с надгробия Колаччио Беккадели и другие, однотипные ему, в общих чертах повторяют особенности германских образцов, а также находок с Визбю. Направление развития конструкции шло по пути создания монолитной защиты. В результате перчатки Колаччио Беккадели составлены из двух основных частей — прикрытия запястья и краги. Эта конструкция перекликается с аналогичной перчаткой с Визби.

В середине XIV в. общая тенденция к укрупнению защитных пластин привела к созданию перчаток с монолитной крагой, которые, как и бригандины, называют в историографии *«песочными часами»*. Две пары таких перчаток происходит из арсенала Курбурга. Еще одна пара хранится в Шартре, одна, принадлежавшая знаменитому Черному Принцу, — в Кентерберийском Аббатстве, пара — в музее Штиберта во Флоренции и т. д. *(рис. 125)* Всех их различает степень расширения краги, а также способ наведения лучезапястных выступов на поверхности основной пластины. Перчатки Черного Принца и пара из

Рис. 126. Гвидориччи да Фольяни, работа Симона Мартини 1328 г., Палаццо Публика, Сиена

Рис. 127. Фреска из замка Саббионара из Анио

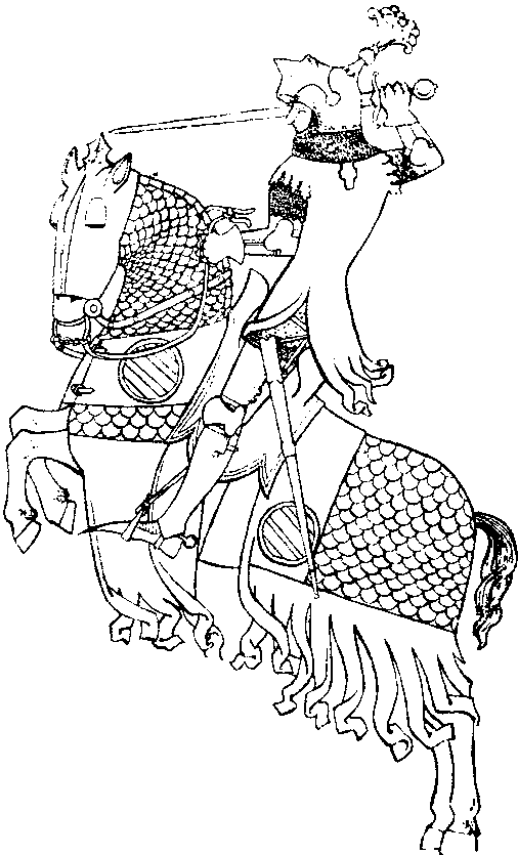


Рис. 128. Надгробие Тиберио Брандоличи 1393 г. Баньякавалльо, близ Имолы

Шартра имеют плавные полукруглые в сечении обводы этих выступов. Образцы же из Курбурга отличаются резко очерченными пирамидальными выступами. Часть перчаток имела декоративные бронзовые накладки, поверх выступов, а на экземпляре из музея Штиберта они присутствуют до сих пор.

Кольчужные перчатки, пришедшие из XIII столетия, просуществовали в Италии вплоть до второй половины XIV в. Последним свидетельством их ношения является надгробие Томаса Савойского. В более ранний период их изображения встречаются относительно часто, например — в массовом порядке, на фресках 1330-1340 гг. церкви Сан-Аббондио в Комо.

Рассмотрим *комплекс прикрытия рук* в итальянском защитном снаряжении. Способ ношения наручных лат был схож с манерой ношения лат ножных. Единственное отличие состояло в порядке надевания защитных приспособлений. В случае с прикрытием ног сперва надевались сабатона, за ними следовали наголенники, и завершали процесс набедренники с нако-

ленниками. Наручи надевались в обратной последовательности. Нижний элемент — перчатки — шли в последнюю очередь. Во-первых, на руки возлагались плечевые щитки и наручи с налокотниками, потом наплечники, которые в случае необходимости могли крепиться специальным ремнем к плечевому щитку (речь идет о ламинарных наплечниках конца XIV в.).

Самой примитивной формой защиты рук были простые кольчужные рукава, употребляемые без дополнительных элементов доспеха. Они могли быть широкими и опускаться ниже локтя, доходя до середины предплечья или еще ниже. В таком случае их могли дополнять наручи или перчатки с длинной крагой. Данная манера прослеживается на примере надгробия 1315 г. Филиппо деи Дезидери из Болоньи, на триумфальном портрете Гвидориччио да Фольяна 1328г. кисти Симона Мартини из Палаццо Публика в Сиене, а также фресок из церкви Сан-Аббондио в Комо *(рис.126)*. Иной манеры требовали более длинные рукава, зауженные к запястью. Их заправляли под крагу перчатки, как на надгробии Колаччио Беккадели 1341 г. из Имолы или на фреске, изображающей Коронацию Девы Марии из Национальной пинакотеки Болоньи. Даже простые рукава могли усиливаться налокотниками, причем как в виде подвесных дисков (аллегория Марса с барельефа 1342-1347гг. в часовой башне собора Флоренции), так и развитыми коробчатыми налокотниками (надгробие Томаса Савойского, чеканные панели с «Житием Св. Якова» 1367-1371 гг. из собора Пистойи).

Поверх рукавов кольчуги с начала XIV в. все чаще стали носить дополнительную защиту, в качестве которой выступали латные и наборные элементы. Следует еще раз подчеркнуть приверженность итальянских воинов к прикрытиям гомогенной конструкции, что впоследствии сказалось на облике европейского воинства вообще. Надо отметить, что использование одного усиливающего элемента не обязательно подразумевало наличие других. Например, плечевые щитки из вываренной кожи, или стали, вполне могли употребляться в комплекте с наплечниками, налокотниками, но не сопровождаться наручами. В то же время наруч часто изображается без сопровождения прикрытий верхней части руки. Беднейшая часть воинов могла обходиться вовсе без прикрытия рук, как показано на фреске из замка Саббионара, где изображены легковооруженные пехотинцы со щитами и копьями *(рис. 127)*. Плечевой щиток с равной долей вероятности мог заходить под налокотник или накрывать его сверху. В Италии иногда использовались экзотически для остальной Европы кольчужные подвески на плечевом щитке, дополняющие налокотник. С течением времени латы все больше вытесняли кольчугу, и скоро уже не они усиливали кольчугу, а наоборот — кольчуга выступала вспомогательным средством. Обычной стала манера ношения «латного рукава», когда латные или наборные протекторы полностью закрывали руку, как раньше рукава кольчуги, или стремились к этому. При этом для придания подвижности рукам наплечники иногда могли вообще не употребляться, как показано на надгробии Тиберио Брандолини *(рис. 128)*.

В условиях быстрого прогресса мастерства выделки пластинчатых доспехов кольчуга быстро стала не более чем дополнительной тяжестью, которую, естественно, попытались минимизировать. Рукава её укоротились и к концу XIV в. закрывали только плечо под наплечником. Локтевой сгиб могла защищать кольчужная вставка, пришитая к рукаву акетона.

ГЛАВА IV
КОМПЛЕКС ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ В ИТАЛИИ

Ознакомление с таким ярким явлением в материальной культуре Европы, каким являлся итальянский доспех, было бы неполным без попытки систематизации комплексов защитного вооружения, имевших хождение или производившихся в Италии. Разумеется, до самого конца XIV в,, когда продукция североитальянских и, прежде всего, миланских мастерских не начала клеймиться, далеко не всегда удается с точностью выявить предметы итальянского экспорта среди общего массива информации.

Классификация полных комплексов защитного вооружения крайне затруднена, так как каждый из них состоит из значительного числа составляющих элементов. Причем сочетание их варьировалось исключительно в зависимости от прихоти или возможности пользователя доспеха, которое варьировалось согласно его представлениям о моде, личной безопасности, удобстве и материальным возможностям. Некоторые элементы доспеха могли вообще отсутствовать даже в рамках аналогичного комплекса, так что полноценная классификация чрезвычайно затруднена, тем более в рамках небольшой работы ознакомительного плана.

Тем не менее, устойчивые сочетания некоторых характерных черт позволяют выделить несколько узнаваемых манер, стилей ношения доспеха. Во-первых, выделим наиболее яркую группу, а именно рыцарский доспех. Во-вторых, отдельно рассмотрим доспех солдатский. В-третьих, ознакомимся с экспортными вариантами итальянского доспеха. Необходимо оговориться, что данное разделение носит условный характер и преследует сугубо иллюстративные цели. Стили будут выделяться на основе часто встречающихся изображений защитных комплексов или ярких, знаковых иллюстраций.

Первая группа — рыцарский доспех. Первое — это стиль Гульельмо Беради. В едином комплексе сочетаются кольчуга с длинным рукавом и перчатками, кольчужные чулки, которые усилены набедренниками, наколенниками и налокотниками из вываренной кожи, малый бацинет, надетый поверх кольчужного капюшона. Изображение относится к 1289 г., т. е. может маркировать конец XIII — начало XIV вв.

Второй стиль — Карл II Анжуйский, король Неаполя. Надгробный монумент восходит к началу XIV в., хотя подобные комплексы мы встречаем на изображениях вплоть до 1350-1360-х гг. Посмертный монумент не несет изображения шлема. По всей видимости, его можно дополнить фигурой Роберта Анжуйского с вассальной грамоты города Прато, которая незначительно отстоит по времени от смерти Карла и синхронна созданию монумента. Таким образом, описываемый комплекс включает шлем с подъемным забралом (равно возможен глухой топхельм), кольчугу с широкими рукавами, бочкообразную бригандину, скрытую под геральдическим длиннополым сюрко, наплечники и плечевые щитки из вываренной кожи, перчатки кольчужные или пластинчатые, коробчатые наколенники с кольчужной подвеской или декоративным фестончатым окаймлением, наголенники также из вываренной кожи, стопы могут быть прикрыты сабатонами.

Третий стиль — условно говоря, «воин Симона Мартини». Основано на фресках

из церкви Св. Франциска в Ассизе, соотносится с изображением Гвидориччи да Фольяна и Канграндe делла Скала, что охватывает время с 1320 до 1330 гг. соответственно. Воин облачен в длиннополую бригандину, скроенную на манер сюрко, с набором из крупных прямоугольных пластин, шлем «шапель-де-фер» в комплекте с горжетом или бацинет с подвесным наносником, дополняемый топхельмом, кольчугу с широким рукавом длиной до запястья или до последней четверти предплечья, кольчужные или пластинчатые перчатки, полусферические наколенники, двустворчатые стальные наголенники и в ряде случаев ламинарные сабатоны.

Четвертый стиль — Колаччио Беккаделли из Баньякавалльо близ Имолы. Надгробие изготовлено резчиком Беттино из Болоньи приблизительно через полтора десятка лет после смерти рыцаря в 1341 г. Т.е., скорее всего, отражает действительность 1340-1350 гг. Комплекс сформирован куполовидным бацинетом с двойной бармицей (дополнительная кольчужная полоса по линии монтажа основной бармицы на поверхности бацинета), топхельмом с крестообразной накладкой на лицевой пластине, бочкообразной бригандиной с надетым поверх сюрко, кольчугой с длинными рукавами и подолом, достигающим нижней трети голени, перчатками с длинными крагами, стеганными чулками, поверх которых надеты: трехсторонние бригандинные набедренники, коробчатые наколенники с круговой кольчужной подвеской снизу, двустворчатые анатомические наголенники, бригандинные сабатоны. Данному стилю соответствуют, например, надгробия Иоганна Улера де Эрган 1359 г. из Лукки, Иоганна Спирера де Гейспальсем 1345г. также из Лукки.[45]

Пятый стиль восходит к надгробию рыцаря из Флоренции Никколо Аччиаюолли (если именовать его полностью, Лоренцо ди Николло Аччиаюолли) 1353 г. Воин снаряжен приталенной бригандиной, скрытой сюрко, наплечниками в виде львиных голов, кольчугой с рукавами ниже локтя, шинными наручами, латными перчатками «песочные часы», шинными набедренниками, львиноголовыми наколенниками с круговой кольчужной подвеской, анатомическими наголенниками из вываренной кожи с кольчужными подвесками, закрывающими основания стоп и ламинарными сабатонами, предположительно собранными на несущей основе посредством заклепок. Рыцарь представлен без шлема, поэтому его изображение, для формирования полноценного комплекса, необходимо дополнить аналогичным надгробием Биордо делли Убертини 1358 г. из Флоренции, где имеется изображение куполовидного бацинета с откидным наносником. Шестой стиль представлен надгробием рыцаря из семейства Обици 1350-1360-х гг. Комплекс содержит: Бацинет с забралом клапвизир, приталенную бригандину, угадывающуюся под длиннополым сюрко, крупные монолитные наплечники, шинные плечевые щитки и наручи, приостренные налокотники с небольшим боковым крылом, перчатки «песочные часы», набедренники (на надгробии скрыты сюрко полностью), наколенники в виде львиных голов, одностворчатые латные анатомические поножи и чешуйчатые сабатоны. Седьмой стиль — Галеото Маласпина, с надгробия 1367 г. из Флоренции. Данный комплекс предполагает куполовидный бацинет с откидным наносником, приталенную бригандину под сюрко, кольчугу с коротким подолом и полными рукавами, крупные монолитные наплечники, латные плечевые щитки и анатомические тюльпановидные наручи с перчатками «песочные часы», одностворчатые латные набедренники, коробчатые наколенники, анатомические двустворчатые наголенники и ламинарные сабатоны. В общих чертах описанный комплекс повторен надгробием неизвестного рыцаря из музея Виктории и Альберта (Лондон) *(рис. 129)*. Единственное принципиальное отличие — в кольчужных, а не ламинарных сабатонах. Данное надгробие можно также соотнести с другим — монументом Томаса Савойского, который, по всей ви-

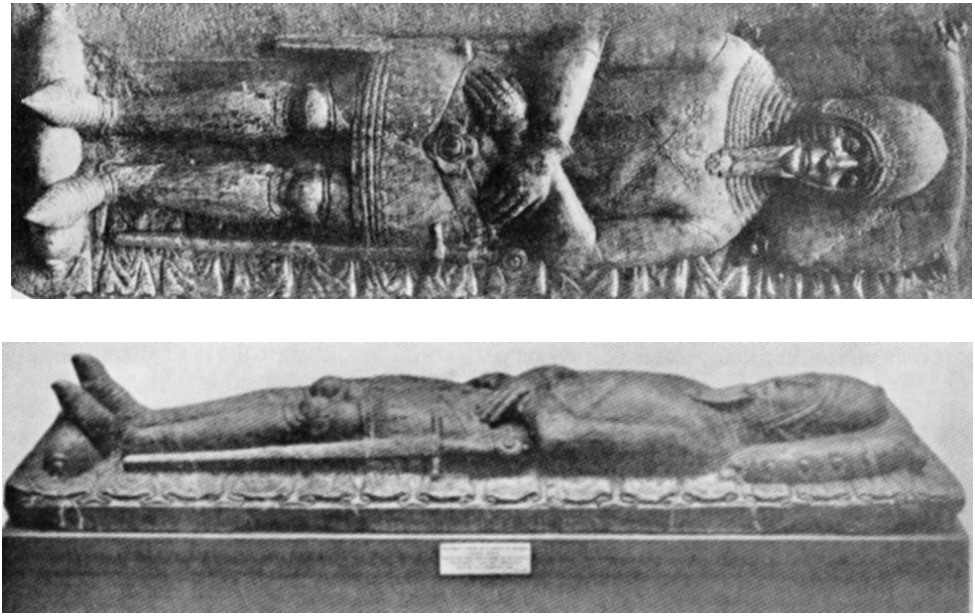


Рис. 129. Надгробие неизвестного рыцаря из музея Виктории и Альберта (Лондон)

димости, был изготовлен в 1360-1380 гг. Он позволяет судить о конструкции возможного варианта бригандины, подходящей к рассматриваемому стилю. В вырезе сюрко виден монолитный нагрудник, следовательно бригандина была кирасовидной. Шлем герцога Савойского однотипен двум предыдущим, но, в отличие от них, несет петли под забрало в височных долях. Можно предположить, что забрало относилось к ранней разновидности бикоков, т. е. имело бульбовидный выступ в центре. Вполне возможно, что в комплект входило коническое забрало хундсгугель, тем более что конструкция и геометрия шлема для этого подходит.

Восьмой — стиль надгробия Тиберио Брандолини 1397 г. из Баньякавалльо близ Имолы. Он включает бацинет с забралом хундегугель, предположительно кирасовидную бригандину, подол которой виден в разрезе сюрко, кольчугу с короткими рукавами, пол которые надеты латные наручи на шарнирном соединении, включающие плечевой щиток, тюльпановидный двустворчатый наруч и конический налокотник с боковым крылом И двумя переходными пластинами сверху и снизу, латные перчатки «песочные часы», латные набедренники с задней створкой и наколенниками, которые присоединяются посредством шарниров через две переходные пластины сверху, внизу его продолжают две узкие переходные пластины и одна широкая, которая ремнем пристегнута к двустворчатому латному на голеннику, стопу защищает ламинарный сабатон. Аналогичный комплекс изображен на надгробии Федериго де Лавеллонго 1373 г. из Падуи. Статуя архангела Михаила 1388 г. из собора Св. Марка в Венеции иллюстрирует схожий комплекс с точно угадываемой под сюрко кирасовидной бригандиной и прямоугольными кольчужными подвесками

Рис. 130. Статуи архангела Михаила 1388 г. из собора Св. Марка в Венеции

Рис. 131. Фреска 1316 г. из замка Анжер «Пленение Напа делла Торре миланцами»

под наколенниками, столь характерными для итальянского готического доспеха, а также кольчужными полосами на основании стопы *(рис. 130)*.

Девятый стиль воспроизводится на основании надгробия Джованни ди Поджио 1393 г. из Лукки. Комплекс защитного вооружения состоит из бацинета с забралом клапвизир (предположительно хундсгугель, учитывая позднюю датировку), монолитный нагрудник с ламинарным подолом, заканчивающемся треугольным выступом в центре, крупными монолитными наплечниками, одностворчатыми прямоугольными плечевыми щитками, под которые заведены верхние переходные пластины налокотников, которые, в свою очередь, продолжены одностворчатыми анатомическими наручами и латными перчатками, ноги закрывают латные набедренники, наколенники с внешними и внутренними боковыми крыльями и кольчужной подвеской снизу, двустворчатыми наголенниками с кольчужной полосой, заходящей на основание стопы и ламинарными сабатонами. Данный стиль можно отнести к чеканным изображениям на серебряных панелях алтаря работы Леонардо ди Сан Джованни 1367-1371 гг. со сценами жития св. Якова из собора Пистойи. В конце XIV — начале XV вв. нагрудник мог быть оснащен латным наспинником.

Вторая группа представляет пехотные доспехи, которые вполне могли совпадать с доспехами легкой конницы, т. е. их можно охарактеризовать как солдатские доспехи вообще.

Первый стиль — можно назвать стилем «Стражей Гроба Господня» из базилики Св. Стефана из Болоньи конца XIII — начала XIV вв. Солдаты снаряжены бацинетами скольчужными бармицами или горжетами, кольчугами с короткими рукавами, акетонами, стеганными набедренниками. Данное

Рис. 132. Фрагмент фрески «Распятие» Альтикьерри ди Дзевио из церкви Св. Джиакомо в Падуе последней четверти XIV в.

Рис. 133. Фрагмент фрески 1325-1330 гг. из церкви Св. Ремио, Флоренция

изображение необходимо дополнить фреской 1316г. из замка Анжер «Пленение Напа делла Торре миланцами» *(рис. 131)*. Снаряженную схожим образом пехоту, носящую шлемы с полями и бацинеты с забралами, изобразил во всех подробностях Амброджио Лоренцетти в 1327 гг. на своем знаменитом «Распятии».

Второй стиль — это стиль снаряжения пехоты с фресок первой половины — середины XIV в. из замка Саббионара в Авио. Солдаты изображены в бацинетах и стеганых гамбезонах с разнотипной простежкой. Информацию данного изображения дополняет фреска Федериго Меми «Крестный путь» из Сан-Джиминьяно, где пехота снаряжена еще и шлемами с полями и горжетами. Аналогичное изображение имеется на фреске Симона Мартина.

Третий стиль относится к изображению на фресках 1330-1340-х гг. из церкви Св. Аббондио в Комо. Пехота относится к разряду тяжелой. Она изображена в бацинетах, шапелях, длиннополых кольчугах, бочкообразных бригандинах, одностворчатых поножах.

Четвертый стиль — «солдаты Распятия» работы Альтикьерри да Дзевио из церкви Св. Джиакомо в Падуе последней четверти XIV в. *(рис. 133)*. Легкая пехота снаряжена гамбезонами, в том числе с разнотипной простежкой, бацинетами и шапелями.

Пятый стиль — «солдаты Битвы при Клавиго» с фресок «Жития Св. Якова» работы Альтикьерри да Дзевио из церкви Св. Джиакомо в Падуе последней четверти XIV в. (см. выше) Тяжелая пехота изображена одетой в шапели с низкоопущенными полями, бацинеты, кирасовидные бригандины с расстежкой на груди, латные наручи. Аналогичное снаряжение представлено на фресках «Мученичество Св. Екатерины» и «Мученичество Св. Георгия» того же автора. Однотипное снаряжение изображено на фреске «Битва при Пунто Сальворе» из Палаццо Публика в Сиене, где в том числе имеются несколько иллюстраций бацинетов с козырьками.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кирпичников А.* Я. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв./САИ. Е1-36. Л. 1971, с. 15-16;

[2] *Кирпичников А.* Я. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX-XШвв./САИ. Е1-36. Л. 1971, с. 20-21;

[3] *Жуков К. А.* Комбинированный ламеллярно-чешуйчатый доспех на Руси.//Para bellum №2, СПб. 2003, с. 84;

[4] *Контамин Ф.* Война в средние века. СПб. 2001, с. 206;

[5] *Oakeshott R.E.* The sword in the age of chivalry. L.1964.p. 43-46;

[6] *Bruhn-Haffmeyer A.* Arms and Armour in Spain. Vol. n.//Gladius 1982, fig. 96;

[7] *Edge D., Paddock* J. *M.* Arms and Armour of the Medieval knight. L. 1996, p.41;

[8] *Blair C.* European Armour. L. 1958, p. 41;

[9] *Kelly F. M.* Pre Gothic Cuirasses of PI a to.//Apollo Vol. 12, №67, 1930, p. 41;

[10] *Muller H., Kunter F.* Europaiscbe Helme. Erfurt 1971, s. 25;

[11] *Kelly F. M.* Pre Gothic Cuirassea of Plate.//Apollo Vol. 12, №67, 1930, fig 9;

[12] *Ffoulkes Ch.* Some aspects of the craft of the armourer.//Archaeologia Vol. 79, 1929, p. 19-20;

[13] *Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Leipzig 1890, s. 138

[14] *Mann J.* Notes on the evolution of Plate Armour in Germany in XIV-XV c.//Archaeological Journal 1935, p. 69;

[15] *Nicolle D.* Arms and Armour of the crusading era. N. Y. 1988, fig 1628;

[16] *Fliegel. S. N.* Arms and Armour. The Cleveland museum of Art. Cleveland 1988, p. 34, 44;

[17] *Thordeman B.* Armour from the battle of Wisby 1361-Stocholm 1939-1940, p. 115, fig 107;

[18] *Boccia I..G.* Museo Bardini. Le armi. Firenze 1985, p. 18;

[19] *Slothard C. A.* The Monumental effigies of Great Britain. L. 1817, p. 58;

[20] Fine antique arms and armour and books from the R/T/Gwynn collection. Christie" s L. 24 April, 2001, p. 85;

[21] Katalogder Leibruskammer. ITeilder zcitraum von 500bis 1530. Wien 1976, s.40, abb. 8-9;

[22] *Boccia L.* G„ *Coelho E. T.* Collaccio Beccadelli: an Emilian Knight of about 1340.//Arms and Armour Annual M1, 1973, p. 21;

[23] *Boccia L. G.* Museo Bardini. Le armi. Firenze 1985, p. 18;

[24] *Thordeman B.* Armour from the battle of Wisby 1361-Stocholm 1939-1940, p. 115, fig 287;

[25] *Nicolle D.* Medieval warfare source book. L. 1995, p. 137;

[26] *Boccia L. G.* L'Arte dell Armature in Italia. Milan 1967., ill. 36-38;

[27] *Kelly F. M.* Pre Gothic Cuirasses of Plate.//Apollo Vol. 12, №67, 1930, p. 39;

[28] *Franczuh R., Ногьисе T. J.* Fragment poznosredniowieczuej zbroi z zamku krzyzackiego w Male] Nieszawce.// KHKM. 1987, s. 219-234;

[29] *Ffoulkes Ch.* Italian armour from Chalcis.//Archaeologia Vol. 62, 1911, p. 388, PI. LIV;

[30] *Richardson T.* The introduction of plate armour in medieval Europe.//Royal Armouries Yearbook, Vol 2, 1997, p. 40;

[31] *Lysons* S. Copy of a roll of purchases made for the tournament of Windsor Park in the six year of king Edward I.//Archaeologia Vol 16, 1814, p. 297-310;

[32] *GamberO.* GeschiHite des mittelalter!iehen Bewaffnung. Teil 6.//ZHWK, 1998, s.40-41;

[33] *Blair C.* European Armour. L. 1958,p.60;

[34] *Richardson T.* The introduction of plate armour in medieval Europe.//Royal Armouries Yearbook, Vol 2, 1997, p. 41;

[35] *Petrovic D.* Dubrovacko oruzje. Ueograd, s. 107, el. 51;

[36] *Scalini M.* L'Armeria Trapp di Castle Coria. (Mine, Magnus 1996, ill. 16;

[37] *BlairC.* European Armour. L. 1958, p, 59;

[38] *Гуковский М.А.//СГЭ, Jl.* 1956;

[39] *Blair C.* European Armour. L. 1958,p.62;

[40] *Rocca la D.* J. Notes on the mail chausaes.//JAARS., Vol. XV, №2, 1995, p. 69, 80;

[41] *Reverseau J P.* Musee de L'Arme Paris. Le armes et la vie. Paris 1982, fig 20;

[42] *Stone G. C.* A glossary of the construction, decoration and use of arms and armour. N. Y. 1999,p.253;

[43] Boccia *L. G., Coelho E. T.* Collaccio Beccadelli: an Emilian Knight of about 1340.//Arms and Armour Annual №'1, 1973, p. 17;

[44] *Blair C. European* Armour. L. 1958, p.46, 66; *Thordeman B.* Armour from the battle of Wisby 1361. Stocholm 1939-1940, p. 230-244;

[45] *Boccia L. G.* Guerre e assolidati in Toseana 1260-1364. Firenze 1982, tav 16,17,24,25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арциховский А. В.* Оружие//Очерки русской культуры. 4.1. М. 1970.

2. *Басовская Н. И.* Столетняя война 1837-1453гг. М. 1985.

3. *Бэхайм В.* Энциклопедии оружии. СПб. 1995

4. *Дельбрюк Г.* История поенного искусства. Т. 3-4, СПб. 1996-1997.

5. История Европы. Т. 2 Средневековая Европа. М. 1992.

6. *Кирпичников А.* Я. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, будавы, кистени IX-XIII вв. //Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Москва-Ленинград. 1966.

7. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств. //Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Москва-Ленинград. 1971.

8. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси XIII-XVвв. Ленинград. 1976.

9. *Контамин Ф.* Война в средние века. СПб. 2001.

10. *Ленц Э.* Опись собрания пружин графа Шереметева. СПб. 1895.

11. *Лени, Э. Э.* Альбом выдающихся изображений иа собрании оружия. СПб. 1908.

12. *Мерцалова М. И.* Костюм разных времен и народов. Т. 1, М. 1993.

13. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. СП-б. 1994.

14. *Ashdown C. H.* European Arms and Armour. N. Y. 1967.

15. *Blair C.* European armour. London. 1958.

16. *Blair C.* Further notes on the origins of the weellock.//Arms an Armour Annual Vol. I, Northfield 1973.

17. *Blair C.* Church Armour.//Connoisseur, May, 1961.

18. *Boccia L. G. V* Arte dell Armatura en Italia. Milano 1967.

19. *Boccia L. G.* Armi e Armature.//II Museo Poldi Pezzoli. Milano 1972.

20. *Boccia L.* G„ Coelho E. T. Golaccio Bcccadeli an Emilian knight. Anna and Armour Annual Vol. I, Northfield 1973.

21. *Boccia L. G.* Thomas B., Gamber 0., Schedelman H. Armie Armature europee. Milano 1974.

22. *Boccia L. G.* II Museo Stibbert a Fircnze. L'Armeria Europea, Katalog. Milano 1975.

23. *Boccia L. G.* Le armature dl S/Maria delle Grazie di Curatione di Mantova e l'armatura lombarda dell' 400. Busto Arsizio 1982.

24. *Brandenburg N. E.* Eine alte Rustling, gefundet in einem HugelgraberSudrussland.//ZHWK. 1897.

25. *Bruhn Hoffmeyer A.* Middelalderens Tveaggede Svaerd. Bd. 1-2. Kopenhagen 1954.

26. *Bruhn-Hoffmeyer A.* Military equipment in the Byzantine manuscript of Scylitzes//Gladius T. V Granada 1966.

27. *Barges M.* Futher reaserch into the construction of mail garments. .//The Antiquaries Journal. Vol XXXIII, 1953.

28. *Calvert A. F.* Spanish Arms and Armour. N. Y. 1907.

29. *Carpegna N.* di Aiitiche Armi da bec. IX al XVIII gin colUvioue Odcseulchi. Rom 1969.

30. *Chodinski A. R.* Zbrojovnie Malhorskie, Museum Zamkove. Malbork 1978.

31. Christie's Fine. Antique Arms and Armour and Books from R. T. Gwynn collection. London. April 2001.

32. *Duffty A. R. Reid W.* European Armour in the Tower of London. L. 1968.

33. *Edge Peddoli.* Arms and Armour of Medieval Knight. London. 1996.

34. Ellehauge. *The* spear. Copenhagen 1948.

35. *Finer P.* In Armis Ars. Shipstoun-on-Stour 1997.

36. *Finer P.* In Armis Ars. Shipstoun-on-Stour 1999.

37. *Finer P.* In Armis Ars. Shipstoun-on-Stour 2000.

38. *Finer P.* In Armis Ars. Shipstoun-on-Stour 2003.

39. *Engel B.* Eine eigenartige Beckenhaube.//ZHWK. 1915-1916.

40. *Gamber O.* Armour made in Royal workshop in Greenwich.//The Scottish Art Review, vol. 12. № 2, 1969.

41. *German Historica.* Munchen 02 Mai 2002.

42. *Gessler E. A.* Die Entwiclung des sSchwezersabels. im XVI-XVII J.//ZHWK 1912-1914.

43. *Gessler E.A.* Die ritterliche Bewaffnung von 1386 zur Zeit der Schlacht bci Sempach.//ZHWK 1912-1914.

44. *Gessler E. A.* Die Spangenharnisch von Kussnach.//ZHWK. 1925.

45. *Glosek M.* Poznosrediiimvcczna hron obuchowa w zbiorach polsk ich. Wars/.;iwa — Lodz. 1996.

46. *Grancsay S. V.* Interelationships of Costume and Armour.//Anns and Armour. Essays by Grancsay S. V. from Metropolitan Museum of Art Bulletin. N. Y. 1986.

47. *Grancsay S. V.* Armour of don Alvaro dc Cabrera.//Arms and Armour. Essays by (ii'itricwiy S. V. Гтош JMeti'dimlkiiii Museum of Art Bulletin. N.Y. 1986,

48. *Hefner-Altenek von S.* H. Waffeu. Frankfurt - am-Main. 1903.

49. *Heath I. Bysantine* Armies.//Man-at-Arms series. 1994.

50. *Hewitt J. Ancient* Armour and Weapon in Europe. Vol II. Graz. 1967.

51. *Jefimov J. G.,* Miller J. A., Birukova N. J. 101 Arcydziel dawuycli mi si row XV-XV1II wieku. Katalog wystawy. Malbork 2002.

52. *Kalmar J.* Regi magyar fegyverek. Budapest. 1971.

53. *Katalog der Leibrustkammer.Teil* 1-2. Wien 1976.

54. *Kolias T. Bysantinische* Waffen. Vena 1981.

55. *Kienbuscn C. O.* Von. Krechmar von Kienbusch collection of Armour and Arms. Princeton 1963.

56. *henzE. In* Russlaiul fj'cl'iiiidenefnilitiiittelalterl iche Helme.//ZHWK. 1924.

57. *Longhurst M. H.* Italian Monuments XII-XVI, c. L. 1963.

58. *Mann J. Notes* on the armour of the Maximilian period and the Italian Was. Archaelogia, Vol. 79. 1929.

59. *Mann J.* Notes on the Armour worn in Spain in X-XV c.//Archaeologia, Vol. 83, 1933.

60. *Mann J.* Wallace Collection Catalogues. European Arms and Armour. L. 1962.

61. *Martin P. Armour* and Weapon. London 1968.

62. *Muller-Hickler H.* Uber die fundeausburg Tannenberg.//ZHWK. 1933,

63. *Muller-Hickler H.* Uber die fundeausburg Tannenberg.//ZHWK. 1933.

64. *Muller H., Kolling* 11. Kuropaisdic Hieb-und-Stich Waffen. Berlin 1981.

65. *Muller H., Kunter* F. Europaischo Helme. Berlin. 1984.

66. *Nadolaki A. Vzbrojenie* w Polsce sredniowecznej 1350-1450. Lodz. 1990.

67. *Nicolle D.* Arms and Armour of the crusaiding era 1050-1350. New — York. 1988.

68. *Nicolle D.* Hungary and Fall of Eastern Europe.//Man-at-arms series. 1993.

69. *Nicolle D. Medieval* Warfare source book. Vol. I-II. 1996.

70. *Nowakowski A. Arms* and Armour of the Tewtonnic Order Stale in Prussia. Lodz. 1994.

71. *Oakeshott H. E.* The Archaeology of Weapon. L. 1960.

72. *Oakeshott R. E.* The Sword in the age of Chivalry. L. 1964.

73. *Pierce I. The* Knight and his Armour 1150-1250.//Anglo-Norman Studies. Vol. XV. Woodbridge 1993.

74. *Reitzenschtein E. von.* Anton Peffenhauser, last of the great armourers.//Arms and Armour Annual Vol. I, Northfield 1973.

75. *Beverseau J P. Musee* de Г Armee Paris. Paris 1982.

76. *La Rocca D.* Notes on the Mail Chausse.//JAAS. Vol XV, №2, 1995.

77. *Rutkay A.* Umenie kovanie v zbraniah. Praha 1978.

78. *Scalini M.* Nota sulla formazione dell' Armalura di Piastre Italiana 1380-1420.//ZHWK 1980.

79. *Sckultz A.* Deutsches Leben im XIV-XV j. Bd. 1-2. Leipzig 1982.

80. *Stocklein H. Helmstudien.//ZHWK.* 1935-1936,

81. *Stothard C.A.* The Monumental Effigies of Great Britain. L. 1876.

82. Studia do dziejow dawnego uzbrojenia i ubioru wojskowego. Krakow 1982.

83. *Thordeman B. Armour* from the battle of Wisby 1361. Vol I. Stokholm. 1939-1940.

84. *Troso M.* Le Armi in Asta. Novara 1988.

85. *Ulleman H.R.* Kostbare Blanlwaffen aus dem Deulschen Klingenmuseum Solingen. Dusseldorf 1968.

86. *Vassilatos N.* Middelaiderhjelmene fra Chalkis.//Vaabenhistoriske Aarboger №47, 1998,

87. *Vrtel L.* Osem storoci slovenskej Heraldiky. Metica Slovenska. 1999.

88. *Wagner E.* Kroje, zbroi a zbrane doby predhusitske a husitske. Praha 1956.

89. *Wilbrandt W.* Bin spatmittelalterlicher Eisenhut mit spitze.//ZHWK. 1915-1916.

КЛИМ Александрович Жуков
Дмитрий Сергеевич Коровкин

Западноевропейский доспех
раннего ренессанса

Под ред. А. В. Арановича

Фотограф *И. Садова*
Дизайн и верстка *О. Саркисова*

Изд. лиц. N° 000281 от 21.10.99.

Подписано в печать 20.02.05.
Форинт *M* x 108 1 /16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 17. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ИПЦ СПГУТД

Жуков Клим Александрович — аспирант Сектора Славяно-Финской археологии ИИМК РАН, специалист и эксперт в области военного снаряжения: военной археологии, доспехов, оружия, воинского костюма и аксессуаров Европы и России раннего и позднего средневековья. Соавтор книги «Всадники войны. Кавалерия античной и средневековой Европы», автор более чем двадцати статей но истории военного снаряжения, участник многих тематических конференций, симпозиумов и круглых столов, ученый секретарь семинара «Военная археология», главный научный консультант и соучредитель Ассоциации Европейских Средневековых Боевых Искусств, преподаватель Российского Христианского Университета, член редакционной коллегии журнала «Para bellum».

Коровкин Дмитрий Сергеевич — кандидат юридических наук, специалист по историческому и криминалистическому оружиеведению, соавтор книги «Всадники войны. Кавалерия античной и средневековой Европы». Автор десятков статей и учебных пособий по криминалистике, истории военного дела, воинского снаряжения, истории костюма и исторической реконструкции. Соучредитель Ассоциации Европейских Средневековых Боевых Искусств, организатор мероприятий по исторической реконструкции европейского и русского средневековья, автор реплик военного снаряжения на экспозициях музея заповедника «Куликово поле» в г. Тула и музея «Ландскрона» в Санкт-Петербурге.

Представленная книга •— удачный образец совмещения искусствоведческого и археологического методов в изучении материала. Многочисленные произведения искусства, проливающие снег на историю военного одеяния XIV в., исследованы в сравнении с вещественными образцами той эпохи.
Конструкция, внешний вид и способы использования доспехом изложены н соответствии с четкими классификационными принципами. Все это позволило создать глубокий методологический задел для будущих исследований, а также свод научных реконструкций доспехов, полезный для историков-специалистов, музейных работников, реставраторов и реконструкторов, изучающих и воссоздающих воинские одеяния ушедшей эпохи.

Д. и. н., член-кор. РАН, ведущий научный сотрудник ИИМКРАН. те. Сектором Славяно-Финской археологии ИИМК РАН, заслуженный деятель науки России, академик Петровской академии наук и искусств, профессор А. Н. Кирпичников

ISBN 579370308-X
9785793703086

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ
www.braintrust.nl